В. И. Крупченскаго.

Курсъ

ИСТОРІИ РИМСКАГО ПРАВА

по лекціямъ

профессора Е. В. Тарасева

Юрьевъ.
1899

ESTICA

Ф. Кауфе.
1902.

Курсъ

исторіи римскаго права

Часть I

19498

Исторія государственнаго права
(внѣшняя)

Содержание

§§ стр.

Введение

1. Право. Догма и исторія права. Догма и исторія римскаго права ..... 1.
2. Значеніе римскаго права (и его исторіи) для современнаго юридическаго образованія ..... 3.
3. Общее содержаніе курса римскаго права ..... 7.
4. Методы изложенія исторіи права 8.
5 Источники права и правовѣдѣніе 10.

Часть 1

Государственное право и источники права.

I. Царскій періодъ.

A. Территорія.

6. Италія и ея заселеніе ..... 12.

7 Лекціумъ. Происхожденіе римскаго государства и основаніе Рима 17
8 Полноправные граждане и ихъ подразделеніе на политическія и сословныя группы 22
9 Кліенты 29
10 Плебеи 31

Государственная власть.

11 Царь 35
12 Должностныя лица царскаго періода 39
13 Сакральный строй римскаго государства. Жрецы и коллегіи жрецовъ 41
14 Сенатъ 44
15 Народныя собранія 49

Глава II

Реформы царскаго періода.

16 Реформа Сервія Туллія Древняго 54
17 Реформа Сервія Туллія 57
18 Центуріи. Полноправныя трибы . . . 63
19 Народныя собранія по центуріямъ и lex curiata de imperio. Территоріальная граница imperium 65

60 Органы вліяніе на развитіе и обработку каждой изъ указанныхъ группъ права 249

III. Дошедшіе до насъ памятники.

61 Двѣнадцать таблицъ 252
62 Остальные памятники . . . 259

3. Принципатъ

63 Паденіе республики и установленіе новаго строя и его общая характеристика 267

Глава I
Государственная власть
I. Принцепсъ.

64 Общее положеніе принцепса 274
65 Преемство власти 282

II. Магистратура

66 Общій очеркъ 286
67 Республиканскіе магистраты . 287
68 Должностной персоналъ принцепса и consilium principis . . . 291
69 III Сенатъ 297

70. IV. Народное собраніе . . . . . 300.

Глава II. Территорія и населеніе.

71. Римъ . . . . . 302.
72. Италія 305
73. Провинціи . . . . . 309.
74 Городской строй . . . . . 311.
75. Сословія и имущественная разница . 316.

Глава 3. Источники права.

76. Общій очеркъ. Jus civile и jus novum 321.
77. I. Законы (leges) . . . . . 323.
78. II. Постановленія сената (senatus consulta) . . . . . 326.
79. III. Эдикты магистратовъ. Реформа Адріана (edictum perpetuum) . 329.
80. IV. Constitutiones principum . . . . 334.

V Юриспруденція.

81. Общій очеркъ положенія юристовъ во время принципата . . . . 339.
82. a. Дѣятельность юристовъ практическая Jus respondendi . . . 341.
83. b. Литературная дѣятельность юристовъ . . . . . 344.
84. c. Преподаваніе права . . . . . 356.

3. Отдельные юристы.

85. Разделение юристов по эпохам и общая характеристика их. . . 358.
89. Общая оценка деятельности юристов времен принципата . . . . . 360.

Отдел 4. Период абсолютной монархии.

Глава 1. Переход к новому строю.

95. Последние времена принципата и переход к абсолютной монархии 366.
96. Общая характеристика нового строя. . . . . 370.

Глава 2. Государственная власть.

97. I. Император . . . . . 372.

II. Должностные лица.

98. Общий очерк организации должностного персонала . . . . . 375.
99. Consistorium. Высшие должностные лица центральных органов управления . . . . . 377.
100. Должностные лица гражданского и военного [illegible]

отдѣльныя части имперіи. Низшій служебный персоналъ adsessores, officia 380
101 III. Сенатъ римскій и константинопольскій и сенатская республиканская литература. . . . 383

Глава 3

Территорія и населеніе.

102 Территоріальное дѣленіе имперіи. Управленіе Римомъ и Константинополемъ. Городской строй 385
103 Сословныя различія 389

Глава 4

Источники права.

104 Общій очеркъ положенія источниковъ права 390
105 Ius vetus и отношеніе къ нему императорскаго законодательства 401
106 Императорскія конституціи. Первыя кодификаціонныя попытки. (Codex Gregorianus, Hermogenianus и Theodosianus. Novellae leges . . . 406
107 Судьба римскаго права на западѣ. 412
108 Германскіе законодательные сборники 414
109 Судьба римскаго права на востокѣ 418

110 Изданіе Digesta Justiniani . . . 423
111 Содержаніе и система Digesta Justiniani 429
112 Институціи Justiniani . . . 432
113 Новеллы. Сборники новелль . . . 434
114 Преподаваніе права по плану Justiniani 437
115 Судьба Юстиніанова законодательства на востокѣ и на западѣ . . . 440
116 Важнѣйшія изданія кодификаціи Justiniani 446

ad indices textus

XVI

Поправки.

На стр. 289, 3я строка снизу слѣдуетъ читать: ... считаютъ ее бременемъ сенаторскаго сословія. Однако она существуетъ во все время даннаго періода и даже и т.д.

На стр. 292, 2я строка снизу слѣд. читать: власть въ государствѣ, какую имѣли и сами принцепсы. Были даже случаи, ... и т.д.

На стр. 301, 2я стр. снизу слѣд. читать: ... частію къ особымъ постояннымъ судамъ quaestiones perpetuae (см. §36) и...

На стр. 309 8 с. снизу слѣд. читать: ... провинціей.

На стр. 313, 4 стр. снизу слѣд. читать: ... муниципальный строй и такимъ образомъ окончательно достигается полное единообразіе въ городскомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общегосударственномъ ...

На стр. 315, 6я с. снизу слѣд. читать: ... наконецъ имѣются въ городахъ квесторы (два или болѣе), которые завѣдуютъ городской казной. Черезъ каждыя пять лѣтъ вмѣсто duo viri jure dicundo избираются duo viri quinque annalis которые имѣютъ...

На стр. 317, 6я с. снизу слѣд. читать: Съ политической точки зрѣнія сенаторское сословіе является участникомъ въ государственномъ суверенитетѣ и потому считаетъ себя самостоятельнымъ и даже до нѣкоторой степени равноправнымъ съ императоромъ по дѣйствительное...

На стр. 241, первая строка сверху слѣд. читать: turpe esse patricio et nobili et causas oranti jus in quo versaretur ignorare.

Введение

§1. Право. Догма и исторія права
Догма и исторія римскаго права.

Право. Прежде чѣмъ приступить къ изложенію исторіи римскаго права, мы должны поставить себѣ вопросъ, что такое право, каково его происхожденіе и природа. Подъ правомъ вообще (правомъ въ объективномъ смыслѣ) разумѣется совокупность правилъ или нормъ, которыми должны руководиться люди извѣстнаго общественнаго союза (въ настоящее время — государства) въ своихъ отношеніяхъ другъ ко другу. Если бы человѣкъ въ своихъ дѣйствіяхъ руководился общимъ только своимъ желаніемъ и произволомъ, то никакая общественная жизнь была бы невозможна. Въ общественной жизни существенно необходимы такія правила, которыми бы воля человѣка ограничивалась въ извѣстныхъ отношеніяхъ и регулировались бы отношенія людей другъ ко другу. Поэтому мы видимъ, что каждое человѣческое общество, каждый союзъ, желая обезпечить себѣ прочное и спокойное существованіе, старается выработать такія правила, которыя указывали бы человѣку что онъ можетъ и долженъ дѣлать, живя въ обществѣ, и чего не долженъ, — короче, указывали бы границы его свободной дѣятельности. Совокупность такихъ правилъ, установленныхъ извѣстнымъ обществомъ, и называется правомъ.

Но принятыя въ извѣстномъ обществѣ юридическія правила или нормы могутъ быть невыгодны для какого-нибудь лица, и оно старается уклониться отъ исполненія ихъ. Въ виду этого общество, сознавая,

не можетъ ограничиваться одними указаніемъ въ правовыхъ нормахъ границъ дѣятельности, но оно должно заставить соблюдать ихъ. Необходимы, такимъ образомъ, принудительныя и карательныя мѣры, которыя побуждали бы человѣка къ исполненію установленныхъ обществомъ правилъ. Только въ такомъ случаѣ эти послѣднія и будутъ имѣть значеніе, когда за ними будетъ стоять сила, побуждающая человѣка къ ихъ исполненію. Изъ сказаннаго открывается новая черта, которая должна быть внесена въ опредѣленіе права, это-его принудительный характеръ. Итакъ, право есть совокупность правилъ, обязательныхъ для каждаго члена извѣстнаго общества, установившаго ихъ, и притомъ такихъ, неисполненіе которыхъ влечетъ за собой принудительныя мѣры со стороны этого общества. Въ этомъ заключается существенное отличіе права отъ моральныхъ или нравственныхъ, предписанія которой исполняются человѣкомъ не въ силу какихъ-л. внѣшнихъ побужденій, а единственно по его внутреннему убѣжденію.

Догма и исторія права. Юридическія правила и нормы по своей природѣ не составляютъ что-либо однажды и навсегда даннаго; они вырабатываются обществомъ постепенно и, какъ всѣ человѣческія учрежденія, подлежатъ процессу историческаго развитія. Отсюда, и изученіе права можетъ быть двояко: догматическое и историческое. Первое разсматриваетъ право въ его настоящемъ состояніи въ какой-либо данный моментъ, изучаетъ содержаніе и форму его отдѣльныхъ нормъ и всю его систему въ цѣломъ. Исторія же права изслѣдуетъ происхожденіе юридическихъ нормъ, т.е. вопросъ, какъ образовались

тѣ или другія юридическія нормы и какъ шло историческое развитіе права.

Изъ сказаннаго само собой понятно, что подъ догмой римскаго права нужно разумѣть совокупность юридическихъ правилъ или нормъ, которыми руководился въ своей общественной жизни римскій народъ, а подъ исторіей ея - процессъ историческаго развитія этихъ самыхъ нормъ.

§ 2 Значеніе римскаго права (и его исторіи) для современнаго юридическаго образованія.

Римское государство и самый римскій народъ давно уже сошли со сцены исторической жизни; естественно поэтому возникаетъ вопросъ, какое значеніе имѣетъ изученіе права этого отжившаго народа въ современномъ юридическомъ образованіи, и почему ему отводится въ немъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Чтобы отвѣтить на это, прежде всего обратимъ вниманіе на исторію политическаго развитія Рима. Римъ по свѣдѣніямъ исторіи началъ свою жизнь съ малаго. Въ первое время своего существованія онъ былъ незначительнымъ городкомъ. Черезъ восемь вѣковъ мы уже видимъ его стоящимъ во главѣ всемірной имперіи. Чѣмъ же объяснить этотъ необыкновенный ростъ Рима? Онъ достигъ этого отчасти благодаря своей прекрасной военной организаціи, но главнымъ образомъ благодаря своей разумной политикѣ. Завоевывая различныя страны и покоряя народы, Римъ поступалъ съ ними не такъ, какъ часто поступаютъ завоеватели: онъ не навязывалъ покореннымъ народамъ своего права, напротивъ, онъ самъ бралъ все лучшее

изъ дѣйствовавшаго у этихъ народовъ права и привнесли въ свое. Такимъ образомъ, римское право сосредоточило и объединило въ себѣ всѣ существенныя и лучшія черты изъ права всего древняго міра и поэтому вполнѣ справедливо можетъ быть названо представителемъ этого послѣдняго.

Послѣ паденія римской имперіи на ея территоріи начинаютъ общественную жизнь германскія племена, имѣющія свое національное право. Самостоятельное развитіе этого права продолжается до XIII - XIV вѣка, но въ это время въ германскомъ народѣ происходитъ громадная экономическая эволюція: открывается новый путь въ Индію и завязывается обширная торговля съ востокомъ, благодаря чему общественная жизнь быстро начинаетъ развиваться и придтомъ происходитъ то, что германское національное право оказывается уже недовлетворительнымъ и недостаточнымъ при новыхъ сложныхъ отношеніяхъ. Германскимъ юристамъ предстояла трудная работа - пересоздать свое право, приспособить его къ новымъ отношеніямъ; но они оказались не настолько талантливы, какъ нѣкогда римскіе юристы, которые въ подобномъ же положеніи оказались на высотѣ своего призванія; послѣдніе переработали римское право такъ, что оно вполнѣ соотвѣтствовало новымъ отношеніямъ. Германскіе же юристы вмѣсто того, чтобы пересоздавать свое собственное право, заимствовали юридическія нормы изъ римскаго права, гдѣ они нашли все необходимое (рецепція римскаго права). Такимъ образомъ римское право распространилось въ германскихъ государствахъ, во Франціи и т. д.

по всей Европѣ, гдѣ оно и господствовало въ теченіи нѣсколькихъ вековъ. Только съ конца XVIII вѣка государства Европы начинаютъ издавать свои собственные кодексы національнаго права (каковы, напр. прусскій, кодексъ Наполеона и др.). Но во всѣ эти кодексы, конечно, вошли и правила ранѣе дѣйствовавшаго, т. е. римскаго права, слѣдовательно, оно и послѣ этого еще не окончило своего существованія въ западной Европѣ. Черезъ Византію римское право оказало вліяніе и на русское.

Такимъ образомъ, знакомясь съ римскимъ правомъ, мы знакомимся не съ отжившимъ и уже мертвымъ правомъ, какъ это кажется на первый взглядъ, но съ живымъ и дѣйствующимъ. Безъ знанія римскаго права для насъ во многомъ трудно было бы ясное пониманіе нашего русскаго права и совсѣмъ невозможно пониманіе западно-европейскаго. Все сказанное представляетъ, такъ сказать, практическое значеніе изученія римскаго права. Но есть еще и теоретическое. Мы уже сказали, что римское право регулировало общественныя отношенія всего древняго міра; хотя эти отношенія, конечно, въ общемъ и мало похожи на наши современныя, но основы ихъ были и всегда останутся одними и тѣми-же. Люди жили семьями, покупали, продавали, нанимали и т. п. Юридическая сущность всѣхъ этихъ отношеній, существующихъ, конечно, и въ настоящее время, была въ совершенствѣ разработана римскими юристами. Лучшимъ доказательствомъ того и другого можетъ служить фактъ завоеванія римскаго права германскими народами.

Сказанное касается содержанія римскаго права; на второе мѣсто нужно поставить его форму.

И съ этой стороны римское право справедливо можетъ быть названо образцовымъ. Ни одинъ народъ не былъ настолько одаренъ юридическимъ талантомъ, какъ римскій. Труды римскихъ юристовъ имѣютъ настолько совершенную форму, что вполнѣ могутъ служить образцомъ и для современныхъ юристовъ при анализѣ и обработкѣ ихъ національнаго права.

Наконецъ, важное значеніе для юриста имѣетъ усвоеніе духа права; римскіе юристы при созданіи своего права всегда имѣли своимъ принципомъ и вмѣстѣ цѣлію „bona fides" (добрую совѣсть) и „aequitas" (справедливость). Эти же самые принципы и теперь должны лежать въ основѣ права, ибо безъ этого (доброй совѣсти и справедливости) не можетъ быть и самого права. Все это показываетъ важность изученія римскаго права. Здѣсь необходимо замѣтить, что нѣкоторые даже знаменитые ученые, говоря о значеніи римскаго права, впадаютъ въ крайность; они придаютъ слишкомъ большое значеніе, утверждая, что лучше и совершеннѣе его создать ничего невозможно; и потому не зачѣмъ стараться вырабатывать свое новое національное право. Это такая же ошибка, какъ и совершенное отрицаніе значенія изученія римскаго права. (Современный юристъ долженъ воспитываться на римскомъ правѣ для того, чтобы воспользоваться имъ какъ орудіемъ для созданія и развитія своего собственнаго права, чтобы, какъ выразился германскій ученый Іеринг, посредствомъ римскаго права подняться выше его.)

Таково значеніе римскаго права. Что ка-

сается въ частности значенія его исторіи, то оно, по силѣ всего сказаннаго, понятно само собой: нельзя ясно и отчетливо понимать нормы права, не зная того, какимъ образомъ онѣ сложились, т. е., не зная ихъ исторіи.

§ 3. Общее содержаніе курса римскаго права.

Весь курсъ римскаго права раздѣляется на двѣ части: исторію и догму римскаго права. Курсъ исторіи римскаго права въ свою очередь можетъ быть раздѣленъ на двѣ части: первая разсматриваетъ развитіе государственнаго права, которымъ опредѣляются отношенія гражданъ къ государству, и, въ связи съ этимъ, способы установленія правовыхъ нормъ, — источники права. Такимъ образомъ, первая часть есть исторія государственнаго права и источниковъ права. Вторая часть разсматриваетъ исторію права гражданскаго, подъ которымъ разумѣются тѣ юридическія нормы, которыя регулируютъ отношенія частныя между людьми. Въ связи съ гражданскими правами разсматривается также вопросъ о судебной защитѣ ихъ, которая составляетъ, такъ называемый, гражданскій процессъ. Такимъ образомъ, вторую часть составляетъ исторія гражданскаго права и гражданскаго процесса. Первая изъ указанныхъ частей носитъ названіе внѣшней исторіи римскаго права, потому что она разсматриваетъ внѣшній государственный строй, а вторая — внутренней, потому что имѣетъ дѣло съ нормами регулирующими внутреннія отношенія гражданъ государства.

§4. Методы изложенія исторіи права.

Какъ уже извѣстно, всѣ юридическія нормы, равно какъ и каждая изъ нихъ въ отдѣльности, не есть что либо однажды и навсегда данное; они подлежатъ историческому развитію. По мѣрѣ того, какъ развивается народъ измѣняется и характеръ его права. Если мы возьмемъ какой-л. моментъ изъ исторіи права и сравнимъ его съ другимъ, прежде бывшимъ, то увидимъ, что право въ эти два момента по своему характеру представляется далеко нетожественнымъ. Поэтому въ исторіи права можно различать нѣсколько отдѣльныхъ эпохъ или періодовъ и разсматривать все содержаніе права въ каждомъ изъ этихъ періодовъ. Такой методъ носитъ названіе синхронистическаго (σύν-χρόνος). Существуетъ и другой методъ. Мы можемъ взять одну какую-л. группу правовыхъ нормъ (юридическій институтъ) и, разсматривая ее отдѣльно отъ другихъ, прослѣдить ея исторію отъ начала до конца, не разбивая на періоды. Такой методъ называется хронологическимъ. Чтобы ясно понять различіе между двумя этими методами возьмемъ примѣръ. Мы изучаемъ исторію римскаго сената. По первому методу (синхронистическому) мы разсмотримъ сначала сенатъ въ періодъ царскій и въ связи съ нимъ всѣ другіе институты римскаго государства (государственную власть, положеніе магистратовъ и проч.). Затѣмъ перейдемъ ко второму періоду — республиканскому и опять разсматривая вмѣстѣ съ сенатомъ всѣ другія государственныя учрежденія и т. д. По второму же методу (хронологическому) мы будемъ разсматривать одинъ

только сенатъ внѣ общей связи со всѣми другими вопросами государственнаго права и, такимъ образомъ, прослѣдимъ всю его исторію отъ начала до конца за все время его существованія. Теперь умѣстно поставить вопросъ, какой же изъ этихъ двухъ методовъ лучше? Какъ тотъ, такъ и другой имѣютъ свои достоинства и недостатки. Къ достоинствамъ синхронистическаго метода нужно отнести то, что онъ даетъ полную и ясную картину всего государственнаго строя въ извѣстный періодъ; недостатокъ же его тотъ, что къ одному и тому же институту приходится возвращаться нѣсколько разъ (о сенатѣ говорить и въ царскій періодъ, о немъ же приходится говорить и въ республиканскій и т. д.). Далѣе къ недостаткамъ же этого метода нужно отнести и то, что очень трудно раздѣлить исторію права на періоды. Здѣсь возможно самое крайнее разнообразіе, смотря по тому съ какой точки зрѣнія производится дѣленіе. Особенно же трудно дѣленіе на періоды исторіи гражданскаго права, потому что въ этой области всѣ институты болѣе устойчивы и болѣе рѣдко происходятъ такіе рѣзкіе перевороты (болѣе возможные въ области государственнаго устройства и права), которые бы резюмировали и характеризовали отдѣльные періоды. Поэтому исторію гражданскаго права удобнѣе изучать методомъ догматическимъ, т. е. разсматривая каждый изъ его институтовъ въ отдѣльности. Исторію же государственнаго права или, иначе, внѣшнюю исторію права лучше разсматривать методомъ синхронистическимъ, т. е. раздѣляя ее на нѣсколько періодовъ.

Теперь, если мы применим этот метод к изучению внешней истории именно римского права, то всю ее можно разбить на четыре следующие периода: 1, царский, 2, республиканский, 3, переходный период, (от Августа до Диоклетиана и Константина), когда во главе государства стоит лицо с монархической властью, но сохраняются и республиканские учреждения; его называют различно: период фактической монархии, республиканской монархии, Принципат и, наконец, период принципата (по имени того лица, которое стояло во главе государства - princeps = первый в государстве) и 4 период абсолютной монархии (от Диоклетиана и Константина до Юстиниана). Вместе с историей государственного права в этих же 4 периодах рассматривается и история источников права.

§ 5. Источники права и источники правовладения.

Обычно строго отличают источники права от источников правовладения. Эти два понятия совершенно различны по содержанию. Под источниками права разумеют те силы и факторы, которыми вырабатываются правила обязательные для членов известного союза или иначе юридические нормы, которые в своей совокупности и составляют право. Такими источниками главным образом являются: во-первых, законодательная деятельность государства, результатом которой являются законоположения или вообще Законы, обязательные для всех членов государственного союза; во-вторых, обычай, который

такое установившееся правило или норма обязательные для членов общества. Этим путем образуется так называемое обычное право.

Под источниками же правоведения разумеется все то, откуда мы можем получить сведения о праве известного периода (времени). Таковы: сочинения историков, поэтов, надписи на монетах, архитектурных памятниках и пр.

Что касается источников истории римского права, то под ними, очевидно, мы должны разуметь все то, что может дать нам сведения об историческом развитии римского права. Среди этих источников на первом месте следует поставить источники юридического характера: сочинения древних юристов и древние законодательные сборники, многие из которых дошли до нашего времени. Второе место занимают источники не юридического характера: сочинения римских и греческих авторов – историков, поэтов, драматургов, грамматиков и т.п. (Тит Ливий, Дионисий и др.). Часто весьма ценные для истории римского права указания можно найти в древних надписях на камнях, памятниках, храмах и т.п.; это так называемая эпиграфическая литература.

Часть 1

Государственное право и источники права.

I Царскій періодъ.

А. Территорія

§6. Италія и ея заселеніе.

Территорій древне-римскаго государства является Аппенинскій полуостровъ называемый Италіей. Это названіе распространилось на весь полуостровъ постепенно. Первоначально этимъ именемъ (отъ Italoi-боки) Греки называли небольшую южную часть полуострова, потомучто жители этой страны занимались скотоводствомъ. Названіе Италія отъ небольшой южной части полуострова съ теченіемъ времени распространяется все выше и выше на сѣверъ и, наконецъ, при императорѣ Августѣ доходитъ до самыхъ Альпъ, захватывая, такимъ образомъ, весь полуостровъ.

Географическое положеніе страны представляется въ такомъ видѣ. По срединѣ полуострова вдоль всего его идутъ Аппенинскія горы, начинаясь отъ отроговъ Альпъ. Большой высоты эти горы не достигаютъ, но представляютъ изъ себя рядъ плоскогорій, отличающихся прекраснымъ климатомъ и богатою растительностью, представляющею роскошныя пастбища. Берега страны мало изрѣзаны и имѣютъ мало удобныхъ бухтъ, что препятствуетъ развитію въ странѣ мореплаванія и торговли. Поэтому жители занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ

болѣе, что природа благопріятствуетъ этому.

Заселеніе страны. Древніе историки относительно первоначальнаго населенія полуострова говорятъ, что это были люди, родившіеся изъ самой земли. Они называли этихъ людей автохтонами (самородными). Позднѣйшіе историки, конечно, не могли принять этого мнѣнія, но всѣ научныя изысканія относительно этого оказываются мало успѣшными: древнѣйшее населеніе Италіи остается до настоящаго времени неизвѣстнымъ. Относительно его дѣлается только слѣдующее предположеніе. Когда произошелъ наплывъ изъ Европы на полуостровъ новыхъ племенъ, то первоначальное населеніе подъ ихъ натискомъ должно было двинуться въ глубь полуострова. На югѣ его, дѣйствительно и жило нѣкоторое племя, называемое Japygi, которое уже въ римской исторіи представляется вымирающимъ. Можно допустить, что это племя и составляло древнѣйшее населеніе страны. Но, что это за племя, намъ неизвѣстно, потому что, хотя отъ него дошло до насъ много письменныхъ памятниковъ, но ключъ къ чтенію ихъ до сихъ поръ не найденъ. Можно только предположить, что это племя родственно Грекамъ. Гораздо важнѣе вопросъ, кто сдвинулъ съ мѣста это древнѣйшее населеніе Италіи и занялъ его мѣсто. По свидѣтельству преданія этотъ пришлый народъ, составившій позднѣйшее населеніе страны, явился сюда не съ моря, но сухимъ путемъ, чрезъ Альпы и притомъ двумя отдѣльными волнами. Первымъ явилось племя Латинское и, конеч-

но, заняло лучшія мѣста страны. Поэтому мы видимъ это племя живущимъ на равнинахъ (отличающихся плодородіемъ). Вторая народная волна, хлынувшая на полуостровъ, состояла изъ племени называемаго умбро-сабелльцами (слѣяніе двухъ племенъ умбровъ и сабеллювъ). Эти послѣдніе должны были занять худшія мѣста; они и поселились на горахъ. Но такъ какъ это мѣсто крайне неудобно для жизни (климатъ довольно суровъ), то, естественно, умбро-сабеллы стараются выпыснить латинъ и занять ихъ мѣста. Отсюда происходитъ продолжительная борьба между этими племенами, - борьба за мѣста поселенія. - Теперь важно узнать, съ какимъ же запасомъ знаній, съ какой культурой явились сюда эти племена, представляющія древнѣйшее историческое населеніе Италіи. На это, къ счастью, можно дать довольно точный отвѣтъ. Источникомъ для этого является языкъ этихъ племенъ. Сходство языка латинянъ и умбро-сабеллювъ показываетъ, что это племена родственныя, принадлежащія къ одной высшей группѣ Италійцевъ. А эти послѣдніе составляютъ отрасль индогерманскихъ народовъ арійскаго племени, къ которому принадлежатъ въ Азіи - Индусы, Иранцы а въ Европѣ: Славяне, Германцы и Греки. Ближе всего, судя опять-таки по даннымъ сравнительной филологіи, италійскія племена стоятъ къ грекамъ.

Что касается первоначальнаго мѣста поселенія этихъ племенъ и того пути, по ко-

торому шло ихъ разселеніе, то это вопросъ очень темный; относительно его существуютъ только гипотезы. Полагаютъ, что было время, когда всѣ эти народы, принадлежащіе къ арійскому племени, жили вмѣстѣ въ одной странѣ (Всего вѣроятнѣе это были склоны Гиндуку, граничащіе съ Индіей и Ираномъ.), и въ это время совмѣстной жизни племя стояло на пастушеской стадіи развитія (занимались скотоводствомъ). Объ этомъ заключаютъ изъ того, что скотоводческіе термины и названія животныхъ у всѣхъ европейскихъ народовъ сходны. Съ теченіемъ времени возрастающая численность племени и незначительность территоріи заставляютъ отдѣльныя группы Арійцевъ искать новыхъ мѣстъ для поселенія. Такимъ образомъ въ различное время выдѣляются изъ Арійскаго племени группы, образовавшія племена: Германское, Славянское и проч. Такимъ же путемъ вышли и племена, населившія впослѣдствіи Италію. Во время своего переселенія италійская группа народовъ перешла отъ пастушеской стадіи развитія къ земледѣльческой (это вполнѣ естественно, потому, что переселенія племенъ совершались очень медленно, цѣлыми вѣками съ продолжительными остановками). Мѣстомъ, гдѣ произошелъ этотъ переходъ, считаютъ южные склоны Кавказа и кавказскія степи. Послѣ этого племя раздѣляется: одна часть его занимаетъ Балканскій полуостровъ (впослѣдствіи — греки), другая группа направляется далѣе и, перейдя Швейцарскія Альпы, занимаетъ Италію. Какъ тѣ, такъ

и другіе въ это время находятся на земледѣльческой стадіи развитія (это доказываетъ сходство ихъ земледѣльческихъ терминовъ).

Такова была степень внѣшней культуры этихъ народовъ (будущихъ грековъ и латинянъ) во время ихъ поселенія на новыхъ мѣстахъ жительства. Что же касается ихъ внутренняго характера, то въ этомъ отношеніи между ними замѣчается громадная разница. Характеръ греческаго народа живой, склонный къ художественному воззрѣнію на міръ и природу. Древнее же италійское племя отличается суровымъ характеромъ, грубостію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и чистотою нравовъ. На первомъ мѣстѣ италіецъ ставитъ долгъ и государственные интересы, а не частные; у грековъ же, напротивъ, берутъ перевѣсъ личные интересы (Алкивіадъ, напримѣръ, по своимъ личнымъ разсчетамъ перемѣнилъ десять отечествъ). Эту разницу характеровъ объясняютъ природой странъ. Страна грековъ отличается красивымъ мѣстоположеніемъ, роскошной и богатой растительностью, и почва ея не требуетъ отъ человѣка особенныхъ усилій при обработкѣ. Берега страны изрѣзаны моремъ и представляютъ всѣ удобства для развитія мореходства и торговли. Италія же, говорятъ, болѣе сурова, почва ея требуетъ обработки, берега не имѣютъ удобныхъ гаваней, что не позволяетъ развиваться торговлѣ. Но въ такихъ соображеніяхъ Италія рисуется слишкомъ мрачными красками. Характеру страны принадлежитъ, конечно, весьма важное мѣсто

въ числѣ причинъ вліяющихъ на развитіе народа ее населяющаго, но не единственное. Масса другихъ факторовъ съ трудомъ поддается изученію и формулировкѣ.

Кромѣ Латинянъ и Умбро-Сабеллovъ мы встрѣчаемъ въ Италіи еще третье племя, извѣстное подъ именемъ Этрусскаго (Tusci), которое занимало сѣверозападный уголъ Апеннинскаго полуострова отъ праваго берега Тибра до Альпійскихъ горъ. Можно предположить, что это племя первоначально жило по равнинамъ рѣки „По", но галльскія племена (Кельты и Лигурійцы), двинувшись на югъ, вытѣснили Этрусковъ на ихъ настоящее мѣстожительство. Это племя не имѣетъ ничего общаго съ другими Италійскими племенами. Этруски рѣзко отличаются отъ латинскаго племени и по наружному виду, и по языку, нравамъ и обычаямъ и культурѣ, но что это за племя, какое его происхожденіе, до сихъ поръ нѣтъ никакихъ точныхъ свѣдѣній.

Такимъ образомъ все населеніе Италіи слагается изъ трехъ племенъ: Латинянъ, Умбросабеллovъ и Этрусковъ.

§7. Лацій. Происхожденіе римскаго государства и основаніе Рима.

Латинское племя, какъ было уже сказано, заняло лучшія плодородныя мѣста Италіи – равнины по западному побережью

полуострова), откуда и происходит название страны и народа. Страна эта называется Latium (от latus - широкий, ровный, плоский), а население - Латинянами, т.е. жителями равнины. Лаций расположен по берегам р. Тибра. Характер этой местности плоский, болотистый, не здоровый, но плодородный. Население занимается земледелием и живет деревнями; но для защиты от соседних враждебных племен латиняне принуждены были строить на возвышенных местах укрепленные города, или крепости urbes (orbis - круг, место, окруженное стеной, или рвом). Впоследствии эти города заселяются постоянными жителями и рядом с сельским населением образуется городское. Сельское население соединяется в общины - pagi, центром которой urbs. Города для усиления своих военных средств также соединяются в союзы. Таков был древнелатинский союз с городом Альба-Лонгой во главе. Но особенно сильных и могущественных союзов и государств в то доисторическое время образоваться, конечно, не могло.

Основание Рима. Если спуститься от Апеннинских гор вниз по течению Тибра, то можно встретить ряд холмов и скал, окруженных со всех сторон равниной. На этих холмах, представляющих естественную защиту, естественно должны были возникнуть укрепленные поселения - города. Место было самое удобное для образования крупного центр

здѣсь протекала рѣка, впадающая въ море, и такимъ образомъ представлялся естественный путь для торговли; кромѣ того природа представила и естественное укрѣпленіе. На этомъ мѣстѣ и былъ основанъ городъ Римъ, которому суждено было впослѣдствіи стать во главѣ всего міра.

Преданіе обставляетъ основаніе Рима разными легендами, въ которыхъ при этомъ замѣтно стараніе пріурочить ихъ къ будущей судьбѣ римскаго народа. Оставляя въ сторонѣ подробное изложеніе этихъ преданій, мы должны однако замѣтить, что въ нихъ среди легендарнаго и вымышленнаго есть намеки и на дѣйствительныя событія. То, что мы находимъ въ этихъ легендахъ достовѣрнаго можетъ быть сведено къ слѣдующему: Римъ образовался не сразу; онъ слагался постепенно путемъ слиянія различныхъ племенъ съ латинскимъ, которое первое основало поселеніе на Палатинскомъ холмѣ (одинъ изъ римскихъ холмовъ). Впослѣдствіи къ этому основному ядру города присоединилось сабинское поселеніе Cures расположенное на квиринальскомъ холмѣ (преданіе о похищеніи сабинянокъ, Ромулъ и Титъ Тацій; отсюда имя римскаго народа — populus Romanus Quiritium, Quintes-Curites). Еще позже въ это двойственное латино-сабинское государство принятъ еще третій элементъ, происхожденіе котораго съ точностью установлено быть не можетъ (этруски? жители разоренной Альбы-Лонги? ср. §9), поселившійся на холмѣ Эсквилинскомъ.

Основаніе римскаго государства есть, такимъ образомъ, соединеніе трехъ различныхъ самостоятельныхъ единицъ въ одно государственное цѣлое. Лаутское (Палат. х.), сабинское пл. (Квир. х.) и жит. Альб.-Лон.

Отсюда понятно, что точной хронологической даты основанія города Рима и указано быть не можетъ. Въ преданіяхъ же хронологическія указанія объ основаніи Рима различны. Общепринятымъ изъ нихъ можетъ быть названо счисленіе римскаго писателя М. Т. Варрона (M. T. Barro), который говоритъ, что Римъ былъ основанъ въ 753 году до Р. Х.

nach Varro 753

Римскія преданія о самомъ способѣ основанія Рима говорятъ, что онъ созданъ былъ по Этрусскому обычаю - more etrusco. Подъ обычаемъ здѣсь нужно разумѣть церемоніалъ основанія города. Это былъ церемоніалъ религіозный. На мѣстѣ основанія избиралась какая либо точка, гдѣ становился основатель города. Чрезъ нее проводились двѣ пересѣкающіяся линіи отъ востока къ западу и съ сѣвера на югъ. Параллельно имъ проводились границы будущаго города, который, такимъ образомъ, представлялъ правильный четырехъугольникъ. Затѣмъ намѣченныя границы опахивались самимъ основателемъ посредствомъ плуга, запряженнаго двумя бѣлыми животными (быкъ и корова), при этомъ старались, чтобы отвалъ земли былъ внутрь города, - это зачатокъ будущихъ городскихъ рва и стѣны. На каждой изъ четырехъ сторонъ, тамъ гдѣ предполагались воро-

та, плугъ приподнимали. Центръ города, гдѣ сталъ основатель, образовывалъ площадь - Templum, comitium. Границы города, такъ называемыя pomerium (post muros) считались священными и, какъ увидимъ впослѣдствіи, играютъ важную роль въ государственной жизни. Все пространство внѣ города (urbs) называется ager - поле, село.

Такимъ образомъ, вся государственная территорія древняго Рима раздѣляется на двѣ части: съ одной стороны urbs - городъ и съ другой - ager - села, которыя въ свою очередь раздѣляются на pagi. Но эту территорію нельзя представлять очень большой; при четвертомъ царѣ она равняется 5 1/2 кв. милямъ, а раньше вся она ограничивалась стѣнами города и окрестными селами, населеніе которыхъ могло (въ случаѣ опасности) помѣститься внутри города.

В. Населеніе.

Населеніе римскаго государства въ древнѣйшія времена слагается изъ трехъ отдѣльныхъ слоевъ. Первое мѣсто занимаютъ полноправные граждане - патриціи - patricii (qui patrem cieve possunt = которые могутъ назвать своего отца), т.е. люди родовитые. Въ зависимости отъ нихъ стоитъ второй классъ - кліенты clientes (древняя форма cluentes отъ cluere повиноваться). Третья группа называется plebs, plebei (отъ pleo - наполняю, множество, толпа). Они пред-

составляют позднейший элементъ населенія.

§8 Полноправные граждане и ихъ подразделеніе на политическія и естественныя группы.

Полноправные граждане, патриціи, съ самаго древняго времени представляются не безразличной слитной массой, но правильно организованнымъ сословіемъ; они раздѣляются на строго опредѣленныя группы, при чемъ въ основу дѣленія берутся различные признаки. Такихъ группъ мы находимъ четыре: tribus, curia, gens и familia.

Самымъ крупнымъ дѣленіемъ является дѣленіе на трибы. Ихъ существовало три: Ramnes, Tities и Luceres. Почти несомнѣнно можно утверждать, что дѣленіе на трибы не есть дѣленіе искусственное, политическое, но чисто племенное; каждая триба въ свое время была отдѣльнымъ племенемъ, которое и вошло въ составъ римскаго государства. Ramnes - это латинское племя, жившее на Палатинскомъ холмѣ, Tities - сабинское, жившее на квиринальскомъ холмѣ и слившееся съ латинскимъ при царѣ Титѣ Тацiѣ (отсюда и названіе Tities). Происхожденіе третьей группы-Luceres - точно неизвѣстно. Одни изъ историковъ утверждаютъ, что это - бывшіе жители города Альбы-Лонги, присоединенные къ римскому населенію Анкомъ Маркіемъ. Другіе говорятъ, что это племя

этрусское, потомучто цари этих последних назывались Lucomones (отсюда Luceres).
(Есть преданіе, что къ Анку Марцію пришелъ нѣкто Лукомо, царь этрускаго племени, и былъ принятъ въ число римскихъ гражданъ). Это послѣднее объясненіе болѣе вѣроятно. Но несомнѣнно только одно, что Luceres представляютъ элементъ вошедшій въ составъ римскаго государства позднѣе двухъ первыхъ.

Въ политическомъ строѣ, трибы, какъ группы чисто племенныя, большого значенія не имѣли. Раздѣленіе ихъ проявлялось въ слѣдующемъ. Каждая триба даетъ равное число сенаторовъ (100); поставляетъ одинаковое количество пѣхоты и конницы въ войско (первой по 1000 человѣкъ, а второй по 300). Каждая триба имѣетъ своего представителя въ жреческомъ сословіи. Существуютъ поэтому три главныхъ жреца: flamen Dialis (жрецъ Юпитера), flamen Martialis (=Марса) и flamen Quirinalis (=Квирина). Наконецъ, Ramnes и Tities имѣли своихъ представителей въ коллегіи весталокъ. Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что Luceres всѣ указанныя права получили позднѣе другихъ трибъ.

Куріи. Второе дѣленіе полноправнаго римскаго населенія – на куріи (civia) представляется гораздо болѣе важнымъ въ политическомъ отношеніи нежели только что разсмотрѣнное дѣленіе на трибы. Въ противоположность дѣленію на трибы это дѣленіе есть искусственное, имѣющее политическій

характеръ. На каждую трибу было отведено по 10 курій, такъ что всего ихъ, слѣдовательно, было 30, при чемъ каждая, какъ и трибы, имѣла свое наименованіе. Названіе curia этимологически происходитъ отъ словъ сит и vir, откуда covivia - curia значитъ союзъ людей.

Курія представляетъ тѣсный политическій союзъ, правильно организованный и при томъ, какъ и всѣ древнія учрежденія, проникнутый религіознымъ характеромъ. Внутренняя организація курій представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Во главѣ куріи стоитъ начальникъ, называемый curio (куріонъ), а во главѣ всѣхъ 30 курій - curio maximus. Каждая курія имѣетъ свое особое божество и свой религіозный культъ, и представителемъ его - особаго жреца, - flamen curialis; она имѣетъ свой алтарь (ara) и жертвенный столъ (mensa curialis), - имѣетъ свои праздники (feriae), въ которые совершается богослуженіе и жертвенная трапеза всѣхъ членовъ курій. Для богослуженія и собраній союза курія имѣетъ свое особое зданіе, которое также называется curia.

Политическое значеніе курій сводится къ тому, что она является той единицей, въ которой народъ собирается въ народное собраніе. Здѣсь имѣетъ значеніе и подаетъ голосъ не каждое отдѣльное лицо, а цѣлая курія, почему и самыя эти собранія называются comitia curiata.

Gentes. Третье деление полноправного римского населения представляют роды - gentes; число этих родов строго определено, именно, на каждую курию отведено 10 gentes; всего следовательно (в 30 куриях) существует 300 gentes

На каком признаке построено это деление; на каком-л. искусственном, политическом или естественном т.е. на кровной связи известных лиц, как это понимается в настоящее время при слове род, это вопрос спорный.

Известный германский историк Нибур и его школа признают это деление искусственным, политическим, как и деление на курии. Доказательство этого видят в том, что число родов, gentes, искусственно: оно согласовано с делением на трибы и курии и всегда точно определено. Положим, говорит Нибур, что в момент основания государства родов было триста, но они, как известно, могут вымирать и, наоборот, размножаться, а в римском государстве мы всегда находим их триста.

Указывают еще на то, что политическое значение gentes слишком велико для простого семейного деления. Каждый gens имеет своего представителя в сенате. Далее, нельзя быть членом курии, а, следовательно, и государства, не будучи родичем, т.е. членом gens. На основании всего этого Нибур и утверждает, что это деление чисто искусственное, политическое. Но большинство ученых в настоящее время, несмотря на довольно сильные аргументы Нибура, держится противоположн-

кого взгляда, именно, что отношение на gens есть отношение естественное. Gens представляет изъ себя ничто иное какъ кровный родственный союзъ; на это указываетъ самый терминъ gens (отъ gignere = родить, производить), и другой терминъ, часто употребляемый вместо gens, - familia — семья также указываетъ на естественное родовое отношение. Но какъ же устранить аргументы Нибура? Римское государство безъ сомнения сложилось въ то время, когда население жило еще родовымъ бытомъ. Заставъ этотъ родовой строй, государство при созданіи своего новаго строя - принимаетъ въ себя нѣкоторые институты и прежняго строя, при чемъ придаетъ имъ политическое значение. Такимъ именно образомъ оно могло принять и отношение на роды. А разъ государство сдѣлало это, внесло отношение на роды въ число государственныхъ институтовъ, то оно уже не можетъ предоставить ихъ естественному развитію, потому что государство не можетъ имѣть дѣло съ перемѣнными политическими единицами (это колебало бы его строй); поэтому государство принимаетъ мѣры къ сохраненію постоянныхъ величинъ. Тоже самое можно, можно предположить, происходитъ и съ отношеніемъ на gentes. Что же касается тѣхъ мѣръ, которыя государство предпринимало для сохраненія постояннаго и опредѣленнаго числа родовъ, то онѣ могли быть слѣдующія: вымирающій родъ могъ пополняться новыми членами путемъ усыновленія, на мѣсто вымершаго рода, по постановленію куріи, могъ приниматься новый

родъ (изъ знатныхъ плебеевъ и даже иностранцевъ). Примѣръ такого принятія мы можемъ видѣть на родѣ Аппія Клавдія.

Когда, наоборотъ, gens очень сильно разрастался, то принимались мѣры противъ его распаденія на нѣсколько новыхъ родовъ. Для этого gens раздѣлялся на stirpes (stirps) - колѣна, но это дѣленіе государственнаго значенія не имѣло, — государство считается съ одними только gens. Каждый gens, какъ и всѣ другія группы, имѣетъ свое названіе по имени главнаго родоначальника, (напр. родъ Юліевъ, Клавдіевъ и т. п.) и представляетъ изъ себя союзъ родственниковъ.

Внутренняя организація этого родового союза такова: каждый родъ имѣетъ свой религіозный культъ (почитаніе предковъ и семейнаго божества), особыя празднества, жертвы, трапезы и т. п. и такимъ образомъ является союзомъ религіозно-семейнымъ.

Gens имѣетъ право постановлять такъ называемыя decreta gentilicia, которымъ обязаны подчиняться всѣ члены его. Декреты эти, по содержанію, относились, вѣроятно, къ устройству и мѣрамъ, касающимся внутренняго быта и интересовъ рода.

Что касается того имѣлъ ли gens общую землю, то это вопросъ спорный, но большинство основаній отвѣтить на него положительно. Извѣстно, что когда въ государство былъ принятъ родъ Клавдіевъ, то государство отвело ему особый участокъ земли. Въ тотъ моментъ, когда мы получаемъ точныя свѣ-

рические сведения о римском народе, а это время сравнительно позднее (приблизительно V в. до Р. Хр., царствование Тарквиния Гордого; до этого же времени существуют только легендарные сведения), родовой строй представляется уже разлагающимся; поэтому все сведения об этом строе очень темны.

Остается сказать о последнем и самом мелком делении римского народа на familiae (семьи). Это частнейшее деление gentes; число их точно не установлено. Особенность организации этих семейных союзов составляло то, что в основу ея положен принцип монархический. Во главе семьи стоит pater familias, которому подчиняются все члена семьи, начиная с его жены. Patria potestas (власть домовладыки) и составляла характерный признак семейного деления. Таким образом, римская семья построена не на естественном признаке кровного родства, как в настоящее время, а на принципе отческой власти. Кто вошел в семью путем ли брака или усыновления и находится в подчинении у домовладыки, тот есть член семьи. Наоборот, кто вышел из семьи, тот уже не считается ея членом. Напр., дочь вышедшая за мужъ, хотя и находится в кровной связи с отцом, но по гражданскому праву в его семействе уже не состоит; она принадлежит к другой семье (мужа). Это составляет так называемое agnatio или cognatio juris civilis (родство гражданского права) в противоположность

cognatio juris naturalis (родству кровному).

Власть домовладыки въ гражданскомъ правѣ совершенно закрываетъ личность дѣтей; они не могутъ вступать ни въ какія гражданскія отношенія, равно какъ и имѣть собственность. Гражданское право знаетъ одного только pater familias.

Но въ политическомъ отношеніи и младшіе члены семьи (сыновья) имѣютъ самостоятельныя права; они подаютъ голосъ въ народномъ собраніи, могутъ занимать магистратуру, вступать въ войска и т. п.

§ 9. Кліенты.

Вторую группу римскаго населенія составляли, какъ было уже сказано, такъ называемые кліенты clientes.

Къ каждому патриціанскому роду (gens) причислялось извѣстное количество лицъ, которыя, хотя и считались членами его, но членами не полноправными, а подчиненными, зависимыми отъ рода (отсюда и ихъ названіе clientes или clientes отъ cluere слушать повиноваться). Институтъ кліентовъ не составляетъ особенности только римскаго строя; онъ имѣется у всѣхъ италійскихъ народовъ и даже у грековъ. Происхожденіе этого института очень древнее, но точныхъ свѣдѣній о немъ не сохранилось, существуютъ лишь различныя предположенія. Во-первыхъ, существуетъ гипотеза, что кліенты происходятъ отъ вольноотпущенныхъ рабовъ (Моммсенъ) но она

мало заслуживает доверия, потому что, во первых, рабство в древнейшее время не было распространено, а во-вторых, если рабы и были, то в старое время на волю их не отпускали (форма отпуска появились позднее).

Другая гипотеза правдоподобнее. По ней клиенты суть ни что иное, как остатки покоренного населения, которое латиняне и умбро-сабеллы застали на месте поселения. Как побежденные, они естественно должны были стать в зависимость от господствующего класса; и на это подчинение, конечно, они сами шли охотно, чтобы спасти жизнь и имущество. Отношение клиентела, таким образом, основано на договоре победителей и побежденных. Но так как этот договор заключался с одной стороны народом уже покоренным, политически уже умершим, то он не имел международного характера. Это была религиозная клятва, в которой побежденные давали обет подчинения, а победители со своей стороны обещали им защиту и покровительство. Этим естественно всего объясняется священный, патриархальный характер отношений между клиентами и их патронами. По своей неприкосновенности эти отношения стоят даже выше родственных. Патрон должен был оказывать клиенту нравственную и материальную поддержку и помощь во всех обстоятельствах. Обман клиента патроном считался самым тяжким преступлением и карался лишением покровительства

законовъ. Въ XII таблицахъ читаемъ: „patronus, qui clienti fraudem fecit, sacer esto".
И кліентъ со своей стороны обязанъ былъ патрону прежде всего подчиненіемъ, и кромѣ того обязанъ былъ помогать и поддерживать его во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ: онъ сопровождалъ его на войну, при выдачѣ небогатымъ патрономъ дочери замужъ, снабжалъ послѣднюю приданымъ и т. п.]

Положеніе кліентовъ въ государствѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Они являются членами gentes, но членами неполноправными и потому въ дѣлахъ рода участвуютъ только пассивно (напр.; присутствуютъ при богослуженіи); въ политическихъ же дѣлахъ. они совершенно не участвуютъ. Но въ области гражданскаго права кліенты являются вполнѣ правоспособными: они могутъ вступать во всѣ гражданскіе сдѣлки, могутъ имѣть и собственность, землевладѣніе. Патроны часто отъ себя давали кліентамъ въ пользованіе опредѣленные участки земли (если они не имѣли своихъ собственныхъ), которые назывались precarium (отъ preces, просьба) т. е. данное по просьбѣ, выпрошенное.

§10 Плебеи.

Третью и послѣднюю группу римскаго населенія составляютъ плебеи или plebs (наименованіе это объяснено ранѣе). Происхожденіе этого сословія, внѣ всякаго сомнѣнія, относится ко времени болѣе поздне-

ну, чѣмъ двухъ первыхъ. Оно появилось уже послѣ основанія римскаго государства. Это точно отмѣчаетъ и римское преданіе, которое говоритъ, что плебеи есть не что иное, какъ члены стараго латинскаго союза, который былъ разрушенъ Римомъ при четвертомъ царѣ Анкѣ Маріи (Ancus Marcius). Уничтоживъ латинское войско въ рѣшительной битвѣ, Анкъ Марцій, по словамъ преданія, многія тысячи латинянъ переселилъ въ Римъ и отвелъ имъ для поселенія авентинскій холмъ. Въ этомъ преданіи указывается, во первыхъ, то, что плебъ образовался уже сравнительно поздно, и во вторыхъ, что онъ произошелъ отъ покореннаго населенія окрестныхъ мѣстностей. И то и другое, безъ сомнѣнія историческій фактъ, хотя подробности и форма передачи не заслуживаютъ довѣрія. Во-первыхъ, Анкъ Марцій личность миѳическая, во-вторыхъ, неправдоподобно, чтобы покореннымъ врагамъ римляне дозволили жить въ городѣ и, такимъ образомъ, отдали его въ ихъ руки. Это противорѣчитъ также и тому, что плебеи въ позднѣйшее время являются по преимуществу сельскимъ земледѣльческимъ населеніемъ. Поэтому было слѣдуетъ представлять такъ, что при разрушеніи латинскаго союза города его были частію разрушены, а частію заняты гарнизонами побѣдителей (римлянъ). Сельское же населеніе частію переселено въ римскую область, частію оставлено на своихъ мѣстахъ и

держится въ подчиненіи Римскими гарнизонами.

У нѣкоторыхъ историковъ какъ древнихъ, такъ и новѣйшаго времени существуетъ еще другой взглядъ на происхожденіе plebs'a. Они говорятъ, что плебеи суть тѣ-же кліенты, только порвавшіе связь съ патриціями и составившіе особый классъ населенія. Но это совершенно неправдоподобно. Во-первыхъ, происхожденіе сословія кліентовъ преданіе относитъ къ глубокой древнѣйшему времени, чѣмъ происхожденіе плебса; во-вторыхъ, что еще важнѣе, во времена вполнѣ историческія, когда происходитъ борьба плебеевъ съ патриціями, кліенты всегда стоятъ на сторонѣ послѣднихъ противъ плебеевъ.

Положеніе плебса въ государствѣ чрезвычайно своеобразно. Плебеи - не римскіе граждане и никакихъ государственныхъ правъ не имѣютъ, они являются только подданными (несутъ всѣ государственныя обязанности) и при томъ подданными не царя и не рода (цепь), какъ кліенты, а всего государства. Въ преданіи есть указаніе на такое исключительное положеніе плебеевъ. Коренное населеніе Рима, по этому преданію, занимало три холма, которые были обнесены стѣной, т.е. и составляли собственно городъ (urbs). Когда же Анкъ Марцій покорилъ гражданъ стараго латинскаго союза (которые и составили классъ плебеевъ), то поселилъ ихъ внѣ городскихъ стѣнъ, на четвертомъ холмѣ-авентинскомъ. Такимъ образомъ, и по внѣш-

нему положенію плебеи оказывались причисленными къ государству (его подданными), но въ то же время и стоящими внѣ его.

Что касается области гражданскаго права, то здѣсь плебеи стояли наравнѣ съ полноправными гражданами: они могли имѣть собственность и вступать въ различныя гражданскія отношенія.

Исключительное положеніе плебса въ государствѣ, лишающее ихъ политическихъ правъ, но въ то же время налагающее на нихъ всѣ обязанности подданныхъ, имѣло важное значеніе въ развитіи римскаго права.

Патриціи, какъ мы видѣли, имѣютъ значеніе въ государствѣ не какъ отдѣльныя личности, а только какъ члены того или иного общественнаго союза (curia, gens). Плебъ такихъ строго организованныхъ и санкціонированныхъ государствомъ союзовъ не имѣетъ; каждый плебей стоитъ особнякомъ, что даетъ свободу для развитія личности и личной иниціативы. Но въ то же время борьба съ противниками заставляетъ плебеевъ искать опоры въ свободныхъ союзахъ, въ свободной организаціи, основанной на личной волѣ каждаго, на общности интересовъ, а не на какомъ либо опредѣленномъ принципѣ, какъ патриціанскіе союзы (tribus, curia и gens).

Этими двумя началами (свобода личности и свободными союзами) плебсъ и обязанъ всѣми своими послѣдующими успѣхами, а государство обязано этому въ связи съ личной иниціативой своимъ развитіемъ.

С. Государственная власть.

§11 Царь.

Во главѣ римскаго государства въ древнѣйшее время стоитъ царь - rex (отъ regere-управлять). Въ его рукахъ сосредоточивается вся власть по управленію государствомъ, рядомъ съ нимъ другихъ самостоятельныхъ властей нѣтъ; но для помощи въ обширной области государственнаго управленія царь имѣетъ свободно назначаемыхъ и смѣняемыхъ помощниковъ, какъ религіозныхъ (жрецовъ), такъ и свѣтскихъ. Кромѣ этого, при царѣ состоитъ особый совѣщательный органъ, совѣтъ старѣйшинъ, называемый senatus (отъ senex)

Извѣстныя права уже и въ это время предоставлены народу или, точнѣе, полноправному классу его, такъ называемому populus romanus quiritium.

Такимъ образомъ, все государственное управленіе слагается изъ слѣдующихъ трехъ группъ государственныхъ властей: царь, сенатъ и народное собраніе.

Приступая къ разсмотрѣнію института царской власти, мы, естественно, прежде всего должны поставить вопросъ о ея происхожденіи, т.е. какъ образовалась царская власть въ древне-римскомъ государствѣ. По преданію основателемъ Рима былъ нѣкто Ромулъ; онъ же, естественно, былъ и первымъ властителемъ-царемъ. Греческій историкъ Діонисій разсказываетъ,

что Ромулъ, основавъ городъ, созвалъ народное собраніе и предложилъ ему вопросъ, какого правленія желаетъ народъ, монархическаго или республиканскаго и при этомъ указалъ на выгоды и недостатки того и другого. Народъ пожелалъ имѣть монархическій строй.

Это преданіе мы, конечно, не можемъ принять во всемъ его объемѣ, но основной взглядъ его правителенъ, именно, что царская власть возникла въ Римѣ органически, вмѣстѣ съ образованіемъ государства, а не насильственно путемъ политическаго переворота. И это вполнѣ естественно, потому что родовой строй, которымъ жилъ римскій народъ въ предшествующее время, при дальнѣйшемъ своемъ развитіи безъ переходитъ въ монархическую форму правленія.

Что же самыя данныя, которыя послужили для отвѣта на вопросъ о происхожденіи царской власти, могутъ помочь намъ и при рѣшеніи вопроса о характерѣ этой власти. Одни изъ историковъ говорятъ, что этотъ характеръ былъ теократическій, потому что царь являлся вмѣстѣ съ тѣмъ и верховнымъ жрецомъ. Другіе же утверждаютъ, что верховная власть въ римскомъ государствѣ въ царскій періодъ находилась въ рукахъ народа, а онъ отдавалъ ее пожизненно избранному царю. Оба эти взгляда слѣдуетъ признать крайними. Каждый изъ нихъ слишкомъ рѣзко оттѣняетъ только одну какую либо черту царской власти. Если царь есть верховной жрецъ и испрашиваетъ согла-

леніе боговъ на свои дѣйствія, то это еще не говоритъ, что онъ есть ихъ представитель и боги управляютъ государствомъ чрезъ царя. Точно также, если царь избирается народомъ, то это еще не доказываетъ, что народъ управляетъ государствомъ и царь подчиненъ ему. А между тѣмъ скорѣе мы имѣемъ фактъ, доказывающій, какъ разъ противное. Въ періодъ междуцарствія (interregnum), власть переходитъ не къ народу, какъ бы слѣдовало, а къ патриціанскому сенату, назначающему уже отъ себя особое лицо „междуцарь (interrex) для временнаго управленія государствомъ до избранія новаго царя.

Такимъ образомъ, мы можемъ съ достовѣрностью утверждать, что царская власть въ римскомъ государствѣ не была теократическою, но не была и демократическою; она представляла вполнѣ самостоятельный, органическій институтъ.

Что касается объема царской власти, то онъ былъ чрезвычайно великъ. Царь имѣлъ въ своихъ рукахъ всю полноту власти: онъ былъ и верховнымъ жрецомъ, и полководцемъ и внутреннимъ управителемъ.

Высокому положенію царя соотвѣтствуютъ и внѣшніе знаки его достоинства (напр., царское одѣяніе), которые отличаютъ его отъ другихъ гражданъ. При царѣ находится особая стража, состоящая изъ двадцати четырехъ такъ называемыхъ ликторовъ (lictores), которые имѣютъ при себѣ топоръ, окруженный пучкомъ прутьевъ

(символы уголовной власти и власти надъ жизнью и смертью гражданъ).

Преемство царской власти. Царская власть въ древнемъ Римѣ не была наслѣдственной, т. е. переходящей по наслѣдству отъ одного лица къ другому. Такого преемства царской власти въ Римѣ не существовало: царь былъ лицомъ выборнымъ. По смерти царя собиралися патриціанскій сенатъ (власть, или какъ говорили римляне, auspitia ad patres redeunt; подробнѣе объ этомъ см. §14) и выбирали изъ среды себя десять декадъ или декурій (по 10 человѣкъ). Каждая декурія въ свою очередь выбирала одного изъ своихъ членовъ. Такимъ лицъ, слѣдовательно, получалось десять. Эти лица и управляли государствомъ въ періодъ междуцарствія, каждый по пяти дней, при чемъ они назывались interreges т. е. междуцари. Послѣ нихъ выбирались новые десять, которые управляли такаже. Между тѣмъ намѣчались кандидаты на царство. Когда кандидаты были намѣчены, наличный interrex созывалъ народное собраніе и предлагалъ ему выбрать царя. Если выборы почему либо не состоялись, то продолжался преежній порядокъ междуцарствія. При благопріятномъ же исходѣ выборовъ избранное лицо провозглашалось царемъ; но предварительно происходилъ еще такъ называемый актъ inauguratio, въ которомъ испрашивалось согласіе боговъ на состоявшееся избраніе.

Кромѣ этого религіознаго акта, со

времени Сервия Туллия къ царскому избранію присоединяется еще такъ называемый lex curiata de imperio, состоящій въ передачѣ новоизбранному царю военачальнической власти (ср. § 20).

§ 12. Должностныя лица царскаго періода.

Царь, какъ было сказано, являлся единственнымъ верховнымъ управителемъ государства. Но одинъ онъ, конечно, не въ силахъ управлять всѣмъ сложнымъ механизмомъ государства и потому нуждался въ помощникахъ.

Такими помощниками царя и являлись различныя должностныя лица, которыя назначались по его личному выбору. Къ числу такихъ должностныхъ лицъ въ области свѣтскаго управленія относятся слѣдующія: Во-первыхъ, tribunus celerum - начальникъ конницы; онъ помогаетъ царю въ командованіи войсками. Въ мирное время tribunus celerum съ подчиненной ему конницей исполняетъ охранную службу (ватрумы) въ городѣ и его окрестностяхъ. Эта должность, такимъ образомъ, чисто военная и политическаго значенія не имѣетъ.

Далѣе слѣдуетъ praefectus urbi - начальникъ города. Эта должность временная, на случай отсутствія царя изъ города (напр., на войну). Въ это время praefectus urbi получаетъ всю царскую власть, но только въ предѣлахъ городской территоріи, безъ права переступать эти предѣлы.

Третье место в ряду должностных лиц царского периода занимают так называемые quaestores parricidii (от quaerere - исследовать) - следователи по уголовным делам. На их обязанности лежало только производство следствия, но окончательных решений они не постановляли. Это право принадлежало царю, которому они по предварительном разбирательстве и передавали всякое дело.

Наконец, существовала еще должность, называемая duoviri perduellioni judicandae. Это были судьи по государственным преступлениям (мятеж, покушение на царскую власть и т. п.). В противоположность quaestores parricidii, которые только разбирают дело, не произнося приговора, duoviri сами решают дела и постановляют приговоры (judicant). Но на их решение допускалась аппеляция в народное собрание (provocatio). Причина, почему в государственных преступлениях приговоры постановляется не самим царем, заключается в том, что он является здесь лицом заинтересованным и, следовательно, в своих решениях может быть не всегда беспристрастным. Допустить же аппеляцию на его решения народному собранию значит унизить царскую власть перед народом. Все это избегается римским институтом duo-viri perduellioni judicandae.

duoviri perduellioni judicandae
quaestores parricidii

§13 Сакральный строй римскаго государства. Жрецы и коллегіи жрецовъ

Во всемъ древнемъ строѣ, какъ государственной, такъ и частной жизни римскаго народа слѣдуетъ отмѣтить одну характерную черту — тѣсную связь всѣхъ отраслей жизни съ религіознымъ культомъ. Все государственное устройство, равно какъ и частная жизнь и дѣятельность проникнуты религіознымъ, сакральнымъ элементомъ. Государственный строй считается установленнымъ по волѣ боговъ (инаугурированнымъ) и потому не подлежащимъ измѣненію безъ ихъ согласія. Ни одно государственное дѣйствіе, ни одинъ государственный актъ (напр., выступленіе въ походъ, созваніе сената, народнаго собранія и т.п.) не совершается безъ предварительнаго испрошенія согласія боговъ. Все это совершается, выражаясь техническимъ терминомъ, auspicato, т.е. съ испрошеніемъ auspicій. То же самое наблюдается и въ частной жизни. И здѣсь ни одно болѣе важное дѣйствіе не совершается безъ испрошенія согласія божества. Всѣ общественные союзы (каковы: tribus, curia, gens), какъ мы уже видѣли, проникнуты сакральнымъ элементомъ. Каждая неправильность, каждый неправильный актъ, совершенный безъ испрошенія указаній со стороны божества, считается религіознымъ проступкомъ, тре-

бующимъ искупленія (piaculum).

Такимъ образомъ, вся жизнь древнеримскаго народа представляется проникнутою религіознымъ духомъ. Верховнымъ наблюдателемъ и руководителемъ и въ этой (религіозной) области является царь, какъ верховный жрецъ, а для этого, конечно, онъ долженъ обладать знаніемъ всѣхъ религіозныхъ обычаевъ и порядковъ. Но представляется труднымъ и даже прямо физически невозможнымъ, чтобы каждый царь удовлетворялъ этому требованію, т.е. обладалъ совершеннымъ знаніемъ въ указанной области; поэтому здѣсь еще настоятельнѣе, чѣмъ въ области свѣтскаго управленія; выдвигается необходимость въ особыхъ помощникахъ-спеціалистахъ. И дѣйствительно, уже съ древнѣйшаго времени при царѣ подъ его верховной властью состоитъ рядъ жрецовъ, составляющихъ жреческіе союзы или коллегіи. Каждая изъ этихъ коллегій имѣетъ свою область компетенціи, опредѣленный кругъ дѣлъ, ей подвѣдомственныхъ.

Мы отмѣтимъ изъ числа жреческихъ коллегій три, имѣвшихъ особо важное значеніе въ развитіи трехъ спеціальныхъ областей права: права государственнаго, международнаго и гражданскаго. Коллегіи эти слѣдующія. Первая коллегія авгуровъ, члены которой назывались augures (птицегадатели, отъ avis-птица), они узнавали волю боговъ по полету птицъ. Эта коллегія при-

нимала участіе въ совершеніи всѣхъ государственныхъ актовъ, узнавая и объявляя волю боговъ относительно предпринимаего дѣла. Такимъ образомъ, авгуры являлись авторитетами въ области государственнаго права и имѣли важное значеніе въ его развитіи.

Вторая коллегія — феціаловъ, члены которой назывались fetiales, т.е. возвѣстители воли боговъ — (— fatior, отъ fari — говорить). Вѣдѣнію феціаловъ подлежали вопросы международнаго права (акты объявленія войны, заключенія мирныхъ договоровъ, союзовъ и т.п.). Коллегія ихъ, поэтому, имѣла вліяніе на развитіе этой области права.

Наконецъ, члены третьей жреческой коллегіи назывались pontifices (един. число pontifex). Въ точномъ переводѣ это значитъ — строители мостовъ (pons-facere). Назывались они такъ потому, что на нихъ лежало, между прочимъ, наблюденіе за мостами черезъ рѣку Тибръ. (Рѣка эта въ древне-римскомъ государствѣ имѣла священное значеніе границы государства, и потому наблюденіе за способами перехода чрезъ нее принадлежало лицамъ жреческаго сословія). Но значеніе коллегіи понтифовъ въ государственномъ строѣ однимъ этимъ далеко не ограничивалось. Правда, понтифы не имѣли опредѣленной сферы дѣятельности, какъ другія коллегіи, но они рѣшали всѣ вопросы, касающіеся религіозной жизни и культа,

NB

fetiales

NB

pontifices

и потому занимали начальственное положеніе по отношенію къ другимъ жрецамъ и жреческимъ коллегіямъ. Все это давало коллегіи понтифовъ важное значеніе въ области гражданскаго права: въ силу уже извѣстной тѣсной связи гражданской жизни съ религіозной ~~всѣ формы~~ всѣ формы и отношенія ея (обращеніе къ суду, судопроизводство, мѣсто и время судебнаго засѣданія и т. п.) опредѣлялись особыми религіозными правилами. Все должно было совершаться такъ, что-бы не нарушать этихъ правилъ, что-бы всѣ установленныя формы были строго соблюдены. Наблюденіе за всѣмъ этимъ и принадлежало коллегіи понтифовъ. Такимъ образомъ, понтифы съ самаго древняго времени являются не только жрецами, но и юристами, спеціалистами въ области гражданскаго права.

Всѣ эти три жреческія коллегіи и являются вспомогательными органами царской власти въ сферѣ религіознаго управленія

§ 14. Сенатъ.

Вышесказаннымъ мы можемъ закончить отдѣлъ о царской власти и перейти къ разсмотрѣнію слѣдующаго органа государственнаго управленія древняго Рима — сената. Здѣсь прежде всего нужно отмѣтить слѣдующее. Римскій народъ въ теченіе всей своей исторіи стремится организовать свое управленіе такимъ образомъ: отдавая власть

въ руки отдѣльныхъ лицъ (одного или нѣсколькихъ), онъ предоставляетъ имъ полную свободу дѣйствій, но обязываетъ ихъ предъ рѣшеніемъ дѣлъ выслушивать мнѣнія другихъ лицъ и, именно, — особаго совѣта, (consilium), который спеціально для этого состоитъ при нихъ. Такой порядокъ управленія имѣетъ глубокій смыслъ. Дѣла рѣшаются отдѣльными лицами быстро, и на нихъ одномъ лежитъ вся отвѣтственность за принятыя ими рѣшенія; но чтобы рѣшенія его были зрѣлые и лучше обдуманы, онъ обязывается выслушать мнѣнія другихъ лицъ, хотя мнѣнія ихъ для него и не обязательны, — дѣла рѣшаются имъ вполнѣ самостоятельно.

Такой порядокъ существовалъ и въ царскій періодъ. При царѣ состоитъ особый совѣщательный органъ, который, не имѣя какой либо особой власти въ управленіи и не связывая власти царя, только даетъ ему совѣты, высказывая свое мнѣніе по поводу рѣшаемыхъ дѣлъ. Этотъ совѣщательный органъ при царѣ (consilium regis) и есть сенатъ (Senatus отъ Senex — совѣтъ старѣйшинъ). Относительно личнаго состава этого государственнаго органа въ литературѣ существуютъ различныя мнѣнія. Одни утверждаютъ, что члены сената назначались по волѣ царя; онъ избиралъ кого хотѣлъ. По мнѣнію другихъ, — сенаторовъ избирали куріи, при чемъ изъ каждаго рода (gens) выбиралось по одному лицу.

И действительно, число сенаторов въ старое время стояло въ извѣстномъ отношеніи къ числу родовъ. Въ самомъ началѣ римскаго государства, когда родовъ было сто, и сенатъ состоялъ изъ ста членовъ, затѣмъ, съ увеличеніемъ числа родовъ, послѣ присоединенія сабинскаго племени и число сенаторовъ увеличивается до двухсотъ и, наконецъ, въ окончательномъ устройствѣ государства все полноправное населеніе состоитъ изъ 300 родовъ, - таково же и число сенаторовъ. Но съ другой стороны извѣстно, что право выбирать сенаторовъ римское преданіе приписываетъ царю (rex legit in patres). Какъ согласить эти два свидѣтельства? Германскій ученый Карлова относительно этого вопроса высказываетъ весьма правдоподобное мнѣніе, что сенаторовъ избиралъ царь, но не вполнѣ произвольно, а подчиняясь установившимся традиціямъ, именно, онъ избираетъ по одному члену изъ каждаго рода (gens) и при томъ лицъ наиболѣе уважаемыхъ (majores natu). Такимъ образомъ, составъ сената въ царскій періодъ является чисто патриціанскимъ, но уже въ эпоху реформъ въ этомъ происходитъ перемѣна: цари даютъ доступъ въ сенатъ и плебеямъ, при чемъ при выборѣ послѣднихъ они не связаны никакими традиціями.

Что касается компетенціи сената, т.е. того круга дѣлъ, въ которыхъ царь долженъ былъ совѣщаться съ сенатомъ, то

здѣсь можно предполагать, что вообще царь обязанъ былъ думать это; но во всѣхъ ли думахъ, или нѣтъ, и въ какихъ именно думахъ онъ могъ обходиться и безъ предварительнаго совѣщанія, точно неизвѣстно. Можно только предполагать, что обязательнымъ всего эти совѣщанія были, во-первыхъ, по вопросамъ религіознымъ, какъ важнѣйшимъ въ государственной жизни, и, затѣмъ, по вопросамъ международнаго характера (объявленіе войны, заключеніе мира, союзовъ и т.п.). Свободнѣе всего, повидимому, царь былъ въ рѣшеніи вопросовъ внутренняго управленія (еще въ первое время республиканскаго періода сенатъ мало вмѣшивается въ эти вопросы, предоставляя ихъ рѣшенію консуловъ), но въ особенно важныхъ случаяхъ и здѣсь для царя могло быть практически выгоднымъ совѣщаться съ сенаторами, потому что для него могла быть полезной поддержка вліятельной части населенія, а въ сенатѣ и собраны были самые вліятельные члены патриціата, а въ послѣдствіи и плебса.

Слѣдуетъ указать еще на двѣ специальныя функціи сената: это во-первыхъ, участіе его въ думахъ междуцарствія (interregnum) и, во-вторыхъ, утвержденіе рѣшеній народнаго собранія (такъ называемая auctoritas patrum). По свидѣтельству всѣхъ историческихъ источниковъ, какъ во время междуцарствія власть переходила ad patres (auspicia ad patres redeunt),

точно такоже и утвержденіе рѣшеній народнаго собранія принадлежало тѣмъ же patres. Естественно возникаетъ вопросъ, кто были эти patres. Одни утверждаютъ, что это есть названіе всего сената. Но слово „patres" въ этой области (interregnum и auctoritas patrum) никогда не замѣняется словомъ „senatus", слѣдовательно, это понятіе не совсѣмъ тождественныя. Другіе говорятъ, что такъ назывались патриціи (какъ чѣлое сословіе). Но если допустить это мнѣніе, то получается слѣдующая несообразность: патриціи сами участвовали въ народномъ собраніи и сами же въ видѣ auctoritas patrum утверждали его рѣшеніе. Всего скорѣе можно согласиться съ третьимъ мнѣніемъ, которое говоритъ, что словомъ „patres" на техническомъ языкѣ государственнаго права обозначались патриціанскіе члены сената. Они-то по смерти царя и избираютъ interrex'а, они же и утверждаютъ своимъ согласіемъ рѣшенія народнаго собранія. Все это, однако, очевидно, относится уже къ позднѣйшему времени, когда въ сенатѣ на-ряду съ патриціями засѣдали и представители плебса (т.к. раньше сенатъ состоялъ только изъ патриціевъ). Что касается причины, почему только патриціанскимъ членамъ сената присвоены были указанныя права, то ее объяснить не трудно. Auspicia, которые въ періодъ междуцарствія ad patres redeunt, т.е. переходили къ патри-

цiанскимъ членамъ сената, считались актомъ религiознымъ, а въ религiозной области полноправны были только патрицiи, и потому, естественно плебейскiе члены сената не могли участвовать въ указанномъ актѣ. Точно такъже и въ народныхъ собранiяхъ (куріатныхъ) участвовали только полноправные граждане-патрицiи, слѣдовательно, и утверждать ихъ рѣшенiя могли только патрицiанскiе члены сената. Объ указанныя прерогативы являлись для патрицiанской знати могущественнымъ средствомъ къ удержанiю въ своихъ рукахъ вліянiя на важнѣйшiя государственныя дѣла.

§ 15. Народное собранiе.

Третье мѣсто въ государственномъ строѣ древняго Рима, послѣ царя и сената, занимаетъ народное собранiе. Римскiе историки рисуютъ положенiе народа въ царскiй періодъ мрачными красками. Они говорятъ, что народъ въ это время не имѣлъ никакихъ правъ, царь былъ полнымъ господиномъ (justus dominus), управлявшимъ по своему личному произволу. Свобода народа, говорятъ они, начинается только съ паденiя царской власти. Но у одного изъ историковъ (Діонисiя) рядомъ съ этими мы находимъ свѣдѣнiя другого характера: онъ говоритъ, что уже въ царскiй періодъ

народъ избираетъ магистратъ, издаетъ законы, объявляетъ войну, заключаетъ миръ и т.п. Какъ то, такъ и другое свидѣтельство по всей вѣроятности впадаетъ въ крайности. Чтобы опредѣлить истинное положеніе народа въ царскій періодъ, слѣдуетъ взять середину между ними. Несомнѣнно, что народныя собранія существовали уже въ царскій періодъ, слѣдовательно, извѣстныя права народу были предоставлены, при чемъ слѣдуетъ, однако, не упускать изъ виду, что подъ народомъ (populus) въ это время понимаются только патриціи (члены gentes, курій и трибъ), а отнюдь не плебсъ. Что же касается того, какія именно это были права, и опредѣлитая изъ разсмотрѣнія видовъ и компетенціи народныхъ собраній.

Народныя собранія уже съ древнѣйшаго времени подраздѣлялись на два основныхъ вида: 1, contio ones (отъ convenio-сходиться) и 2, comitia (cum-ire сходиться). Разница между этими видами народныхъ собраній состоитъ въ слѣдующемъ: во-первыхъ на contio народъ собирался свободно отдѣльными лицами, а на comitia по своимъ политическимъ группамъ, по куріямъ, по куріямъ же подавались здѣсь и голоса. Во-вторыхъ, цѣль contio состояла только въ сообщеніи народу правительственныхъ извѣстій (напр., объ одержаніи побѣды, о празднествахъ и т. п.); рѣшеній

Contiones — Comitia

же это собраніе никакихъ не постановляло. Contiones собирались по зову магистрата, посредствомъ глашатаевъ (praecones); самовольное же собраніе народа считалось незаконнымъ. Comitia имѣли другую цѣль. Они раздѣлялотся на два вида. Одни такъ называемыя comitia calata (отъ calare созывать торжественно, причемъ этотъ терминъ примѣнялся только къ жрецамъ). Здѣсь народъ собирался по куріямъ. Созывались comitia calata жрецами, слѣдовательно въ царскій періодъ царемъ, въ качествѣ верховнаго жреца, для того, чтобы народъ принялъ участіе въ качествѣ свидѣтеля въ совершеніи важнѣйшихъ религіозныхъ актовъ, каковы, напр., составленіе завѣщанія, усыновленіе, inauguratio (посвященіе) царя и жрецовъ и т.п. Такимъ образомъ, эти собранія имѣли религіозный характеръ; рѣшеній народъ здѣсь также никакихъ не постановлялъ. Другой видъ комицій, „comitia curiata" въ собственномъ смыслѣ слова, наоборотъ, имѣли цѣлію постановленіе рѣшеній. Собирались они по зову царя подъ его предсѣдательствомъ, также по куріямъ (откуда и названіе - comitia curiata). Говорить въ этомъ собраніи имѣлъ право одинъ предсѣдатель (царь), а народъ долженъ былъ только отвѣчать на поставленные имъ вопросы: да или нѣтъ.

comitia calata

comitia curiata

bibl. univ.

Комиціи собирались въ центръ города на площади, называемой также comitium. Голоса подавались по куріямъ. Каждая курія подавала одинъ голосъ, внутри курій голоса подавались viritim и большинство отдельныхъ голосовъ опредѣляло голосъ самой куріи; всего, слѣдовательно, здѣсь было 30 голосовъ.

Что касается компетенціи этихъ (куріатныхъ) комицій, то, по словамъ Діонисія, она была очень обширна. Комиціи избираютъ магистратовъ, рѣшаютъ международныя дѣла, имѣютъ право верховнаго уголовнаго суда и, наконецъ, издаютъ законы... Все это дѣйствительно и имѣло мѣсто въ республиканскій періодъ, но относительно царскаго періода можетъ быть принято съ большими ограниченіями.

Во-первыхъ, въ этотъ періодъ не существовало никакихъ магистратовъ, кромѣ царя; его дѣйствительно избираетъ народное собраніе. Это самое важное право народнаго собранія, зачатокъ будущаго права избранія всѣхъ магистратовъ.

Право народнаго собранія совершать международные акты мы должны совсѣмъ отвергнуть; этого права оно не имѣло даже и въ началѣ республиканскаго періода (оно принадлежало сена-

ту); народъ получилъ его уже въ позднѣйшее время.

Рѣшеніе уголовныхъ дѣлъ принадлежало царю и отчасти (въ государственныхъ преступленіяхъ), какъ было сказано раньше двумъ специальнымъ судьямъ (duo viri perduellionis judicandae). Народному же собранію принадлежитъ только окончательное рѣшеніе дѣлъ по государственнымъ преступленіямъ въ случаѣ апелляціи на рѣшеніе указанныхъ судей. conf. p. 40.

Что касается законодательной власти, то она въ царскій періодъ, по преданію, принадлежала царямъ. Принципіально, слѣдовательно, народъ законодательной власти не имѣлъ, но въ періодъ царскихъ реформъ народъ de facto получаетъ все большее и большее вліяніе на эту отрасль государственнаго управленія. Цари вводя реформы, чтобы придать имъ большую прочность и устойчивость, спрашиваютъ на нихъ согласіе народа (хотя юридически и не обязаны къ этому). Благодаря этому все болѣе и болѣе утверждается мысль, что народъ имѣетъ право принимать участіе въ законодательной дѣятельности государства.

Наконецъ, относительно религіозныхъ дѣлъ нужно сказать, что здѣсь народъ никакихъ правъ не имѣлъ; всѣмъ завѣдывали цари и жрецы.

Глава II.

Реформы царскаго періода.

По единогласному преданію послѣднее время (вторая половина) царскаго періода ознаменовано рядомъ реформъ. Это преданіе безъ сомнѣнія вѣрно; не трудно найти и причины, вызвавшія эти реформы. Чѣмъ больше расширяется римское государство, тѣмъ больше увеличивается классъ плебеевъ, положеніе котораго является совершенно аномальнымъ; ему не предоставлено никакихъ политическихъ правъ, а между тѣмъ онъ несетъ всѣ государственныя обязанности (налоги, военную службу и т. п.). Чѣмъ сильнѣе и многочисленнѣе становился этотъ классъ, тѣмъ больше, конечно, онъ чувствовалъ свое безправное положеніе въ государствѣ; тѣмъ опаснѣе онъ дѣлался и для самаго государства. Въ виду этого государственные люди того времени по необходимости должны были поставить себѣ задачу: дать плебсу твердое положеніе въ государственной организаціи. Со времени Тарквинія Древняго (Tarquinius Priscus) и начинается рядъ реформъ, преслѣдующихъ указанную цѣль.

§ 16. Реформа Тарквинія Древняго.

Древнѣйшею изъ нихъ является реформ.

ма Тарквиния Древняго. Первоначальный планъ Тарквиния былъ очень широкъ. Тарквиній имѣлъ въ виду дать плебеямъ такую же организацію, какую имѣли патриціи, т. е. раздѣлить ихъ на 3 трибы, 30 курій и 300 родовъ, gentes. Очевидно, что если это произошло, то плебеи получили бы права равныя съ патриціями, а этимъ послѣднимъ пришлось бы упустить изъ своихъ рукъ власть и господство въ государствѣ. Поэтому реформа, естественно, должна была вызвать противодѣйствіе со стороны патриціата. По свидѣтельству преданія такъ, дѣйствительно, и случилось. Противъ реформы выступилъ верховный авгуръ Attius Navius. Онъ заявилъ, что государственный строй установленъ самими богами и человѣческими законами измѣненъ быть не можетъ. Боги же, говорилъ онъ, согласія на реформу не даютъ. Вслѣдствіе этого протеста Тарквиній не могъ выполнить своего плана.

Состоялся компромиссъ, въ силу котораго безъ увеличенія числа трибъ и курій въ нихъ были приняты новые члены изъ плебеевъ и такимъ образомъ нѣкоторымъ изъ нихъ былъ открытъ доступъ въ патриціатъ. Въ силу этой реформы въ каждой изъ существовавшихъ трехъ трибъ (ramnes, tities и luceres) сдѣлано было подраздѣленіе на два класса, обозначавшіеся прибавленіемъ къ названію трибъ числительныхъ prīmus и secundus, т. е. пат-

nes, tities, luceres primi и ramnes, tities, luceres secundi. Первый классъ составлялъ старый патрицiатъ, а второй - новые члены трибъ, принятые въ патрицiатъ изъ плебеевъ.

Въ связи съ реформой Тарквиния Древняго стоятъ еще двѣ слѣдующiя мѣры. Во-первыхъ, онъ удвоилъ число всадниковъ; ранѣе каждая триба давала 300 всадниковъ, а теперь каждое отдѣленiе ея выставляетъ по сту, а вся триба, слѣдовательно, - 600 человѣкъ. (Впослѣдствiи, послѣ войны съ Эквами, число всадниковъ было имъ все еще разъ удвоено и доведено, слѣдовательно, до 1200). Вторая мѣра состояла въ томъ, что новые gentes, образовавшiеся изъ плебеевъ получаютъ представительство въ сенатѣ. Увеличилось, слѣдовательно, число сенаторовъ (но не удвоилось, насколько именно увеличилось точно неизвѣстно). Новые gentes изъ плебеевъ получаютъ названiе minores gentes - младшiе роды и въ сенатъ являются patres minorum gentium.

Что касается вопроса, насколько полезна и выгодна была для государства реформа Тарквиния, то трудно сказать, что въ первоначальномъ видѣ она задумана была неудачно, потомучто никакой новой идеи въ государственную организацiю не вносила. Предположимъ, что она состоялась бы и плебсъ того времени весь вошелъ бы въ патрицiатъ, но черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, при новыхъ завоеванiяхъ, плебсъ опять бы

образовался, и снова проявился бы антагонизмъ этихъ сословій.

Такимъ образомъ, вопросъ о положеніи плебса Тарквиніемъ Древнимъ остался неразрѣшеннымъ и это вызвало новую реформу извѣстную подъ именемъ реформы Сервія Туллія. Реформа эта произведена крупнымъ государственнымъ умомъ. Построена она на совершенно новомъ принципѣ. Старый государственный строй остается неприкосновеннымъ, чѣмъ избѣгается противодѣйствіе патриціата, но рядомъ съ нимъ возникаетъ новый, который впослѣдствіи оказался настолько прочнымъ, что въ общихъ чертахъ сохранялся до временъ имперіи.

§17. Реформа Сервія Туллія.

Основная идея. Классы и центуріи.

Основная идея, на которой зиждется реформа Сервія Туллія, состояла въ томъ, что этотъ царь нашелъ такія области государственной жизни, въ которыхъ интересы стараго, патриціанскаго, и новаго, плебейскаго, населенія не только не расходятся, а напротивъ вполнѣ согласуются; на этой именно почвѣ онъ и построилъ свою организацію. Во-первыхъ, для обѣихъ сословій (патриціевъ и плебеевъ) совершенно одинаковый интересъ представляетъ защита государства,

а вмѣстѣ съ тѣмъ и самихъ себя, отъ враговъ. Вотъ здѣсь уже не могло быть между ними никакого раздѣленія. Военная организація по этому и является первымъ основнымъ началомъ, на которое опирается реформа Сервія Тулія. Во-вторыхъ, какъ патриціи, такъ и плебеи въ древне-римскомъ государствѣ одинаково были землевладѣльцами и вмѣстѣ съ тѣмъ землевладѣльцами, и въ этой области ихъ интересы также сходятся. Это вторая основа реформы, въ силу которой она организуетъ государственную территорію.

Классы и центуріи. Если мы обратимся къ частнымъ подробностямъ реформы Сервія Тулія, то увидимъ слѣдующее. Въ военномъ отношеніи Сервій Тулій дѣлитъ все населеніе на пять классовъ (здѣсь самое названіе classes - перенята, строй войска, указываетъ на военный характеръ дѣленія). Каждый изъ этихъ классовъ несетъ извѣстную тяжесть военной службы. Чѣмъ богаче и состоятельнѣе человѣкъ, тѣмъ въ высшемъ классѣ онъ состоитъ и тѣмъ большую несетъ повинность.

Дѣленіе населенія на классы производилось на слѣдующихъ основаніяхъ. Въ первый классъ входятъ тѣ изъ гражданъ государства, которые владѣютъ имуществомъ свыше 100.000 ассовъ; во-второй — свыше 75.000 ассовъ, въ третій — свыше 50.000 ассовъ; въ

100.000
75.000
50.000
25.000
10.000

четвертый – 25.000 ассовъ. Размѣръ имущественнаго ценза пятаго класса передается историками различно. Діонисій полагаетъ его въ 12.500 ассовъ, а Тит. Ливій – 11.000 ассовъ, но вѣроятнѣе, что эта сумма равнялась 10.000 ассовъ (почему, увидимъ ниже). Здѣсь естественно возникаетъ вопросъ, почему же именно эти цифры, а не какія либо другія были взяты въ основу дѣленія народа. Прежде чѣмъ отвѣтить на это, необходимо замѣтить, что эти цифры не были первоначальными: тѣ, которыя установилъ Сервій Туллій были въ пять разъ меньше. Доказывается это тѣмъ, что свѣдѣнія объ этихъ суммахъ дошли до насъ отъ позднѣйшихъ историковъ (конца республиканскаго періода и начала имперіи); а между тѣмъ извѣстно, что послѣ Пуническихъ войнъ вслѣдствіе истощенія государственной казны римское государство предприняло слѣдующее: оно перечеканило всю старую монету, при чемъ прежній ассъ (1 фунтъ мѣди) былъ раздѣленъ на пять частей, имѣвшихъ тогда же стоимость и такъ же называвшихся ассомъ. Такимъ образомъ очевидно, что во времена Сервія Туллія суммы ценза были въ пять разъ меньше, т. е. первый классъ – 20.000; второй – 15.000; третій 10.000; четвертый 5.000 и послѣдній пятый классъ 2000 ассовъ. Эти двѣ тысячи и представляли стоимость двухъ единицъ землевладѣнія, такъ называемыхъ

jugerum. (Один jugerum стоил 1000 ассов). Цензор последнего класса, таким образом, равнялся стоимости двух jugerum земли. Отсюда можно заключить, что Сервий Туллий производил деление на классы не по капиталу, а по землевладению. И это вполне естественно, потому что Рим был государством земледельческим и богатство его заключалось именно в земле. Теперь классы распределялись, следовательно, так: первый класс 20 югеров земли; второй - 15; третий - 10; четвертый 5 и пятый - 2. Два югера, равнявшиеся приблизительно 1106 кв. саженям (jugerum равен 553,61 кв. сажен), представляли среднее количество усадебной земли римского крестьянина. Таким образом, в пятый класс входили все сколько-нибудь состоятельные люди.

553,61

Что касается тех военных обязанностей и повинностей, которые соединялись с каждым из указанных классов, то было уже замечено, что они были тем тяжелее, чем выше был класс. Первый класс в боевом строю составлял первый ряд войска; это тяжело вооруженная пехота. Далее идут ряды следующих классов, уже менее вооруженные. Таким образом, чем выше класс, тем тяжелее, а следовательно, и дороже его вооружение, и тем большей опасности подвергается он, находясь в передних рядах

боевого строя.

Классы, по которым распределено было население при реформе Сервия Тулия, въ свою очередь имѣли свои подраздѣленія. Каждый классъ дѣлился на центуріи, представлявшія уже чисто военное дѣленіе. Первый классъ состоитъ изъ 80 центурій; второй, третій и четвертый классы имѣютъ ихъ по 20 и, наконецъ, пятый - 30.

centuriae
I — 80
II, III, IV — 20
V — 30.

Центуріи въ свою очередь раздѣляются на два вида: центуріи старшія и младшія (Seniorum и Juniorum). Младшія центуріи состоятъ изъ лицъ отъ 17 до 47 лѣтъ, а старшія - отъ 47 до 60. Члены первыхъ состоятъ въ дѣйствительной военной службѣ, а вторые несутъ только охранную гарнизонную службу. Въ каждомъ классѣ имѣется по равному числу, какъ старшихъ, такъ и младшихъ центурій (первый классъ, слѣдовательно, имѣетъ тѣхъ и другихъ по 40; второй, третій и четвертый - по десяти; пятый по пятнадцати.

Кромѣ этихъ центурій, вошедшихъ въ составъ классовъ и представлявшихъ пѣхотное войско, существуютъ еще центуріи, стоящія выше перваго класса и низшихъ классами. Выше перваго класса стоятъ 18 центурій всадниковъ изъ самыхъ богатыхъ гражданъ (цензъ больше перваго класса). Между первымъ и вторымъ классами стоятъ двѣ центуріи военныхъ му-

трубачей – cornicines и tibicines, между четвертым и пятым – две центурии военных ремесленников: fabri tignarii (плотники) и fabri ferrarii (кузнецы, оружейники). То население, которое стоит ниже пятого класса, т.е. менее двух четвертей земли, образует еще одну центурию, называемую capite censi, т.е. люди, ценз которых представляет собственная голова, или accensi, т.е. причисленные к общей счет классов. В войск эта центурия составляла резерв для пополнения убыли в классах. Таким образом, всего насчитывается 193 центурии.

Восемнадцать центурий всадников разделялись на две группы. Одну составляют первые 12 центурий, называемые equites (всадники), а другую остальные 6, называемые Sex Suffragia. Это есть нечто иное, как старые патрицианские Centuriae equitum.

Хотя деление на классы и центурии и носит чисто военный характер, так как центурии в общей своей совокупности представляют целое войско, построенное в боевой порядок, но значение его одной военной областью не ограничивается: оно касается и политической области государства. Центурии, как увидим ниже, являются единицами, в которых народ собирается и по которым подает голос в новых народных собраниях (comitia centuriata).

Теперь, если мы обратим внимание

на распределение центурий по классам, то увидим, что большинство их приходится на долю первого класса и стоящих выше его всадников (98 центурий). Таким образом, богатым гражданам, которые входили в состав этих центурий, дается перевес в народном собрании, хотя число их в действительности, конечно, меньше, чем небогатых. Далее, число центурий seniorев и juniorев одинаково, но членов в центуриях seniorum (стариков) надо было, конечно, меньше, нежели в центуриях juniorum. Таким образом, кроме богатства дается еще перевес в народном собрании старшему возрасту, т. е. жизненному опыту. То и другое вместе обеспечивает консервативный характер народного собрания.

§18. Цензъ. Поместныя трибы.

Если мы обратим внимание на те основные признаки, по которым произведено деление народа в реформе Сервия Туллия, то увидим, что все оно построено было на имущественных основах: богатство и возрастъ и потому не могло служить на вечныя времена, время от времени оно нуждалось в пересмотре и перемене сообразно с переменами, происшедшими в состоянии населения. Въ виду этого необходимо было

чрезъ извѣстные промежутки времени ревизовать населеніе посредствомъ переписи, чтобы по-ней произвести новое дѣленіе народа. Эта ревизія личнаго и имущественнаго состоянія населенія и составленіе новыхъ списковъ назывались однимъ терминомъ - census (отъ censere - оцѣнивать), потомучто при этомъ производилась оцѣнка имущества. Цензъ производился чрезъ каждыя пять лѣтъ. Но слѣдуетъ замѣтить, что цензъ простирался только на самостоятельныхъ гражданъ, способныхъ къ военной службѣ, женщины же и молодые люди до 17 лѣтъ ему не подлежали, хотя они всетаки и платили извѣстныя подати въ пользу войска. Viduae (собственно вдовы, но такъ назывались всѣ самостоятельныя женщины) и orbi (сироты вносятъ налогъ на содержаніе конницы, называемый aes equestre и aes pondearium (т.е. деньги на покупку лошадей и на прокормленіе ихъ).

Поземельныя трибы. Государственная территорія Рима ко времени Сервія Тулія разрастается и является необходимость для удобства управленія раздѣлить её на участки. Послѣ реформы эта необходимость становится еще настоятельнѣе.

Въ виду этого Сервій Тулій раздѣлилъ все государство на 30 поземельныхъ округовъ, называемыхъ tribus. (Эти трибы не должно смѣшивать съ трехчастными:

значеніе ихъ только территоріальное, но не племенное). Изъ общаго числа трибъ четыре (Esquilina, Palatina, Suburana, collina) входятъ въ городъ Римъ, а остальныя 26-трибы сельскія. Дѣленіе на трибы имѣло административное значеніе: во главѣ каждой изъ нихъ стоитъ попечитель трибы- curator tribus. При помощи ихъ по этимъ земельнымъ округамъ производится сборъ государственныхъ налоговъ и наборъ войска, въ чемъ и заключается связь этихъ дѣленій съ реформой Сервія Тулія.

§19. Народныя собранія по центуріямъ и lex curiata de imperio. Территоріальная граница имперіи.

Политическое значеніе реформы Сервія Тулія заключалось въ томъ, что онъ далъ политическія права всему народонаселенію, независимо отъ происхожденія, и такимъ образомъ разрѣшилъ старый вопросъ, не нарушая прежнихъ правъ патриціата. Допущеніе плебса къ участію въ политическихъ дѣлахъ и выражается въ томъ, что въ связи съ дѣленіемъ населенія на центуріи учреждается новый видъ народныхъ собраній, такъ называемыя comitia centuriata, на которыя народъ собирается по центуріямъ и по нимъ же подаетъ здѣсь голосъ. Но не уничтожа-

тая и прежняя comitia curiata. Поэтому является необходимость распределить компетенцию между новыми и старыми собраниями. Comitia centuriata - это собрания военные. На них народ собирается в виде войска (exercitus urbanus); поэтому естественно центуриатным комициям передать все дела военного характера; на долю же comitia curiata остаются дела сакральные и дела, касающиеся внутреннего управления государством. Вот только вопрос происходит столкновение. Царя, как высшего военачальника следовало выбирать в comitia centuriata; но он есть в то же время и верховный жрец и с этой точки зрения его необходимо выбирать в куриатном собрании. Таким образом, компетенции обоих видов собраний сталкиваются. Чтобы выйти из этого положения, дело было поставлено так. Первоначально царь выбирается в comitia centuriata, но полноты власти пока этого он еще не имеет, поэтому далее происходит утверждение его в comitia curiata. Та власть, которую царь получал после избрания его в comitia centuriata, обозначалась термином potestas, а высшая власть, получаемая им в comitia curiata, называлась imperium. Эту последнюю царь получает следующим образом: по избрании его в центуриатном собрании, он

л. V

собираетъ comitia curiata и вноситъ законопроектъ о томъ, чтобы ему была дана дополнительная власть, т.е. imperium (lex de imperio). Результатомъ этого собранія бываетъ такъ называемый lex curiata de imperio, въ силу котораго царь и получаетъ высшую санкцію своего достоинства и всю полноту власти. lex curiata de imperio

Вкратце, такимъ образомъ, отмѣтимъ, что съ этого времени въ единой до сихъ поръ власти царя происходитъ теперь раздѣленіе на potestas и imperium, власть обыкновенную и высшую.

Территоріальная граница imperium.

Слѣдуетъ замѣтить, что съ понятіемъ imperium прежде всего соединяется понятіе о высшей власти магистрата (должностнаго лица), власти получившей высшую и религіозную санкцію. Но кромѣ религіозной власти въ это понятіе входитъ и верховная военная власть, а также и уголовно-судебная (jus gladii, jus vitae ac necis). Все это придаетъ imperium характеръ высшей чрезвычайной власти. Въ полномочіяхъ такой власти магистратъ особенно нуждается на войнѣ и въ другихъ исключительныхъ случаяхъ; въ городской же мирной жизни достаточно одной только potestas, т.е. обыкновенной административной власти. Благодаря этому мало по-малу вырабатывается

очень важный принципъ государственнаго права, который во всѣхъ подробностяхъ развивается въ республиканскій періодъ. Принципъ этотъ таковъ. Внутри города магистратъ обладаетъ лишь potestas, и только за городской чертой онъ получаетъ imperium. Такимъ образомъ, территоріальной границей imperium является граница города, т.е. pomerium. Imperium существуетъ только за этими предѣлами, въ городѣ же эта власть является лишней, потомучто тамъ не приходится прибѣгать къ такимъ чрезвычайнымъ мѣрамъ, для которыхъ было бы необходимо imperium. Образуется, такимъ образомъ, различіе власти domi et militiae, т.е. власти обыкновенной, такъ сказать, домашней и власти военной.

Въ заключеніе о реформѣ Сервія Тулія нужно сказать, что первоначально она просуществовала недолго. Самъ онъ былъ вскорѣ убитъ и престолъ былъ захваченъ сыномъ Тарквинія Древняго - Тарквиніемъ Гордымъ (Tarquinius Superbus). Этотъ царь мало заботился о правѣ и справедливости, онъ руководился въ своемъ правленіи однимъ личнымъ произволомъ. Реформа Сервія Тулія хотя и не была отмѣнена никакимъ законодательнымъ порядкомъ, но de facto она не существовала. Только по изгнаніи Тарквинія Гордаго она

была возстановлена вмѣстѣ съ установленіемъ республиканскаго строя правленія.

Глава III.

Источники права.

§ 20. Fas и jus.

Въ общей массѣ юридическихъ нормъ и правилъ, которыми опредѣлялась государственная и частная жизнь въ царскій періодъ, римляне различали двѣ основныя группы: fas и jus. Различіе ихъ римскіе юристы опредѣляли слѣдующими словами: fas lex divina, jus lex humana est. Въ область lex divina или fas входитъ все то, что носитъ религіозный характеръ, тѣмъ опредѣляются отношенія человѣка къ богамъ и религіозныя отношенія между людьми. Jus же касается отношеній чисто гражданскихъ. Тѣмъ древнѣе время, тѣмъ шире область fas сравнительно съ областью jus, или lex humana, т.е. шире область религіозная. Это потому, что въ древности къ религіозной области причислялись даже такія дѣла, которыя, по нашимъ понятіямъ, имѣютъ чисто свѣтскій характеръ, напр., договоръ, займы и т.п. Но важно отмѣтить, что даже въ самое древнее время римскій умъ сознаетъ, что не вся жизнь и ея отношенія имѣютъ религіозный характеръ, но часть ихъ принадлежитъ

и къ другой свѣтской области, и чѣмъ дальше идетъ развитіе государственной жизни, тѣмъ болѣе расширяется область свѣтскаго права, область jus на счетъ области fas. Это вѣрно потому, что нормы сакральнаго права (fas) не подлежатъ перемѣнѣ по человѣческой волѣ; они установлены богами и зависятъ только отъ нихъ; наоборотъ, область jus чисто человѣческая и потому нормы ея могутъ измѣняться по волѣ людей; очевидно, если бы римляне всему безъ исключенія праву приписывали религіозный характеръ (какъ, напр., было у евреевъ), то этимъ они сами поставили-бы непреодолимыя преграды для дальнѣйшаго развитія права.

Что касается этимологическаго происхожденія и значенія словъ fas и jus, то оно подтверждаетъ приведенное объясненіе этихъ терминовъ. Слово fas происходитъ отъ глагола fari - говорить и собственно значитъ изрѣченіе, откровеніе (высшаго существа); слово же jus происходитъ отъ jugum (русское иго) ярмо, оковы, связь. Этимъ выражается связанность человѣка извѣстными правилами.

§ 21. Формы образованія права: обычное право (mores majorum) законодательство (leges regiae и jus Papiria-num). 30 законовъ Сервія Тулія.

Помимо того, какъ мы указали общій

составъ права въ царскій періодъ (fas и jus) слѣдуетъ перейти къ вопросу о томъ, какъ же слагалось право въ это время, каковы были формы его образованія.

Нормы сакральнаго права (fas) устанавливаются и измѣняются представителями сакральнаго строя, - жрецами, съ согласія боговъ. Что же касается области jus (свѣтскаго права), то у Римлянъ, какъ и у всѣхъ другихъ народовъ, всѣ юридическія нормы въ древнее время вырабатываются путемъ обычая, т.е. путемъ постояннаго примѣненія ихъ въ жизни. Это такъ называемое обычное право. Сложившееся такимъ образомъ право римляне называли mores majorum, т.е. обычаями, нравами предковъ. Эти mores majorum и являются главнымъ источникомъ права въ древнѣйшій періодъ. Что касается законодательной дѣятельности въ царскій періодъ, то этотъ вопросъ уже болѣе сложенъ. Мы видѣли, что царь и народное собраніе имѣли право издавать законы, слѣдовательно, законодательная дѣятельность въ царское время существовать могла наравнѣ съ обычнымъ правомъ; но можно признать за неоспоримый фактъ, что ко времени республики полнаго собранія законовъ (кодификаціи) не было. Это подтверждается преданіе, которое говоритъ, что въ старое время цари и консулы творили судъ и расправу по сво-

ему усмотрѣнію т.е. по обычному праву. Далѣе, мы видимъ ожесточенную борьбу между плебеями и патриціями за изданіе кодекса законовъ; она была бы совершенно непонятна, если бы существовалъ такой кодексъ.

Но на ряду съ указанными фактами существуютъ извѣстія совершенно противорѣчащія имъ. Историки и вообще древніе авторы часто приводятъ въ буквальномъ текстѣ цѣлый рядъ отдѣльныхъ постановленій, которыя они называютъ leges regiae - царскіе законы. Далѣе, имѣется свѣдѣніе, что въ концѣ республиканскаго періода и въ началѣ имперіи существовалъ письменный сборникъ leges regiae, составленный великимъ понтифомъ Папиріемъ (Papirius). Этотъ сборникъ называется jus papirianum (къ нему позднѣйшій археологъ и историкъ Іоаннъ Лассисъ написалъ комментарій). Происхожденіе jus papirianum по преданію таково: по приказанію четвертаго царя Анка Марція записаны были leges regiae и выставлены на форумѣ на бѣлыхъ доскахъ (обычный способъ публикаціи въ древнее время). Такъ какъ эти доски отъ времени ветшали, то по изгнаніи царей великій понтифъ Papirius возобновляетъ ихъ и снова выставляетъ на форумѣ. Въ Галльскомъ пожарѣ 390. (364 г.) доски эти сгорѣли, а послѣ этого понтифы ихъ уже не возобновляли и не опуб-

л. V.

jus papirianum.

ликовывали, чтобы, какъ говоритъ преданіе, держа въ тайнѣ законы, управлять народомъ по своему произволу.

Если мы приступимъ къ анализу приведеннаго преданія, то увидимъ, что, во-первыхъ, сборнику Папирія приписывается имъ очень древнее происхожденіе, а между тѣмъ писатели перваго вѣка предъ Р. Хр. (конца послѣдняго вѣка республики), ни археологи, напр., Marcus Terentius Varro, ни юристы-философы, какъ Цицеронъ, не упоминаютъ объ этомъ сборникѣ. Очевидно поэтому, что его въ то время еще не было. Онъ относится къ болѣе позднему времени (самому концу республики, или къ началу имперіи) и при томъ это сборникъ частный, а не официальный, какимъ представляетъ его преданіе. Затѣмъ, большинство нормъ въ сборникѣ приписывается будто первымъ царямъ Ромулу и Нумѣ Помпиліо, но оба эти лица чисто миѳическія. Изъ этого ясно, что сами римляне не знали, кто былъ творцомъ этихъ нормъ; они знали только, что эти нормы древни и приписывали ихъ древнимъ миѳическимъ личностямъ. Далѣе, самъ авторъ сборника Папирій лицо очень темное; онъ даже называется различно: то Sextus, то Gajus Papirius. Одни говорятъ, что онъ жилъ при Анкѣ Маріи, другіе – въ республиканское время,

третьи даже въ концѣ республиканскаго періода. Такимъ образомъ, фактъ древности сборника и его официальности недостовѣренъ. Но несомнѣнно, что самыя нормы, содержащіяся въ немъ, весьма древни, это остатки права до историческаго времени, и съ этой стороны они представляютъ громадный интересъ. Не трудно рѣшить, что такое представляютъ изъ себя нормы: jus pontificium и по своему содержанію. Одна группа ихъ имѣетъ сакральный характеръ и представляетъ религіозныя правила, вѣрныя для частныхъ лицъ (напр., нельзя возливать на жертвенникъ вина изъ необрѣзанныхъ лозъ, или женщина, оживущая съ мужемъ не въ бракѣ не должна подходить къ алтарю Юноны и т.п.). Другая группа нормъ, хотя и имѣетъ свѣтскій характеръ, но стоитъ въ связи съ религіозной областью (напр., что погребеніе должно совершаться за чертою города; полицейское правило, касающееся религіознаго обряда). На основаніи всего этого мы можемъ заключить, что имѣемъ дѣло не съ свѣтскимъ законодательствомъ, а съ отдѣльными нормами изъ области Fas. Всѣ эти нормы суть ничто иное, какъ отдѣльныя религіозныя правила вѣрныя и необходимыя для каждаго частнаго лица, и которыя поэтому именно были опубликованы

понтификами въ древнее время (но когда, точно неизвѣстно). Такова происхожденіе leges regiae и jus papirianum.

Другое преданіе говоритъ, что царь Сервій Туллій между прочими своими реформами издалъ 50 отдѣльныхъ законовъ о договорахъ (контрактахъ) и правонарушеніяхъ (деликтахъ), которые онъ провелъ чрезъ народное собраніе. Но это извѣстіе уже совершенно не заслуживаетъ довѣрія, потомучто 50 законовъ составили бы цѣлую кодификацію и тогда опять борьба сословій была бы необъяснима.

Сохранились еще извѣстія о письменныхъ памятникахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ commentarii regii и commentarii pontificum. Эти письменные сборники безъ сомнѣнія существовали, но они не были сборниками законовъ, а только формулъ, которыя произносились при совершеніи государственныхъ актовъ (напр., при созваніи народнаго собранія).

Итакъ, главнымъ источникомъ права въ царскій періодъ было обычное право; законодательная же дѣятельность государства развита была слабо и во всякомъ случаѣ кодификаціи законовъ въ то время не существовало.

§22. Практическое применение права: царь и понтифы.

Относительно практического применения правовых норм в царский период, прежде всего мы должны сказать, что все гражданские и уголовные дела в это время решал царь, руководясь обычным правом и своим личным сознанием справедливости. При нем и в этой области, как и в государственной, существует особый совет consilium, членов которого он выбирает по своему усмотрению. Есть указания, что при решении уголовных дел этот совет составлялся из отдельных сенаторов, а в гражданских делах он состоял из понтифов, потому что эти последние были специалистами в области гражданского права (ср. §14.).

Отдел 2. Республиканский период.

Глава I. Первые времена республики и борьба сословий.

§23. Падение царской власти. Установление республиканского строя и его ближайшие последствия.

Последним римским царем был Тарквиний Гордый. Это название (Superbus - надменный) он получил от системы своего управления государством. По свидетельству предания он не руководился в этом

ни законами, ни обычаями, но во всем поступал исключительно по своему произволу. Естественно поэтому, что его правление возбудило недовольство обоих сословий (патрициев и плебеев). Возмущенный народ взялся за оружие и изгнал его и его приверженцев из города. Это совершилось в 210 году от О. Р. и 544 г. до Р. Хр. После этого царя уже не избирали, и установлен был республиканский образ правления.

Причиною падения царской власти было, таким образом, возмущение обоих сословий произволом последнего царя. Но следует заметить, что в сущности переворот состоял не в совершенном уничтожении царской власти, а только в ея ограничении; однако и эти ограничения легальным путем установлены быть не могли; акт переворота был незаконным революционным актом и с юридической точки зрения легализировать быть не может (хотя все римские историки стараются сделать это; поэтому в религиозном отношении - jus ad sacra - был оставлен в силе и старый строй; на место царя - в религиозном отношении был поставлен rex sacrificulus, имеющий, однако, всякой реальной власти, в религиозных церемониях выступает tribunus celerum и т. п.). Точно также и новый республиканский строй учрежден

быль не законодательнымъ актомъ, но былъ основанъ на религіозной клятвѣ всѣхъ гражданъ за себя и за потомковъ, что они „впредь не потерпятъ надъ собой царской власти" (se Romae neminem passuros regnare). Только черезъ 35 лѣтъ (въ 245 отъ О. Р. 509 до Р. Хр.) особымъ закономъ консула Валеріи (lex Valeria) установлена была смертная казнь для каждаго, стремящагося къ присвоенію царской власти.

lex Valeria 509.

Что касается тѣхъ ограниченій верховной власти, которыя составляли сущность переворота, то они состояли въ слѣдующемъ. Во-первыхъ, на мѣсто одного полновластнаго властителя, какимъ былъ царь, теперь избираются два лица, называемыя консулами, сроком только на одинъ годъ (а не пожизненно). Два равныхъ и полноправныхъ магистрата уже сами собой ограничиваютъ другъ друга, а къ этому присоединяется еще ограниченіе сроком нахожденія въ должности (одинъ годъ). По ложеніи съ себя магистратуры консулы могли привлекаться къ отвѣтственности въ своихъ дѣйствіяхъ. Во-вторыхъ, политическая власть отдѣляется отъ религіозныхъ функцій. Консулы являются магистратами свѣтскими, а верховная жреческая власть, принадлежавшая ранѣе царю, сосредоточивается въ рукахъ великаго понтифика (pontifex maximus). Въ третьихъ, консулы ограничиваются и въ области финансоваго управленія.

Quaestor.

Назначаются особые должностныя лица, квесторы, которые завѣдуютъ государственной казной, и. консулы могли брать деньги изъ государственной казны только съ вѣдома этихъ чиновниковъ. Наконецъ, въ четвертыхъ, ограничивается уголовно-судебная власть высшихъ магистратовъ. Въ 245/509 году выходитъ lex Valeria de provocatione, который говоритъ: ne quis magistratus civem romanum adversus provocationem necaret neve verberaret, т.е. ни одинъ магистратъ не имѣетъ права подвергнуть казни или тѣлесному наказанію римскаго гражданина помимо провокаціи. Подъ именемъ же провокаціи (provocatio) разумѣется право аппеляціи въ народное собраніе. Такимъ образомъ, въ силу этого закона на каждый уголовный приговоръ (а не только на приговоръ о perduellio, какъ раньше) дозволяется аппеляція въ народное собраніе. Однако слѣдуетъ замѣтить, что это право провокаціи не распространялась на всю территорію римскаго государства. Оно дѣйствовало только внутри городскихъ стѣнъ - pomerium и распространялось еще на одну милю (1000 шаговъ) кругомъ города (urbs Roma, proprius que urbem Romam passus mille). За этими предѣлами власть магистратовъ освобождалась отъ всякихъ ограниченій, и всѣ распоряженія ихъ были безаппеляціонны.

509.

NB

Duo viri perduellionis judicandae

NB! urbs Roma proprius que urbem Romam passus mille.

Если мы обратимъ теперь вниманіе

на то, каковы были последствия этих ограничений верховной власти, то увидим, что они влекли за собой значительныя измѣненія и въ положеніи другихъ (низшихъ) органовъ государственной власти. Слѣдуя порядку этихъ органовъ, мы должны, прежде всего, остановиться на сенатѣ и разсмотрѣть его положеніе послѣ переворота. Не трудно понять, что авторитетъ этого государственнаго органа долженъ былъ значительно возрасти. De jure сенатъ остается тѣмъ же совѣщательнымъ органомъ при высшемъ магистратѣ (консулахъ), какимъ онъ былъ и въ царскій періодъ. No de facto значеніе его повышается: онъ становится выше отдѣльныхъ магистратовъ. Это вполнѣ естественно. Сенатъ состоитъ изъ знатнѣйшихъ и самыхъ вліятельныхъ лицъ обоихъ сословій и, притомъ, является учрежденіемъ постояннымъ, опытность котораго въ государственныхъ дѣлахъ пріобрѣтается годами. Отдѣльные же магистраты смѣняются каждый годъ и, потому не могутъ соперничать съ нимъ ни въ опытности, ни во всеобщемъ уваженіи и довѣріи.

Вмѣстѣ съ возвышеніемъ авторитета сената возрастаетъ и значеніе народныхъ собраній, преимущественно центуріатныхъ. Имъ принадлежитъ теперь важное право ежегоднаго выбора магистратовъ.

л. V.

Оживляется и законодательная деятельность ихъ. И, наконецъ, они пріобрѣтаютъ право уголовнаго суда (lex Valeria de provocatione). Такимъ образомъ, мало по-малу начинаетъ вырабатываться взглядъ, что носитель высшей власти есть народъ, возникаетъ представленіе о суверенитетѣ народа, что выражается и внѣшнимъ образомъ въ обычаѣ магистратовъ склонять предъ народнымъ собраніемъ фасces ликторовъ (знакъ подчиненія).

Теперь умѣстно поставить вопросъ, кто все получилъ выгоду отъ этого государственнаго переворота. Несомнѣнно, что нѣкоторыя выгоды получили отъ него и плебеи. Увеличивается, какъ мы видѣли, значеніе центуріатныхъ народныхъ собраній, въ которыхъ участвовали и плебеи. Далѣе, они получаютъ представительство въ сенатѣ. Эти плебейскіе представители образуютъ здѣсь на ряду съ патриціанскими членами (patres) другую группу, называемую conscripti – приписанные. Но не смотря на все это, главныя выгоды переворота пришлись на долю патриціевъ. Магистратура и жречество находятся исключительно въ ихъ рукахъ, потомучто плебеи, неправоспособные въ сакральномъ строѣ, они недоступны. И въ сенатѣ, куда получили доступъ плебеи, большинство всегда было патриціанское, и слѣдовательно, перевѣсъ былъ опять таки на ихъ сторонѣ. Ко всему этому присоединилось

еще и то, что на сторонѣ патриціевъ оказалось и экономическое господство. Благодаря всѣмъ этимъ средствамъ, патриціи держали въ своихъ рукахъ все государственное управленіе и, при этомъ, часто безъ стѣсненія эксплоатировали власть въ пользу своихъ личныхъ и сословныхъ интересовъ. Между тѣмъ не въ римскомъ характерѣ было подчиняться безъ протеста такому насилію; поэтому, борьба между сословіями была неизбѣжна, и разъ она началась, то должна была вестись съ ожесточеннымъ упорствомъ, потому что она вызывалась не только стремленіями къ политической власти, но и естественнымъ для каждаго человѣка стремленіемъ къ экономическому благосостоянію, которое было тѣсно связано съ первымъ.

§24. Экономическое положеніе населенія и аграрныя отношенія.

Чтобы лучше уяснить себѣ состояніе государственныхъ дѣлъ и ходъ политическихъ событій въ изучаемую эпоху, необходимо остановиться на экономическомъ бытѣ римскаго народа. Прежде всего, вернемся нѣсколько назадъ и разсмотримъ экономическое положеніе народа въ царскій періодъ.

Все богатство римскаго народа, какъ извѣстно, состояло въ земледѣліи. Земледѣльческія, аграрныя отношенія его слагались, по преданію, такъ. При основаніи

Рима Ромул отвел каждому гражданину участок (2 jugera) земли, в вечную и потомственную собственность. Но эти участки составляли только усадебную и огородную землю (heredium) и heredium
одним этим земельная собственность римского гражданина не ограничивалась. Кроме этого каждый род (gens) имеет общую землю — ager gentilicium, которой пользуются все ager gentilicium
члены его. Остальная земля находится во
власти государства и называется ager pu- ager
blicus. Часть этой земли идет на содержа- publicus.
ние царского рода и двора и часть — на содержание жреческого сословия и культа; вся же остающаяся после этого земля идет во всеобщее государственное пользование посредством выгона скота, при чем за это взимается особый налог — pascua, составляющий pascua
древнейшую форму государственных налогов.
В первое историческое время, как было раньше замечено, мы застаем родовой строй уже разлагающимся. Поэтому и родовая собственность — ager gentilicius переходит во владение отдельных родичей и становится ager privatus.

С течением времени государственная территория растет, увеличиваясь путем завоеваний. Завоеванные земли римляне не оставляли в руках прежних владельцев, они отбирали их в собственность государства, хотя на деле государство, по большей части, ограничивалось тем, что отбирало в свою

собственность только одну треть завоеванной территории, а две трети оставляло населению. Таким образом, образуется целая масса государственных земель - agri publicus. Доходы с этой земельной собственности государство извлекает различными способами. Во-первых, оно раздаёт эти земли отдельными участками видным гражданам в полную собственность (assignare). Эти розданные государством участки назывались agri assignati или agri divisi. Второй способ утилизации государственных земель состоит в продаже их. В случае нужды государство продавало в собственность отдельные участки своих земель. Продажа эта производилась чиновниками государственного казначейства (quaestores), откуда и самые участки назывались agri quaestorii. В-третьих, государство отдавало свои земли в долгосрочную аренду. Арендная плата называлась vectigal (пошлина) откуда и самые участки назывались agri vectigales. За всеми этими способами утилизации земель у государства всё-таки оставались ещё большие участки agri publici невозделанными. В виду этого государство прибегало к следующей оригинальной мере пользования ими. Когда скопилось большое количество agri publicus, то особым распоряжением сената позволялось всем по желанию и выбору каждого занимать безвозмездно (occupare) свободные участки земли, которые назывались

agri occupatorii (указаніе на способъ получе-
нія ихъ), или possessiones (по характеру влад-
нія, потомучто они не составляли полной соб-
ственности владѣльцевъ, государство всегда могло
отнять ихъ, хотя никогда этого и не дѣлало).
Эта государственная мѣра основывалась на
томъ соображеніи, что государство составляютъ
граждане и потому все равно пользуется ли зе-
млями собственно государство въ цѣломъ,
или отдѣльные граждане, составляющіе его.
Но весьма важно замѣтить, что плебеи не
имѣли права на эти земли. Ими пользуются
только полноправные граждане-патриціи.
Такъ осталось и послѣ реформы Сервія Туллія,
такъ какъ эта реформа старый строй госу-
дарственной жизни (и положеніе патриціевъ)
не измѣнила, а поэтому строго плебеи сто-
яли внѣ государства. Итакъ, члены патри-
ціанскаго сословія, кромѣ своей собственной
земли, владѣютъ еще значительнымъ ко-
личествомъ государственной земли. Они из-
влекаютъ изъ нея фаровые доходы и потому
оказываются въ состояніи сколотить большіе
капиталы, что плебеямъ недоступно. Та-
кимъ образомъ, возникаетъ капиталистиче-
скій строй патриціанскаго сословія. Ко
всѣмъ этимъ экономическимъ условіямъ го-
сподства патриціевъ присоединяется, нако-
нецъ, еще слѣдующее. Со времени учрежденія ре-
спублики, государство вовлекается въ цѣлый
рядъ почти непрерывныхъ войнъ съ Этрски-

agri occupatorii

ніемъ, его приверженцами и сосѣдними народами), и служилое населеніе (главнымъ образомъ плебеи) лишается возможности обрабатывать землю, а постоянные набѣги враговъ ведутъ къ окончательному разоренію мелкихъ землевладѣльцевъ. Вслѣдствіе такихъ стѣсненныхъ обстоятельствъ у плебеевъ является настоятельная нужда въ кредитѣ, а его опять таки можно найти только у патриціевъ. Но заемъ не улучшалъ, а напротивъ, еще болѣе ухудшалъ положеніе плебея, потомучто правильнаго долгосрочнаго кредита, какой именно необходимъ былъ для плебея, какъ землевладѣльца, не существовало. Да и условія краткосрочнаго кредита были крайне суровы, какъ по величинѣ процентовъ, такъ и по способу взысканія. По большей части этотъ кредитъ приводилъ къ продажѣ въ рабство. Такое безвыходное положеніе плебеевъ было тѣмъ болѣе несправедливо, что государственныя земли (ager publicus) были завоеваны общими силами, и даже въ большей степени плебеями, а пользовались плодами только патриціи, которые, имѣя сверхъ этого въ своихъ рукахъ и политическое господство, употребляли то и другое въ своихъ личныхъ интересахъ на стѣсненіе низшаго класса. Все это рано или поздно должно было вызвать борьбу сословій, которая и не замедлила.

§ 25. Первое отшествіе плебеевъ. Учрежденіе плебейскаго трибуната и его ближайшія послѣдствія.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію первоначальныхъ событій борьбы плебеевъ съ патриціями слѣдуетъ замѣтить, что въ общемъ ходѣ этой борьбы можно различить два періода. Въ первое время борьба ведется за организацію плебейской общины; когда же это было достигнуто, начинается борьба за доступъ къ политической власти и дѣятельности. Границею между этими эпохами сословной борьбы (конецъ первой и начало второй) являются leges Valeriae Horatiae 305/449 г. I II 449 г

Первое открытое столкновеніе между сословіями произошло въ 260/494 год. при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Римское войско возвращалось изъ удачнаго похода и, остановившись лагеремъ около города, ожидало роспуска по домамъ. Но здѣсь оно получаетъ извѣстіе, что предложеніе диктатора сенатора? Марка Валерія объ облегченіи задолжавшаго населенія отвергнуто. Войско, состоявшее главнымъ образомъ изъ плебеевъ, получивъ это извѣстіе, построилось въ ряды и подъ предводительствомъ своихъ трибуновъ удалилось отъ города, заявивъ, что оно не желаетъ оставаться въ государствѣ и основываетъ новый городъ на священной горѣ (mons Sacer вблизи Крустумеріи). Сенатъ долженъ былъ уступить и послѣ дол- 494

ихъ переговоровъ состоялось соглашеніе, которое и было скреплено клятвой обѣихъ сторонъ (lex Sacrata). Въ силу этого соглашенія – во-1-хъ: учреждалась новая должность - tribuni plebis - плебейскихъ трибуновъ.

lex sacrata

tribuni plebis.

Во-2-хъ: эти трибуны получаютъ jus auxilii (право помощи), которое состоитъ въ томъ, что плебейскій трибунъ своимъ вмѣшательствомъ можетъ остановить всякое распоряженіе магистрата относительно плебеевъ. Въ 3-хъ: личность плебейскаго трибуна объявляется священной (sacrosanctus) и неприкосновенной. Каждый, нарушившій эту неприкосновенность, подвергается смерти и конфискаціи имущества въ пользу храма (sacertas). Въ 4-хъ: доступъ къ этой новой должности для патриціевъ закрытъ, - народными трибунами могутъ быть только плебеи.

Такимъ образомъ, единственное право, которое получили народные трибуны по lex Sacrata при учрежденіи ихъ должности, было jus auxilii. Но въ немъ заключалось зерно обширной власти, которая разрослась впослѣдствіи и заняла могущественное положеніе въ государствѣ. Ближайшими же послѣдствіями учрежденія должности трибуновъ было, во-первыхъ, слѣдующее. При обсужденіи отдѣльныхъ дѣлъ трибуну, какъ представителю сословія, конечно, было важно узнать мнѣніе этого послѣдняго; поэтому, съ перваго же года своего существованія трибуны

присвояютъ себѣ право собирать сходки (contiones) плебеевъ и совѣщаться съ ними. Патриціи, ссылаясь на законъ учрежденія трибуната, постоянно стараются препятствовать этимъ сходкамъ и сношеніямъ трибуновъ съ народомъ, причемъ прибѣгаютъ даже къ внѣшней силѣ (разгоняя собраніе съ форума). Поэтому черезъ два года трибунъ Ицилій (Icilius) входитъ съ законопроектомъ, по которому всякій, кто помѣшаетъ словомъ или дѣйствіемъ трибуну, говорящему на contio, подвергается значительному штрафу (размѣръ его точно неизвѣстенъ) въ уплатѣ котораго тотчасъ же должны быть представлены поручители иначе виновный подвергается смертной казни съ конфискаціей имущества въ пользу храма (homo sacer). Этотъ plebiscitum Icilium былъ первымъ шагомъ къ расширенію правъ плебейскаго сословія.

Второй шагъ въ томъ же направленіи былъ прямымъ слѣдствіемъ перваго т.е. plebiscitum Icilium. Каждый нарушитель правъ и неприкосновенности трибуната объявлялся имъ внѣ закона (homo sacer), послѣ чего, каждый могъ безнаказанно убить его. Но кто постановлялъ этотъ приговоръ, кто объявлялъ виновника homo sacer, объ этомъ plebiscitum умалчиваетъ. Трибуны скоро и легко достигаютъ, что это право присвояется плебейскому народному собранію, потому что для преступника (даже и патриція), обречен-

наго на вѣрную смерть, судъ, гдѣ онъ можетъ оправдываться и защищаться, каковъ бы онъ ни былъ, является большимъ снисхожденіемъ и милостію и не можетъ вызывать никакого протеста, хотя бы онъ былъ и плебейскимъ. Такимъ образомъ плебейское собраніе безъ особенной борьбы и сопротивленія со стороны патриціевъ получаетъ право суда по дѣламъ о нарушеніи правъ и вольности плебса, и съ этого начинаетъ развиваться право суда въ плебейскомъ собраніи по дѣламъ уголовнымъ и политическимъ причемъ трибуны являются обвинителями.

Дальнѣйшій важный шагъ въ дѣлѣ организаціи плебейской общины сдѣлалъ lex Publilia Voleronis 283/471 года. Этотъ законъ устанавливаетъ, что плебейскіе трибуны и ихъ помощники эдилы должны избираться собраніемъ плебса по трибамъ (concilia plebis tributa). Какъ избирались трибуны до этаго времени — точно неизвѣстно. Одни изъ историковъ (напр., Цицеронъ, Діонисій) говорятъ, что трибуны избирались въ куріатныхъ комиціяхъ, но это невѣроятно, потомучто тогда бы плебсъ совершенно не участвовалъ въ этомъ избраніи. По словамъ же Ливія трибуны избирались всѣмъ народомъ и патриціями и плебеями, что болѣе вѣроятно. Послѣ закона Publilia Voleronis этотъ выборъ переходитъ исключительно въ руки плебеевъ.

471.

Кромѣ этого указаннымъ закономъ

учреждается новый видъ народныхъ собраній – concilia plebis tributa. Плебсъ собирается по земельнымъ округамъ-трибамъ, потомучто плебеи составляли сельское населеніе и жили по округамъ; по этимъ округамъ имъ всего естественные было и собираться на собранія.

Идея этихъ собраній по трибамъ съ теченіемъ времени развивается все болѣе и болѣе, такъ что даже оттѣсняетъ на задній планъ всѣ другія собранія.

§ 26. Rogatio трибуна Терентилія Арсы. Децемвираты. Второе отдѣленіе плебеевъ.

Черезъ девять лѣтъ послѣ изданія lex publilia Voleronis въ 292/462 г. народный трибунъ Гай Терентилій Арса объявляетъ заявленіе сенату, что онъ намѣренъ внести на обсужденіе законопроектъ: „ut quinque viri creārentur legibus de imperio consulari scribendis: quod jus populus in se dederit, eo consules utuntur", т.е. чтобы избраны были пять лицъ, которые составили бы законы о консульской власти, именно, объ объемѣ ея и границахъ. Дѣло, такимъ образомъ, идетъ объ ограниченіи консульской власти. При этомъ, какъ передаетъ Ливій, Т. Арса первоначально имѣлъ еще болѣе широкую идею. Его первоначальный планъ состоялъ въ томъ, чтобы плебсъ самъ составилъ такія правила, которыя бы ограничивали

462

X

власть консуловъ по отношенію къ плебсу. Сенатъ, конечно, не принялъ этого предложенія; но плебеи двадцать лѣтъ подрядъ выбирали въ трибуна Т. Арсу и его единомышленниковъ, которые и продолжали настаивать на проведеніи законопроекта. Наконецъ состоялось соглашеніе. Т. Арса, видя, что его предложеніе возбуждаетъ ожесточенное сопротивленіе сената, пошелъ на компромиссъ, и предложилъ уже, чтобы избраны были общіе (изъ обоихъ сословій) законодатели, которые бы и составили законы для всего народа. На это сенатъ согласился; правда, сначала онъ требовалъ, чтобы эти лица были выбраны только изъ патриціанскаго сословія, но потомъ долженъ былъ уступить. Причина такой уступки сената заключалась въ томъ, что необходимость въ писанныхъ законахъ (кодификаціи) давно чувствовалась съ обѣихъ сторонъ и во-первыхъ, потому, что произволъ суда магистратовъ, на который часто жаловались плебеи, задѣвалъ нерѣдко и патриціевъ, хотя, конечно, меньше, потомучто магистраты принадлежали къ ихъ сословію. Этотъ произволъ былъ даже неудобенъ, потомучто при отправленіи суда магистраты руководились не писанными законами, а нормами обычнаго права, которыя, естественно, страдали неопредѣленностію, какъ и все вообще обычное право, и оставляли широкій просторъ для личнаго произвола. Еще болѣе важнымъ побужденіемъ къ изданію кодекса законовъ явля-

лось то, что чѣмъ дальше развивалась организація плебейской общины, чѣмъ болѣе она становилась сплоченной, имѣя во главѣ своихъ должностныхъ лицъ, тѣмъ болѣе государство дѣлилось на два враждебныхъ лагеря (патриціевъ и плебеевъ). Связаны были эти сословія очень мало, организація ихъ жизни была совершенно различна; все это усиливало антагонизмъ между ними. Для государства это была прямая опасность, грозившая ему распаденіемъ на двѣ отдѣльныя и къ тому же враждебныя части. Поэтому, естественно, должна была сильно чувствоваться потребность въ такихъ правилахъ, которыя были бы одинаково обязательны для всего населенія и этимъ объединяли бы отдѣльныя его части.

Таковы были мотивы, по которымъ сенатъ и патриціи согласились на выработку общей кодификаціи законовъ. Эту задачу рѣшено было выполнить такъ. Предполагалось избрать десять (а не пять, какъ предлагалъ Аркъ) особыхъ лицъ – decemviri legibus scribendis, которымъ для успѣшнаго выполненія ихъ задачи вручались неограниченныя полномочія и власть въ государствѣ. На время ихъ занятій по составленію законодательнаго кодекса отмѣнялся весь обычный государственный строй; должность консуловъ уничтожалась, а всѣ остальные магистраты были поставлены въ зависимость отъ децемвировъ. Право провокаціи и народный трибунатъ также были отмѣнены.

Все это дѣлалось для того, чтобы предоставить децемвирамъ полную свободу дѣйствій для успѣшнаго выполненія ихъ важной задачи.

Первые децемвиры находились въ должности одинъ годъ и за это время успѣли составить сборникъ законовъ въ десяти таблицахъ. Когда эти таблицы законовъ были представлены на разсмотрѣніе центуріатнаго собранія, то оно нашло ихъ недостаточно полными и признало необходимымъ дополнить ихъ. Поэтому децемвиратъ былъ продолженъ еще на годъ и избраны были новые децемвиры. Но эти послѣдніе настолько увлеклись своей неограниченной властію, что по окончаніи срока не желали отказаться отъ нея, ссылаясь на то, что они еще не окончили своего дѣла. Къ этой узурпаціи власти прибавилось еще то, что правленіе этихъ (вторыхъ) децемвировъ отличалось большимъ произволомъ, для котораго не было никакихъ препятствій.

Возмущенные такимъ произвольнымъ правленіемъ, плебеи совершили второе отшествіе за рѣку Аніонъ, но скоро состоялось соглашеніе и они возвратились. Децемвиратъ былъ уничтоженъ, и возстановленъ старый республиканскій строй.

Послѣ низверженія децемвировъ найдены были двѣ дополнительныя таблицы съ законами, которые и были утверждены народнымъ собраніемъ. Такимъ образомъ составились знаменитые законы двѣнадцати (XII) таблицъ, представляющіе одинъ изъ древнѣйшихъ па-

памятниковъ римскаго законодательства, дошедшихъ до нашего времени. Изданіе этихъ законовъ состоялось въ 304/450 году. (о содержаніи законовъ XII таблицъ будетъ сказано въ отдѣлѣ объ источникахъ права). 450 г

§ 27. Leges Valeriae Horatiae. 449.

Произвольное правленіе вторыхъ децемвировъ и послѣдовавшія за нимъ событія (отшествіе плебеевъ) были тяжелымъ потрясеніемъ для государства, послѣ котораго необходимо было установить въ немъ прочное спокойствіе и порядокъ, чтобы оно могло оправиться отъ переживаемыхъ волненій. Въ этихъ именно цѣляхъ оказывалось полезнымъ подтвердить выработанныя въ предшествующее время нормы права особыми специальными законами, потомучто основныя нормы, опредѣлявшія отношенія между сословіями скрѣплены были только клятвой (актомъ религіознымъ), но до сихъ поръ не были утверждены законодательнымъ порядкомъ, который бы могъ придать имъ надлежащую твердость и устойчивость. Такое положеніе дѣлъ и вызвало изданіе трехъ законовъ, которые были предложены консулами Валеріемъ и Гораціемъ въ 305/449 г. (на другой годъ послѣ свержения децемвировъ). 449.

Первый изъ этихъ законовъ имѣетъ слѣдующее содержаніе: „ne quis illum magistratum adversus provocationem crearet; qui ce- I

asset, cum jus fasque esset occidere, neve ea caedes capitalis noxae haberetur."

Очевидно мы имѣемъ здѣсь ни что иное, какъ повтореніе и подтвержденіе перваго закона о провокаціи / lex Valeria de provocatione (245/509 г.). Спорно, однако, простирался ли этотъ законъ на диктатора, который былъ высшимъ и полновластнымъ правителемъ государства. Хотя законъ не дѣлаетъ никакихъ исключеній, однако можно думать, что провокація на диктатора не распространялась. Законъ Валерія и Горація касался только тѣхъ магистратовъ, которые выбирались въ народномъ собраніи, что видно изъ того термина, которымъ обозначается ихъ назначеніе (creare), онъ примѣнялся только къ народному собранію. Диктатора же избирали не народъ, а назначали консулы, и это назначеніе выражалось другимъ терминомъ (dictatorem dicere). Позже, впрочемъ, и диктаторъ подчинается этому закону.

Второй законъ Валерія и Горація говоритъ: „ut qui tribunis plebis, aedilibus, judicibus decemviris nocuisset, ejus caput Jovi sacrum esset, familia ad aedem Cereris, Liberi Liberaeque veniret", т.е. кто нанесетъ какой либо вредъ (оскорбленіе) народнымъ трибунамъ, или эдиламъ, или судьямъ-децемвирамъ, голова того будетъ посвящена Юпитеру, а имущество отойдетъ въ храмъ Цереры, Вакха и его супруги. / Посвященіе всѣмъ этимъ богамъ выражало ни что иное, какъ лишеніе покрови-

тельства законовъ, послѣ чего, какъ извѣстно, каждый могъ безнаказанно убить виновнаго, а имущество его переходило въ храмъ указанныхъ боговъ).

Такимъ образомъ, этотъ законъ объявляетъ неприкосновенными, во-первыхъ, народныхъ трибуновъ; но это было и раньше въ силу lex sacrata 260/494 г. Разница заключается здѣсь въ томъ, что прежде эта неприкосновенность основывалась на религіозной клятвѣ, а теперь она подтверждается закономъ. Эдилы, помощники трибуновъ, здѣсь впервые получаютъ неприкосновенность.

Далѣе законъ говоритъ о судьяхъ децемвирахъ. Это были особыя постоянныя присяжныя судьи, которые разбираютъ гражданскія дѣла между плебеями. Они являлись также помощниками трибуновъ. Время возникновенія этой должности точно неизвѣстно. Одни приписываютъ ея учрежденіе Сервію Туллію; другіе относятъ его къ началу республики, но твердыхъ данныхъ для этихъ предположеній нѣтъ. Всего вѣроятнѣе, что спеціальнымъ закономъ эта должность никогда и не устанавливалась, а возникла практическимъ путемъ послѣ учрежденія трибуната для помощи трибунамъ въ судебныхъ дѣлахъ. Въ такомъ случаѣ возникновеніе ея слѣдуетъ отнести къ 260–305 годамъ. 493—448 г.

Третій законъ Валеріи и Горація въ передачѣ Ливія и Діонисія формулируется

III

такъ: „ut quod tributim plebs jussisset, populum teneret", т.е. постановленія плебса по трибамъ обязательны для всего народа. Но эта передача закона возбуждаетъ сильныя сомнѣнія. Во-первыхъ потому, что невѣроятна въ то время такая уступка патриціевъ плебеямъ, чтобы они признали обязательными для себя постановленія плебейскихъ трибутныхъ собраній. Во-вторыхъ, извѣстны два болѣе позднихъ закона: lex Publilia Philonis 415 года и lex Hortensia 467 года, совершенно съ такимъ же содержаніемъ, какъ и третій законъ Валерія и Горація. Очевидно, что который нибудь изъ этихъ законовъ имѣлъ иное содержаніе. Этотъ вопросъ относится къ числу самыхъ темныхъ вопросовъ изъ всей исторіи римскаго права, и рѣшается разно.

Наиболѣе правильнымъ представляется рѣшеніе этого вопроса Моммсеномъ. Онъ прежде всего указываетъ на то, что въ ~~[illegible]~~ 449 году патриціи были еще настолько сильны и сплочены, что не пропустили бы законъ такого содержанія (чтобы постановленія плебса были обязательны для всего народа, и слѣдовательно и для нихъ).

Во-вторыхъ, начиная приблизительно съ ~~[illegible]~~ 449 года, постоянно встрѣчаются упоминанія о новомъ видѣ народныхъ собраній и о законахъ проведенныхъ на нихъ. Этотъ новый видъ собраній состоялъ въ томъ, что весь народъ (и патриціи и плебеи) собирался по трибамъ и также принимались здѣсь рѣшенія.

(comitia tributa). Между тѣмъ не дошло ровно никакихъ свѣдѣній о томъ, какимъ закономъ учреждено это важное нововведеніе. Моммсенъ предполагаетъ, что это и былъ третій законъ Валерія и Горація, но только его содержаніе передано не вѣрно: вмѣсто слова „plebs" слѣдуетъ читать „populus"; т. е. постановленія народа по трибамъ обязательны для всего народа. Ошибка эта, по мнѣнію Моммсена, объясняется тѣмъ, что во времена Ливія и Діонисія различіе между понятіями populus и plebs уже сгладилось и они употребляютъ одно вмѣсто другого.

Но съ того же ~~305~~ 449. года мы встрѣчаемъ и другого рода постановленіе, именно, что рѣшенія, принятыя плебсомъ въ его собраніяхъ имѣютъ силу для него, т. е., что плебсъ получаетъ законодательную власть внутри своего сословія; но объ этомъ опять не извѣстно никакого закона. Моммсенъ опускаетъ это обстоятельство изъ вида. Его соображенія дополняетъ другой ученый Карловъ, который утверждаетъ, что третій законъ Валерія и Горація говоритъ еще и о постановленіяхъ плебейскихъ собраній. По его мнѣнію онъ долженъ читаться такъ: „ut quod tributim populus jussisset, populum teneret, quod tributim plebs jussisset, plebem teneret". Такъ какъ объ половины закона сходны, то они у позднѣйшихъ писателей постоянно смѣшиваются и одна употребляется вмѣсто другой.

Относительно же двухъ указанныхъ позднѣйшихъ законовъ, т. е. lex Publilia Philonis и lex Hortensia, нужно сказать, что первый изъ нихъ, вѣроятно, освобождаетъ постановленія плебейскихъ трибутныхъ собраній отъ обязательнаго утвержденія сенатомъ; а lex Hortensia 467 года уже дѣйствительно объявляетъ постановленія плебса обязательными для всего народа; въ концѣ V-го вѣка это было вполнѣ возможно, потому что борьба сословій къ тому времени уже кончилась, и права ихъ были сравнены.

§ 28. Дальнѣйшій ходъ борьбы сословій до уравненія правъ патриціевъ и плебеевъ.

Со времени изданія трехъ leges Valeriae Horatiae, какъ было уже замѣчено, открывается новая эпоха сословной борьбы плебеевъ съ патриціями. До того времени она велась за организацію плебейской общины. Leges Valeriae Horatiae заканчиваютъ этотъ періодъ борьбы, давая плебсу прочную организацію. Получивъ это, плебсъ теперь уже начинаетъ добиваться доступа къ политической власти, все еще для него закрытой; это и составляетъ вторую эпоху борьбы плебеевъ съ патриціями.

На всѣ требованія плебеевъ о доступѣ къ магистратурѣ патриціи возражали тѣмъ, что это не возможно, потому что для магистрата необходима сакральная правоспособ-

кость, которая находится въ связи съ происхожденіемъ изъ патриціанскаго рода (gens), необходима, такимъ образомъ, чистота патриціанской крови.

Въ виду этого чрезъ четыре года, послѣ изданія Leges Valeriae Horatiae (въ ~~304~~ 445 г.), одинъ 445.
изъ народныхъ трибуновъ Cajus Canuleius вноситъ законопроектъ о томъ, чтобы на будущее время между патриціями и плебеями могли заключаться законные браки (connubium). Въ томъ же году 3 другихъ трибуновъ вносятъ предложеніе уже о томъ, чтобы плебеямъ былъ открытъ доступъ къ консульству. Этотъ законопроектъ, очевидно, стоитъ въ тѣсной связи съ предыдущимъ. Если бы lex Canuleja прошелъ, то получили бы доступъ къ магистратурѣ не чистые плебеи, а полуплебеи, но тогда не было бы основаній закрывать его и отъ чистыхъ плебеевъ. Такъ очевидно, разсуждали представители плебса при внесеніи послѣдовательно одинъ за другимъ этихъ законопроектовъ. Но на дѣлѣ судьба ихъ была различна. При первомъ предложеніи (l. Canuleja) патриціи оказались въ своеобразномъ положеніи: браки патриціевъ съ плебеями были въ то время не рѣдки, и чрезъ нихъ многіе изъ патриціевъ стояли въ связи съ знатными плебеями; благодаря этому среди самаго патриціанскаго сословія образуется сильное теченіе въ пользу законопроекта, и онъ, не смотря на сопротивленіе сената (правда,

444. слабое) проходит въ следующемъ 310 году. Но противъ втораго предложенія о консульствѣ патриціи возстали единодушно. Плебеи же твердо стояли на немъ, и ихъ трибуны, пользуясь своими привилегіями, тормозили правильный ходъ государственной жизни. Сенатъ долженъ былъ уступить; хотя консулата плебеи не получили, но рѣшено было на мѣсто консуловъ избирать военныхъ трибуновъ съ консульской властію (tribuni militum consulari potestate), и доступъ къ этой должности открыть какъ для патриціевъ, такъ и плебеевъ. Однако консулы послѣ этого не прекратили своего существованія, потомучто избраніе военныхъ трибуновъ съ консульской властью имѣло мѣсто только въ исключительныхъ случаяхъ и притомъ по особенному на каждый годъ постановленію сената. Такимъ образомъ патриціи отстояли свои права; магистратура по прежнему вся оставалась въ ихъ рукахъ, потомучто военные трибуны, хотя и съ консульской властью, были, съ юридической точки зрѣнія, лишь военными должностными лицами, но не представляли въ собственномъ смыслѣ магистратовъ. Кромѣ этого патриціи въ своихъ выгодахъ настояли еще, чтобы изъ обязанностей консуловъ выдѣлено было производство ценза и учреждена была для этого особая магистратура (цензура), которая была бы доступна только патриціямъ.

Важно обратить вниманіе на такти-

ку патрициевъ, которой они держатся во все время борьбы съ плебеями: при всѣхъ уступкахъ въ пользу этихъ послѣднихъ они выключаютъ изъ государственнаго правленія нѣкоторыя области, предоставляя ихъ исключительно себѣ самимъ, благодаря чему все болѣе и болѣе увеличивается число этихъ должностей, магистратовъ (доступныхъ только патриціямъ). Но не слѣдуетъ думать, что это увеличеніе государственныхъ должностей вызывалось исключительно сословными интересами патриціевъ и противорѣчило общегосударственнымъ интересамъ; напротивъ, оно вполнѣ соотвѣтствовало послѣднимъ, потому что съ развитіемъ государственной жизни открывалась необходимость въ усиленіи органовъ управленія. Такимъ образомъ, съ этой стороны борьба сословій оказала государству значительную услугу.

Чрезъ 23 года послѣ перваго столкновенія между плебеями и патриціями по поводу занятія государственныхъ должностей т. е. въ 421 421 421 г. происходитъ новое столкновеніе по тому же поводу. Теперь уже дѣло идетъ о должности квесторовъ. Это были два второстепенные магистрата, завѣдывавшіе государственной казной и въ тоже время помощники консуловъ. Они сопровождали этихъ послѣднихъ на войну, гдѣ на нихъ отвѣтственности ложилось завѣдываніе военной казной, и кромѣ того они помогали консуламъ и въ командованіи войскомъ. Въ это ихъ отсутствіе городская дѣла должны были

оставаться безъ надзора и управленія, поэтому и явилась практическая необходимость увеличить число этихъ должностныхъ лицъ. тѣмъ болѣе, что съ расширеніемъ государства и усложненіемъ его управленія - она становилась все постоянѣе и постояннѣе. Въ виду этого сенатъ вноситъ предложеніе увеличить число квесторовъ вдвое, съ тѣмъ чтобы двое изъ нихъ сопровождали консуловъ въ походахъ (военные квесторы), а два другіе постоянно оставались въ городѣ (городскіе квесторы). Это предложеніе прошло бы безпрепятственно, если бы въ дѣло не вмѣшались народные трибуны. Воспользовавшись этимъ случаемъ, они потребовали, чтобы двое изъ квесторовъ были плебеи. Послѣ незначительной борьбы состоялось соглашеніе, въ силу котораго квесторы могли избираться одинаково изъ патриціевъ и плебеевъ. Такое соглашеніе, не смотря на уступку, было выгодно для патриціевъ, потому что на выборахъ ихъ вліяніе было доминирующимъ, и de facto плебеи допущены были къ квестурѣ позднѣе (въ первый разъ въ 345 г.). Эта сравнительная неуступчивость борьбы плебеевъ, выражавшаяся въ необходимости постоянно уступать въ своихъ требованіяхъ въ пользу патриціевъ, главнымъ образомъ зависѣла отъ того, что среди самихъ плебеевъ въ послѣднее время стали замѣчаться недостатокъ единодушія. Среди нихъ образовалось два населенія: одно состояло изъ богатыхъ выдающихся плебеевъ, а дру-

гое - изъ плебейской черни, экономически почти раззоренной. Интересы этихъ двухъ слоевъ плебейской общины расходились далеко. Для знати, конечно, желательно было получить доступъ къ магистратурѣ, а для черни это не имѣло никакого значенія; для нея большее значеніе имѣлъ вопросъ объ экономическомъ положеніи, между тѣмъ для плебейскихъ капиталистовъ было выгодно разоренное положеніе плебейской черни; въ этомъ отношеніи ихъ интересы шли рука объ руку съ интересами патриціевъ и какъ разъ въ разрѣзъ съ интересами низшаго плебса. Отсюда происходитъ то, что низшій плебсъ вяло относился къ усиліямъ плебейской знати получить доступъ къ магистратурѣ, а эта послѣдняя мало заботилась объ экономическомъ положеніи первой. Эти причины и являлись сильнымъ препятствіемъ быстрому и полному успѣху плебеевъ въ борьбѣ съ патриціями.

Между тѣмъ, начавшіяся въ ~~350~~ 404 годахъ упорныя и почти непрерывныя войны (съ город. Веей ~~349~~ 405 - ~~360 г.~~ 394), а еще болѣе - жестокій погромъ, который разразился надъ Римомъ при нашествіи Галловъ (~~364 г.~~ 390), - доводятъ положеніе низшаго класса до крайней нужды. Для богатыхъ и знатныхъ плебеевъ становится яснымъ, что не придя на помощь разоренному населенію и не улучшивъ его экономическое положеніе, нельзя разсчитывать на его поддержку въ политическихъ дѣлахъ. Эти соображенія и вызвали знаменитый законопроектъ, внесен-

ный въ 377 г. двумя народными трибунами Caius Licinius Stolo и Lucius Sextius Lateranus. Все содержаніе законопроекта распадается на три части. Во-первыхъ, относительно долговъ плебеевъ предполагается, чтобы проценты, уже уплаченные по ихъ долгамъ, были зачислены въ уплату капитала (эти проценты, слѣдуетъ замѣтить, были очень велики), а на остальную сумму долга дана была безъ процентовъ трехлѣтняя разсрочка съ ежегодной уплатой равной части долга (слѣдовательно въ 3 срока).

Во-вторыхъ постановляется, что ни одинъ изъ римскихъ гражданъ не долженъ брать во владѣніе болѣе 500 югеровъ (около 100 десятинъ) общественной земли (ager publicus); на общественныя пастбища дозволяется выгонять безплатно не болѣе 100 головъ крупнаго и 500 головъ мелкаго скота. Кромѣ того, каждый землевладѣлецъ обязуется въ своихъ сельскихъ имѣніяхъ держать извѣстное число свободныхъ работниковъ пропорціонально числу рабовъ (поводомъ къ этому постановленію было увеличеніе съ развитіемъ рабства сельскаго пролетаріата отъ недостатка работы).

Два первые пункта законопроекта, такимъ образомъ, представляютъ экономическія и аграрныя мѣры. Третій пунктъ имѣетъ уже другое содержаніе. Избраніе народныхъ трибуновъ съ консульской властію на будущее время отмѣняется, но одинъ изъ консуловъ долженъ быть плебей.

Таким образом, к экономическим мерам законопроект присоединяет и политические. Цель сочетания та, чтобы привлечь поддержку низшего слоя плебса. И, действительно, плебеи 10 лет к ряду выбирают авторов законопроекта в трибуны и ежегодно вносится в сенат этот проект. Сенат идет мало по малу на уступки и соглашается на все экономические меры, но не принимает третьего пункта. Низший плебс, которому и важны были только первые пункты, конечно, желал бы согласиться с этим, но трибуны объявляют, что они не дозволят такого разделения законопроекта. Поэтому сенат, наконец, должен был уступить и в 367 году законопроект проходит весь (leges Licinиae). 367

На следующий год народ в благодарность избирает Лициния в консулы. Здесь сенат еще раз прибегает к политической уловке: он не утверждает избрания Лициния на том основании, что оно состоялось на основании закона, проведенного в трибутном собрании, постановления которого для патрициев не обязательны. Но этот предлог был крайне неудачен. Сознавая это, сенат делает уступку, но по обычаю выговаривает при этом нечто в свою пользу, - именно, опять учреждается новая должность, доступная только для патрициев, - praetura. Компетенция этой должности судебная. На обязанности лица, занимаю-

вать его къ низшимъ должностямъ. И, дѣйствительно, плебеи быстро получаютъ одну должность за другой. Въ 390 году выходитъ постановленіе, что курульные эдилы должны выбираться поочередно (по годамъ) изъ того и другаго сословія. Въ 398 году былъ выбранъ первый диктаторъ изъ плебеевъ; въ 403 - первый цензоръ; въ 412 - оба консула выбираются изъ плебеевъ; въ 417 г. выбирается первый плебейскій преторъ. Позже всего плебеи получили доступъ къ жреческимъ должностямъ. Это объясняется тѣмъ, что плебеи сами мало стремились къ нимъ, какъ не имѣющимъ важнаго значенія въ государствѣ. Въ 454 году особыми законами Lex Ogulnia плебеи получили доступъ въ коллегіи понтифовъ и авгуровъ.

Кромѣ частныхъ законовъ, съ которыми мы познакомились, были изданы еще два закона, расширяющіе права плебса, которые имѣли общее значеніе. Во-первыхъ-lex Publilia Philonis, который освобождаетъ постановленія плебейскаго собранія отъ необходимости утвержденія сенатомъ. Второй законъ говоритъ: „ut id quod comitiis centuriatis ferretur, antequitum suffragium patres auctores fierent", т.е. чтобы согласіе сената на проведеніе закона давалось раньше его голосованія въ народномъ собраніи. Этотъ законъ направленъ къ сохраненію времени и къ устраненію — рѣзкихъ столкновеній съ сенатомъ. Если сенатъ заранѣе отказывалъ въ проведеніи новаго закона, то не было нужды напрасно производить

щаго эту должность лежалъ судъ, главнымъ обрезомъ по гражданскимъ дѣламъ римскихъ гражданъ между собою (praetor, qui inter cives jus dicit, называется онъ еще praetor urbanus, потому что кругъ его дѣятельности составляетъ городъ въ противоположность praetor peregrinus, qui inter cives et peregrinos jus dicit, см. § 36)

Послѣ изданія leges Liciniae борьба между сословіями затихаетъ навсегда и они, такимъ образомъ, являются завершительнымъ актомъ ея исторіи. Въ этихъ законахъ плебсъ получилъ въ сущности больше, чѣмъ это кажется на первый взглядъ. Прежде всего эти законы открываютъ плебеямъ доступъ къ ager publicus, которыми раньше пользовались только патриціи. Хотя второй законъ Лицинія и не говоритъ прямо, что плебеямъ дозволяется пользоваться ager publicus, но онъ не приписываетъ этого права и исключительно патриціямъ; онъ говоритъ о гражданахъ вообще, въ числѣ коихъ вмѣстѣ съ патриціями и плебеи. Далѣе, второй законъ Лицинія открываетъ доступъ къ высшей власти, къ консулату, о другихъ должностяхъ онъ не говоритъ. Но de facto послѣ него плебеи быстро получаютъ доступъ во всѣ государственныя должности безъ особой борьбы и безъ особаго на каждый разъ закона, только чрезъ расширительное (пространенное) толкованіе закона Лицинія. Въ самомъ дѣлѣ, разъ этимъ закономъ открывается плебеямъ доступъ къ высшей магистратурѣ, то очевидно нѣтъ основаній закры-

всю сложную процедуру созванія народнаго собранія, какъ часто случалось раньше. Далѣе, если сенатъ не давалъ согласія на провѣреніе закона, то заранѣе же можно было придти съ нимъ въ соглашеніе, и тогда уже законъ могъ пройти безпрепятственно.

Окончательнымъ шагомъ въ уравненіи правъ обоихъ сословій является уже извѣстный намъ lex Hortensia 287 года, который говоритъ, что постановленія плебса по трибамъ имѣютъ силу закона для всего народа (ut quod tribus iussisset, populum teneret). Этотъ законъ, такимъ образомъ, окончательно уравниваетъ плебеевъ съ патриціями.

Глава 2. Государственная власть.

I Магистратура.

А. Общее ученіе о магистратурѣ.

§29. Опредѣленіе понятія магистратуры. Власть магистратовъ (potestas и imperium). Подраздѣленіе магистратовъ и ихъ взаимное отношеніе.

Характернымъ отличіемъ государственнаго строя изучаемаго періода сравнительно съ предшествующимъ (царскимъ) является то, что государственная власть не сосредоточивается въ рукахъ одного лица, какъ тамъ, а находится въ рукахъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ магистратовъ.

Терминъ magistratus (отъ magister-

руководитель, учитель) содержит в себе указание на начальственную должность, носитель которой имеет самостоятельную власть и в то же время обязанность совершать акты политического характера от имени римского государства с силою, обязательного для всех граждан. Этим термином обозначается как сама должность (магистратура), так и лицо ее занимающее (магистрат). Понятие magistratus в Риме резко отличалось, во-первых, от жречества, которое политического значения не имело, и, во-вторых, от второстепенных должностных лиц, которые являлись помощниками и поверенными магистратов; magistratus обладает самостоятельною властью, а помощник его и поверенный – производной от власти магистрата.

Источником власти магистратов является по большей части избрание в народном собрании (creare); но этот источник не единственный. Диктатора назначали консулы (dictatorem dicere), а диктатор в свою очередь назначал magister equitum; это второй источник власти магистратов (назначение старшим магистратом). Наконец, третий источник выражается термином: prodere ex patribus, т.е. передача власти патрицианским сенатом. Из этого источника, как известно, получал свою власть interrex.

В общем составе высшей власти магистратов следует различать два составных

части: potestas и imperium. Первая дается магистрату при избрании его в центуриатном народном собрании, а imperium вручается ему особым постановлением comitia curiata (lex curiata de imperio). Разница между двумя этими видами власти состоит в том, что potestas есть обыкновенная (административная и судебная) власть, находимая в мирной гражданской жизни; imperium же есть высшая дискреционная власть, стоящая не подъ законом, а наравнъ съ нимъ или даже выше его; обладая этой властью магистрат может действовать в чрезвычайных случаях вопреки закону. Imperium обнимала и сакральный строй государства, она давала магистрату право вмешиваться в эту область и совершать различные религиозные акты; поэтому она и давалась только в comitia curiata. Вручалась imperium только одному лицу без права передачи другому, потому что в сущности она представляла административный произвол, административное усмотрение, право на которое дается только высшим должностным лицам, притом лично им.

Далее, в понятие imperium в позднейшее время входит не только высшая военная и уголовная власть, но многие и гражданские функции. Эти последние, давая магистрату также дискреционную власть главным образом в области гражданского судопроизводства, уже не носят, однако, чрезвычайного

военного или уголовного характера и потому могут быть осуществляемы и в пределах города, хотя собственно, как известно, imperium обнаруживается только вне городской черты.

Все римские магистраты республиканского периода могут быть подразделены по различным признакам на несколько отдельных групп.

I

Во-первых, их можно делить на magistratus cum imperio и magistratus sine imperio (cum potestate). К первым из обыкновенных магистратов принадлежат консулы и преторы, из чрезвычайных - диктатор, его помощник - magister equitum и interrex. Все остальные суть magistratus cum potestate но безъ imperium.

II

Во-вторых, магистраты делятся по иному признаку на курульные и некурульные: первые имеют право сидеть на sella curulis (курульное кресло), - это все высшие магистраты, два квестора и курульные эдилы.

III

В-третьих, существует деление на высшие и низшие магистраты (majores и minores). К первым относятся: interrex, диктатор и помощником - magister equitum, консулы, преторы и, наконец, цензоры; все остальные - minores.

IV

Наконец, в четвертых делят магистратов на обыкновенные и чрезвычайные (ordinarii и extraordinarii) Чрезвычайными магистратами называются те, которые назначаются только в исключительных случаях, таковы: диктатор,

decemviri, tribuni militum consulari potestate и т.п.

На обыкновенномъ, не строго техническомъ языкѣ терминъ magistratus часто замѣнялся словомъ honores. Этотъ терминъ собственно указываетъ на одну только сторону магистратуры, именно, на почетъ, связанный съ властію магистрата. Это важно замѣтить потому, что существовало такъ называемое jus honorarium; это не какое либо почетное право магистратовъ, а право, установленное ими.

Что касается взаимныхъ отношеній между магистратами, то здѣсь прежде всего слѣдуетъ обращать вниманіе на то, однородна или неоднородна имъ власть. Однородною властію обладаютъ: interrex, диктаторъ, magister equitum, консулы, преторы, квесторы, позже и эдилы; неоднородна власть всѣхъ другихъ магистратовъ, т.е., цензоровъ, трибуновъ и т.п. Лица, которыя обладаютъ неоднородною властію, никакого отношенія другъ къ другу не имѣютъ и вмѣшиваться въ дѣятельность другъ друга не могутъ. Насколько въ особенномъ положеніи стоятъ только народные трибуны, которые могутъ останавливать отдѣльныя распоряженія каждаго магистрата, но въ силу jus auxilii они не могутъ вмѣшиваться въ общую ихъ дѣятельность.

Магистраты съ однородною властію могутъ стоять между собой въ разныхъ отношеніяхъ. Во-первыхъ намъ извѣстно, что одни магистраты обладаютъ высшею властію - imperium, а другіе имѣютъ только potestas; эти послѣдніе стоятъ въ подчиненномъ отношеніи къ первымъ (т. сит

imperio). Среди магистратовъ cum imperio различаются въ свою очередь двѣ группы: одни имѣютъ imperium maius, таковы: interrex, диктаторъ и консулъ, а другіе – imperium minus, сюда относятся преторы. Магистратъ, имѣющій imperium maius, является начальствующимъ по отношенію къ магистратамъ, имѣющимъ imperium minus, они подчинены ему.

Гораздо важнѣе обратить вниманіе на отношенія между магистратами, обладающими равной властію (par potestas, par imperium). Въ римскомъ государственномъ строѣ послѣ изгнанія царей было строго проведено принципъ коллегіальности магистратуръ. На каждую должность (исключая чрезвычайныя) назначается нѣсколько лицъ (напр., два консула), которыя по власти между собой совершенно равны; они обладаютъ par potestas или par imperium. Между такими должностными лицами создаются особыя, своеобразныя отношенія. Каждому изъ этихъ лицъ (занимающихъ одну магистратуру) принадлежитъ вся полнота власти, и оно вполнѣ полноправно въ предѣлахъ ихъ общей компетенціи. На основаніи этого принципа можно различать двѣ стороны коллегіальности римскихъ магистратуръ. Первая – отрицательная сторона, въ силу которой каждый изъ товарищей по должности можетъ вмѣшиваться въ дѣйствія и распоряженія другого (intercessio). Это право интерцессіи распространялось на всѣхъ магистратовъ и на всевозможныя акты ихъ дѣятельности, съ тѣмъ только ограниченіемъ, что протестъ долженъ былъ заявленъ до окончанія акта, послѣ

же этого уже нельзя было лишить его законной силы. Но и здесь особо должен быть поставлен народный трибун. Как известно он имеет право вмешиваться в распоряжения всех магистратов, но это его право основано не на принципе коллегиальности, а на его jus auxilii.

Вторая сторона коллегиальности магистратур - положительная - состоит в том, что каждый отдельный магистрат имеет совершенно одинаковые права и власть с другими коллегами по должности и может совершать все акты, входящие в компетенцию этой магистратуры. Но есть много актов государственного управления, которые не удобно совершать нескольким лицам сразу, (напр., предводительствование войсками, составление сената и т. п.); возникает вопрос, как же распределить эти действия между отдельными лицами занимающими магистратуру. Для этого издавна существовало несколько различных способов. Какой либо почетный акт (напр., освящение храма) совершает обыкновенно старший по возрасту из магистратов; в других случаях частные обязанности распределяются по жребию, или исполняются коллегами по должности поочередно (в известные сроки).

Но чем обширнее становилась область государственного управления, тем более чувствовалось отсутствие твердых правил в разграничении круга действий между отдельными должностными лицами магистратуры: поэтому

съ теченіемъ времени являются такія правила. При этомъ спеціальная компетенція каждаго коллеги по магистратурѣ, опредѣляемая этими правилами получаетъ названіе provincia. (Напримѣръ, государству приходится вести сразу двѣ войны; тогда консулы или по взаимному соглашенію, или по опредѣленію сената распредѣляютъ, которому изъ нихъ завѣдывать одной и которому другой; область дѣйствій каждаго и будетъ называться provincia). Было бы, такимъ образомъ, большой ошибкой понимать этотъ терминъ въ территоріальномъ смыслѣ. Имъ обозначается не территоріальная область, а область спеціальной компетенціи каждаго отдѣльнаго должностного лица извѣстной магистратуры, выдѣляемая изъ общей области компетенціи всей магистратуры, при чемъ въ эту область другой коллега вмѣшиваться уже не можетъ. Такъ, изъ состава консульской власти выдѣляется съ теченіемъ времени должность цензора, спеціальная компетенція (компетенція) котораго называется provincia censoria. Далѣе, изъ той же консульской должности выдѣляется еще должность претора - provincia praetoria.

§ 30. Промагистратура.

Во все время существованія римской республики римляне твердо держатся одного принципа: не увеличивать безъ крайней надобности числа магистратуръ (а это число было сравнительно очень не велико). Примѣненіе этого заключалось въ томъ,

что римляне избѣгали сложности въ системѣ государственнаго управленія. Но государство и территоріально и по сложности управленія быстро растетъ, и обходиться существующимъ числомъ магистратуръ становится труднымъ и, наконецъ, прямо невозможнымъ. Въ виду этого римляне прибѣгаютъ къ различнымъ мѣрамъ, но оставаясь всетаки вѣрными своему принципу, т.е. не увеличивая числа магистратуръ. Мѣры эти слѣдующія:

Во-первыхъ, увеличивается число должностныхъ лицъ въ предѣлахъ каждой отдѣльной магистратуры (напр., вмѣсто двухъ преторовъ учреждается четыре, потомъ восемь и т.д. до шестнадцати); это даетъ возможность разширить область компетенціи каждой магистратуры, а этимъ устраняется необходимость увеличенія самихъ должностей.

Вторая мѣра состояла въ томъ, что послѣ сложенія должности по окончаніи срока службы магистрату особымъ постановленіемъ сената и народнаго собранія продолжается власть еще на нѣкоторое время; это такъ называемое prorogatio imperii. Такъ напр., бывшему консулу продолжается власть, съ тѣмъ чтобы онъ велъ войско на войну. Въ такомъ случаѣ онъ является замѣстителемъ консула или проконсуломъ. Этой мѣрой также достигалось то, что безъ увеличенія числа магистратуръ, увеличивалось число должностныхъ лицъ.

Долѣе, съ того же цѣлію, избѣжать увеличенія магистратуръ, но въ то же время и

удовлетворить потребностямъ развивающейся жизни государства, часто прибѣгали къ такой мѣрѣ: низшій магистратъ по особому постановленію народнаго собранія и сената снабжался на особые случаи высшей должностной властію; квесторъ, напримѣръ, получалъ преторскую власть - quaestor pro praetore, преторъ консульскую - praetor pro consule и т. п.

Наконецъ, прибѣгали иногда и къ такой мѣрѣ, что какому-либо частному лицу особымъ закономъ давалось какое-нибудь государственное порученіе и для этого вручалась ему специальная власть, potestas или imperium, смотря по поручаемому дѣлу. (Напр., Помпею, частному лицу, поручено было государствомъ веденіе войны съ пиратами и дана для этого соотвѣтственная власть).

Мы видимъ, что почти во всѣхъ указанныхъ случаяхъ лицо, не будучи магистратомъ, по особому распоряженію государства получаетъ власть, которая обыкновенно соединяется съ должностію, она является дѣйствующимъ за должностное лицо - pro magistratu. Такимъ образомъ, рядомъ съ дѣйствительной магистратурой въ римской республикѣ возникаетъ промагистратура. Власть промагистратовъ такъ же, какъ и магистратовъ, была двухъ извѣстныхъ намъ видовъ: она могла быть и высшею - imperium и обыкновенною - potestas, смотря по тому, для какой цѣли учреждалась промагистратура. Для внутреннихъ городскихъ дѣлъ назначалась промагистратура cum potestate, а для городскихъ предѣловъ cum imperio

§31. Общія права магистратовъ.

I II III

Общія права магистратовъ слагаются изъ слѣдующихъ трехъ основныхъ элементовъ: во-первыхъ, каждый магистратъ имѣетъ auspicium, затѣмъ, дисциплинарную власть и, наконецъ, административно-судебную. Первое право магистратовъ, извѣстное подъ именемъ auspicium, основано на древней національно-религіозной идеѣ, что вся человѣческая жизнь находится въ тѣсной зависимости отъ воли боговъ. Но эти послѣдніе не вмѣшиваются сами въ дѣла людей и не управляютъ ими непосредственно; они только постоянно по просьбамъ людей или безъ таковыхъ открываютъ имъ свою волю посредствомъ особыхъ знаменій (signa). Роды этихъ знаменій были разнообразны и для толкованія ихъ существовала у римлянъ особая наука - divinatio; но особенно важное значеніе имѣютъ два рода такихъ знаменій. Во-первыхъ, молнія - (fulmen, - signum de coelo) и во-вторыхъ полетъ птицъ. Этотъ послѣдній былъ спеціально римскимъ способомъ гаданія и назывался auspicium. Каждый магистратъ, чтобы исполнять свою должность и совершать государственные акты согласно съ волей боговъ, долженъ былъ испрашивать у нихъ особыхъ указаній (auspicii), а для этого необходимо, чтобы онъ обладалъ особымъ правомъ вступать въ сношенія съ богами, - правомъ auspicii. Это право было существенно необходимо для каждаго магистрата безъ исключенія. Эти auspicia и сохраняются въ рим-

сколь государствъ непрерывно, переходя преемственно отъ одного магистрата къ другому. Когда высшихъ магистратовъ въ государствѣ почему либо нѣтъ, то auspicia ad patres redeunt, т.е. къ патриціанскимъ членамъ сената, а отъ нихъ къ новымъ магистратамъ. Сила auspicii находится въ зависимости отъ степени той магистратуры, къ которой они связаны. Magistratus majores имѣютъ и auspicia majora, а -minores- auspicia minora. Такимъ образомъ, подчиненность магистратовъ не нарушается и въ этой области. Особое отношеніе въ этой области къ магистратамъ имѣютъ авгуры. Они являются, во-первыхъ, помощниками магистратовъ при гаданіи или auspicii; но сверхъ этого они имѣютъ право и самостоятельно испрашивать auspicii (jus auspicia captandi). Если знаки полученные авгуромъ неблагопріятны, то онъ обязанъ донести объ этомъ магистрату (nuntiare), а послѣдній въ такомъ случаѣ долженъ остановить свое дѣйствіе. Практическое значеніе этого понятно: авгуры, имѣя въ рукахъ такое право, очевидно, могли останавливать всѣ распоряженія магистратовъ, потому что auspicia испрашивались при всѣхъ безъ исключенія государственныхъ актахъ; если же магистратъ совершалъ какой либо актъ противъ auspicii, то этотъ актъ уничтожался, а магистратъ подвергался религіозному взысканію. Это, очевидно, давало новымъ средствомъ въ рукахъ патриціевъ къ удержанію доминирующаго вліянія на ходъ

государственных дѣлъ. Но чѣмъ болѣе падала религіозность римскаго народа, тѣмъ болѣе auspicia теряли свое серьезное значеніе и обращались въ простую формальность, служа только въ рукахъ патриціевъ къ задержкѣ государственныхъ дѣлъ.

II

Второй элементъ правъ и власти магистратовъ составляетъ дисциплинарная власть. Эту власть слѣдуетъ строго отличать отъ уголовно-судебной, хотя по внѣшнему проявленію они сходны. И та и другая проявляются въ наложеніи наказанія на лицо, неисполняющее какого-либо юридическаго правила и, такимъ образомъ, нарушающее установленный правопорядокъ. Но уголовная власть и налагаемыя ею наказанія простираются на ту область человѣческихъ проступковъ, которыми нарушаются общественные интересы; власть же дисциплинарная направлена противъ такихъ поступковъ, гдѣ проявляется только неповиновеніе власти, или оказываются маловажныя нарушенія общественнаго порядка и благоустройства (Цицеронъ говоритъ, что дисциплинарная власть примѣняется contra non obedientem et non satis civem). Говоря о дисциплинарной власти магистратовъ, прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что каждый магистратъ обладалъ этой властью въ предѣлахъ своей должностной компетенціи. Но гораздо важнѣе обратить вниманіе на тѣ средства, которыми располагаетъ магистратъ въ этой области. Они могутъ быть разграничены на личныя и имущественныя, т. е.,

направленныя съ одной стороны противъ личности, а съ другой – имущества гражданина. Къ первымъ относятся прежде всего арестъ (vincula), который можетъ налагать каждый магистратъ на неповинующагося его власти. Но срокъ этого ареста не могъ превышать срока службы магистрата: съ оставленіемъ имъ должности, освобождаются и всѣ арестованные имъ. Во-вторыхъ, тѣлесное наказаніе (verberatio), но оно скоро было отмѣнено. Уже lex Valeria de provocatione 246 509 года предоставляетъ право налагать его только народному собранію.

Гораздо распространеннѣе были наказанія втораго вида, т.е., имущественныя, причемъ они также распадались на два вида. Во-первыхъ, арестъ имущества (pignoris capio) по большей части движимаго, причемъ въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія виновнаго власти вещь уничтожалась. Вторую мѣру представляетъ штрафъ – multa (древнѣйшая форма mulcta). Наложеніе этого штрафа и его размѣры первоначально зависѣли всецѣло отъ усмотрѣнія магистратовъ; но произволъ ихъ въ этой области скоро вызвалъ ограниченіе этихъ правъ и приведеніе ихъ въ законныя границы. Сначала устанавливаются границы только относительныя: постановляется, что штрафъ, налагаемый дисциплинарною властью, не долженъ превышать половины имущества виновнаго лица. Затѣмъ, эта относительная граница была замѣнена точной и опредѣленной, именно, позволялось брать въ ка-

честь штрафа не более пяти голов мелкого скота и десяти крупного (штрафы в древнее время взимались скотом, а не деньгами, которых тогда еще не было). Этот высший штраф, - называемый, multa sirceta -, налагался только с утверждения народного собрания.

Но такая форма взимания штрафа (домашним скотом) с одной стороны открывала широкий произвол для магистратов (в качестве штрафа можно было брать скот различного качества), а с другой порождала то неудобство, что у государства скоплялось большое количество стад, что влекло за собой расходы государства на необходимых надсмотрщиков за этими стадами. Поэтому с течением времени устанавливается взимание штрафов деньгами. При этом производится переоценка прежнего штрафа натурой на деньги. Баран оценивается в 10 ассов, а бык - в 100 ассов. Максимум штрафа окончательно устанавливается в 1050 ассов.

Эти две меры, т.е. установление максимума штрафа и перевод его на деньги, были проведены двумя законами: lex Aternia Tarpeia и lex Menenia Sextia. По какую именно, где эти меры устанавливал каждый - точно неизвестно. Время издания этих законов также неизвестно; можно предполагать, что они изданы в начале IV века (300 и 302 г.). Наконец, даже и самое историческое существование этих законов некоторыми подвергается сомнению. Моммсен считает

ихъ вымышленными въ позднѣйшее время. Однако можно признать несомнѣннымъ, что законы относительно такого важнаго учрежденія, какъ дисциплинарныя взысканія, издавались; хотя они намъ и неизвѣстны.

III

Третій элементъ общихъ правъ магистратовъ составляетъ, какъ мы сказали, власть административно-судебная. Столкновенія и несогласія относительно правъ и интересовъ возможны не только между частными лицами, но и между государствомъ и частнымъ гражданиномъ (напр., о количествѣ налоговъ, объ отбываніи воинской повинности, о спорныхъ земельныхъ участкахъ и т. п.). Для рѣшенія этихъ споровъ, какъ и частныхъ, очевидно, необходимы извѣстные органы. Но поручить судебной власти въ этой области государственнымъ магистратамъ было бы неудобно и опасно, потомучто они, какъ представители государства и его интересовъ, являются до нѣкоторой степени заинтересованной стороной. Государственное право старается избѣгнуть этого затрудненія различными способами. Современныя государства учреждаютъ для этого особые независимые органы, которые и рѣшаютъ столкновенія между государствомъ и администраціей съ одной стороны и частными лицами съ другой. Эти учрежденія и носятъ названія судебно-административныхъ. Такая организація имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ столкновеніе государства съ частнымъ лицомъ касается общественныхъ правъ и обязанностей (напр., налоговъ,

воинской повинности и т.п.). Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ дѣло касается обыкновенныхъ гражданскихъ отношеній (напр. споръ о землевладѣніи), дѣйствуютъ обыкновенные суды, государство здѣсь является какъ бы частнымъ лицомъ. Но римское государственное право дѣйствовало въ данномъ случаѣ (т.е. при столкновеніяхъ государства съ частными лицами) совершенно иначе. Никакихъ особыхъ судебно-административныхъ учрежденій оно не устанавливало. Всѣ дѣла по столкновеніямъ частныхъ лицъ съ государствомъ и его представителями рѣшали сами же магистраты. Такимъ образомъ, повидимому права и интересы частныхъ лицъ при такихъ столкновеніяхъ являлись недостаточно обезпеченными. Но такое заключеніе было бы ошибочнымъ. Права частныхъ лицъ были обезпечены довольно твердо, потомучто на административныя рѣшенія магистратовъ римскій гражданинъ легко могъ найти управу и безъ существованія особыхъ судовъ. Во-первыхъ надежнымъ обезпеченіемъ его права являлся принципъ коллеіальности магистратуръ, потомучто противъ несправедливыхъ рѣшеній магистрата ему могъ помочь второй коллега по должности. Во-вторыхъ, надежную помощь и защиту отъ административнаго произвола можно было найти у народныхъ трибуновъ. Такимъ образомъ, необезпеченность правъ частныхъ римскихъ гражданъ въ спорахъ ихъ съ государствомъ и его представителями не была такъ велика, какъ это кажется на первый взглядъ, хотя эти спо-

ры и ръшались представителями государства-магистратами, для чего каждый изъ нихъ обладалъ въ предълахъ своей компетенціи административно-судебною властью. Но слъдуетъ замътить, что на практикъ, когда столкновеніе частнаго лица съ государствомъ происходило по чисто гражданскимъ дъламъ, то ръшеніе ихъ большею частью предоставлялось обыкновеннымъ судамъ (претору), хотя обязательнымъ это не было; столкновенія же касающіяся общественныхъ правъ и обязанностей обычнымъ судомъ никогда не ръшались, но всегда предоставлялись самимъ магистратомъ.

§ 32. Военное imperium.

Кромъ только что указанныхъ трехъ элементовъ правъ и власти магистратовъ въ составъ ихъ иногда входило еще военное imperium. Это высшая военная власть (imperium militare), какъ уже извъстно, представляетъ одну изъ составныхъ частей общей высшей власти — imperium. Въ силу этого imperium militare магистратъ имълъ напр. право производить рекрутскій наборъ, созывать войско, назначать начальниковъ надъ отдъльными войсковыми частями (офицеровъ). Сверхъ этого онъ получалъ военно-дисциплинарную власть и право предводительствованія войскомъ въ походахъ. Здъсь слъдуетъ обратить вниманіе на одно обстоятельство, которое имъло впослъдствіи важное значеніе. Верховному полководцу часто придавался въ Римъ

титулъ imperator (повелитель). Но онъ не былъ связанъ съ высшей властію - imperium и не каждый обладатель этой послѣдней назывался этимъ именемъ. Титулъ этотъ произошелъ отъ слѣдующаго обычая. Послѣ какой либо крупной побѣды войско обыкновенно привѣтствовало полководца побѣдителя титуломъ imperator. Съ этимъ же титуломъ съ теченіемъ времени стали обращаться къ полководцамъ побѣдителямъ и сенатъ. Это, такимъ образомъ, составляло особое отличіе побѣдителей, хотя и не оффиціальное, которое они носили до сложенія ими власти. Титулъ imperator былъ важенъ, потомучто съ нимъ связано было право на тріумфъ. Въ случаѣ большихъ побѣдъ полководцу по постановленію сената давалось право тріумфа, который состоялъ въ томъ, что полководецъ во главѣ своего войска торжественно входилъ въ городъ и шелъ на капитолій, гдѣ слагалъ съ себя оружіе и приносилъ жертвы. Здѣсь важно отмѣтить то, что полководецъ въ этомъ случаѣ идетъ по городу съ войскомъ и, слѣдовательно, вопреки установленнымъ правиламъ пользуется въ предѣлахъ города военною властію - imperium. Но если полководецъ до тріумфа входилъ въ городъ, то этимъ самымъ онъ какъ бы уже слагалъ съ себя imperium, онъ лишался его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и права на тріумфъ. Поэтому, по возвращеніи изъ похода полководецъ обыкновенно останавливался съ войскомъ лагеремъ около города и только когда уже получалъ тріумфъ, онъ торжественно вступалъ въ городъ.

л. VIII.

Титулъ imperator полководецъ могъ получить нѣсколько разъ и былъ обычай обозначать это число на гробницахъ умершихъ полководцевъ. Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что впослѣдствіи этотъ титулъ переходитъ въ официальный и увѣковѣченный верховному представителю государственной власти.

§ 33. Правоспособность къ магистратурѣ и обязанность къ принятію ея. Designatio. Вступленіе въ должность.

Относительно правоспособности къ магистратурѣ прежде всего слѣдуетъ сдѣлать общее замѣчаніе, что его обладаетъ не всякій. Существуетъ цѣлый рядъ лицъ, которыя быть магистратами совершенно не могутъ. Различаются два вида неправоспособности къ магистратурѣ: абсолютная, когда извѣстное лицо совершенно не имѣетъ права занимать какую бы то ни было магистратуру, и относительная, когда лицо вообще правоспособное въ этомъ отношеніи почему либо не допускается къ извѣстной магистратурѣ (въ одномъ данномъ случаѣ).

I Во-первыхъ, правоспособны къ магистратурѣ исключительно римскіе граждане, но не иностранцы или рабы.

II Во-вторыхъ, изъ самыхъ гражданъ могутъ занимать магистратуру только свободнорожденные, но не вольноотпущенные; пятно бывшаго рабства мѣшало даже и на по-

толкать вольноотпущенных до третьяго рода, которые поэтому также не могли занимать магистратуры (Только Аппий Клавдий в 442 году в первый раз допустил к магистратуре внуков вольноотпущенных рабов и с этого времени они получают право на это).

III

В-третьих, магистратура доступна только мущинам и закрыта для женщин.

IV

Наконец, в-четвертых, плебейская магистратура недоступна для патрициев.

Все вышеуказанные случаи представляют абсолютную неправоспособность к магистратуре. Важнее другой вид ея - неправоспособность относительная. Причинами этой неправоспособности прежде всего явились два постановления 412 года. Одно из них запрещает совмещение должностей. Оно гласит: „ne quis duos magistratus eodem anno caperet" т.е. никто не должен в одни и тот же год (т.е. одновременно) занимать две обыкновенные магистратуры.

Второе постановление запрещает избрание на одну и ту-же должность в течении двух лет подряд (continuatio magistratuum), потому что это легко могло бы перейти в постоянную власть, чего римский государственный строй старался избегать. Указанное постановление 412 года назначает десятилетний промежуток между занятием одной и той же магистратуры. Оно говорит: „ne quis eundem magistratum

intra decem annos caperet." Но этотъ законъ существовалъ недолго (до времени Суллы), впослѣдствіи сталъ допускаться continuatio magistratuum.

Особенно важное значеніе въ вопросѣ о правоспособности къ магистратурѣ имѣютъ тѣ ограниченія, которыя выработались въ концѣ республиканскаго періода первоначально практическимъ путемъ, а потомъ уже были подтверждены и законодательнымъ порядкомъ. Такихъ постановленій, ограничивающихъ извѣстными условіями доступъ къ магистратурѣ было сдѣлано четыре.

I Во-первыхъ, для полученія первой высшей должности (квестуры) необходимо было предварительно прослужить десять лѣтъ въ войскѣ (decem stipendia). Практическая причина такого постановленія — вполнѣ понятна: магистраты, какъ извѣстно, являлись и полководцами, поэтому для нихъ необходимо было знакомство съ военнымъ дѣломъ. Какимъ именно закономъ установлено было это правило неизвѣстно.

II Второе постановленіе состояло въ томъ, что между различными магистратурами долженъ протекать опредѣленный срокъ, тогда какъ раньше можно было занимать разныя магистратуры непосредственно одну за другой. Этотъ срокъ послѣ Пунической войны назначенъ былъ годовой, а въ 574 году lex Villia annalis перенимаетъ его на двухлѣтній (biennium). Но этотъ законъ простирался толь-

ко на патриціанскія магистратуры (общегосударственныя), а не плебейскія

III Въ-третьихъ, было постановлено, что магистратура должна проходиться въ опредѣленномъ порядкѣ (certus ordo magistratuum), а именно, начиная съ низшихъ должностей и постепенно переходя къ высшимъ. Но необходимо замѣтить, что такой порядокъ былъ установленъ только для трехъ должностей: квестуры, претуры и, наконецъ, консулата; на
7 другія должности онъ не простирался. Хотя сомнѣнія, что на практикѣ такой порядокъ давно уже существовалъ, и этимъ постановленіемъ онъ былъ только утвержденъ законодательнымъ порядкомъ. Какимъ именно закономъ установленъ былъ certus ordo magistratuum точно неизвѣстно, вѣроятнѣе всего это тотъ-же lex Villia annalis.

IV Наконецъ, въ-четвертыхъ, для каждой магистратуры установленъ былъ опредѣленный, минимальный, предѣльный возрастъ. Первоначально этотъ возрастъ получался естественнымъ путемъ. Доступъ къ магистратурѣ, какъ мы только что видѣли, открывался лишь послѣ десятилѣтней военной службы, которая начиналась съ 17 лѣтъ; слѣдовательно для первой должности - квестуры получался 27 лѣтній возрастъ и т.д. черезъ два законные года. Но затѣмъ уже устанавливается для каждой должности строго опредѣленный возрастъ, именно, для квестуры

30 лѣтъ, курульскаго эдилитета 37 лѣтъ, преторы 40 и консулата 43 года. Какимъ закономъ это установлено опять таки неизвѣстно, но можно думать, что тѣмъ же lex Villia annalis.

Необходимо замѣтить, что выборы на магистратуры производился въ Римѣ заранѣе до вступленія магистратовъ въ должность (обыкновенно за полгода). Возникаетъ поэтому вопросъ, въ какомъ же положеніи находились избранныя лица съ момента избранія до вступленія ихъ въ должность. Эти лица еще не были магистратами, но они предназначены къ магистратурѣ, они суть magistratus designati. Никакихъ административныхъ актовъ эти magistratus designati совершать не могутъ, но имъ дозволяется дѣлать различныя подготовительныя распоряженія къ своимъ должностямъ; такъ напримѣръ, они могутъ подбирать себѣ помощниковъ, распредѣлять отдѣльныя должностныя обязанности (provinciae) между собою и т. п. Это состояніе избранныхъ на магистратуру лицъ до вступленія ихъ въ должность называется Designatio.

Когда подходилъ срокъ вступленія въ должность новыхъ магистратовъ, старые магистраты безъ особаго какого либо акта оставляли свои должности и на ихъ мѣсто вступали новые (также безъ особаго юридическаго акта). Но въ обычаѣ были нѣкоторыя тор-

жества по этому поводу (рѣчь къ народу въ contio). Юридическое значеніе имѣло только принесеніе магистратами присяги въ томъ, что они въ своей служебной дѣятельности всегда будутъ сообразоваться съ законами. (juramentum in leges). Эту присягу магистратовъ принимали квесторы, какъ хранители государственнаго архива, гдѣ хранились присяжные листы; въ виду этого, какъ увидимъ ниже, квесторы вступали въ должность нѣсколько ранѣе прочихъ магистратовъ.

Что касается времени вступленія магистратовъ въ должность, то относительно его мало по-малу выработывается такое правило, что почти всѣ магистраты вступаютъ въ должность 1го Января, кромѣ квесторовъ, которые, по извѣстной уже намъ причинѣ, вступали ранѣе – 5го Декабря.

§ 34. Внѣшніе знаки магистратуры. Consilium, помощники и слуги магистратовъ.

Римскій народъ ставилъ своихъ магистратовъ и во внѣшности въ такое положеніе, которое выдвигало ихъ изъ ряда обыкновенныхъ гражданъ, чтобы этимъ внушить уваженіе къ нимъ, какъ представителямъ государства. Вознагражденія за службу (жалованья) римскіе магистраты не получаютъ. Они пользуются только почетомъ (honor) и этотъ почетъ

вместѣ съ ихъ вліятельнымъ положеніемъ въ обществѣ и возможностью достигать высшихъ должностей служатъ по римскому взгляду достаточнымъ вознагражденіемъ за ихъ службу. Но не получая жалованья лично для себя, магистраты получаютъ суммы изъ государственной казны на расходы, связанные съ ихъ должностію, которыми они распоряжаются безконтрольно. Точно также отъ государства они получаютъ весь низшій служебный персоналъ, необходимый имъ для помощи въ управленіи.

Каждый магистратъ имѣетъ особые (внѣшніе) знаки отличія, которые выдѣляютъ его, какъ представителя государства, изъ ряда простыхъ гражданъ. Такъ при отправленіи своихъ должностныхъ обязанностей магистратъ сидитъ на креслѣ (sella curulis или простое), совѣтъ его на скамьяхъ (subsellia), а народъ стоитъ. Въ общественныхъ выходахъ его сопровождаютъ телохранители - ликторы съ fasces. Каждый магистратъ съ imperium имѣетъ опредѣленное число ликторовъ соотвѣтственно степени занимаемой имъ магистратуры. Наконецъ, магистраты имѣютъ особую отличительную одежду. Царской пурпуровой тоги, правда, магистраты не имѣютъ, но они носятъ въ мирное время тогу съ красной каймой (toga praetexta) и тунику съ такой же каймой (clavus); въ военное время они носятъ особую одежду называемую paludamentum.

По общему римскому принципу каждый магистратъ дѣйствуетъ единолично и свободно,

но онъ обязанъ предъ своими рѣшеніями выслушивать совѣты особыхъ, избираемыхъ имъ самимъ на каждый отдѣльный случай, лицъ (смотр. по спеціальности вопроса), которыя и составляютъ совѣщательный органъ при немъ - consilium, подобно тому какимъ былъ сенатъ при царѣ. Кромѣ consilium каждый магистратъ имѣетъ при себѣ опредѣленный штатъ помощниковъ и слугъ, которые необходимы для него въ сложномъ дѣлѣ управленія государствомъ, или хотя одного обширнаго области государственной жизни. Эти помощники не имѣютъ самостоятельной власти; они являются только исполнительными органами власти магистратовъ. Относительно этого низшаго должностного персонала прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что весь онъ состоялъ изъ свободныхъ гражданъ, получалъ жалованье отъ государства и имѣлъ корпоративное устройство, раздѣляясь на декуріи (напр. корпорація ликторовъ). Пополненіе членовъ въ этихъ корпораціяхъ совершалось магистратомъ, при которомъ они состояли. Всѣ эти лица, состоящія при магистратѣ, назывались однимъ общимъ именемъ - apparitores. Мы отмѣтимъ только наиболѣе важныя изъ нихъ корпорацій.

Во-первыхъ, корпорація писцовъ, секретарей - scribae, составлявшихъ канцелярію магистрата.

Во-вторыхъ, декуріи ликторовъ (lictores), которые, какъ намъ уже извѣстно, составляли почетную свиту и тѣлохранителей магистрата.

Въ-третьихъ, viatores - разсыльные или курьеры. Они разсылались магистратомъ для приглашенія на засѣданіе сената, къ явкѣ отдѣльныхъ лицъ и т.п.

Въ-четвертыхъ, praecones - глашатаи или герольды, которые объявляли народу распоряженія магистратовъ.

Наконецъ, для низшихъ услугъ магистратамъ давались государственные рабы (Servi publici), которые находились при своихъ обязанностяхъ пожизненно.

Такимъ образомъ мы видимъ, что высшія должностныя лица - магистраты управляли государствомъ не одни, а съ помощію многихъ низшихъ должностныхъ лицъ; но отвѣтственность за ходъ дѣлъ несли только первые, потому что вторые были несамостоятельны, - они дѣйствовали только по распоряженіямъ тѣхъ и всегда отъ ихъ имени.

§ 35. Окончаніе магистратуры. Вакантность высшихъ должностей и замѣщеніе магистратовъ при отсутствіи ихъ изъ города. Отвѣтственность магистратовъ.

Поводы къ окончанію магистратуры вытекаютъ сами собой изъ организаціи римской магистратуры. Прежде всего, естественно магистратура прекращается смертію магистрата и, во-вторыхъ, окончаніемъ срока службы.

Наконецъ, магистратъ могъ самъ отказаться отъ должности (abdicatio). Все это понятно само собой. Болѣе важенъ вопросъ о томъ, допускалось ли лишеніе власти магистрата (abrogatio). Могло ли народное собраніе, давшее магистрату власть, отнять ее, и дѣлало ли оно когда либо это? Теоретически народъ, конечно, могъ отнимать власть, которую онъ самъ давалъ, но на практикѣ къ этому римляне никогда не прибѣгали, за исключеніемъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ случаевъ, которые слѣдуетъ признать за аномаліею. Причина почему не допускалась abrogatio вполнѣ понятна: она необходимо колебала бы государственный строй и мѣшала бы его твердости и устойчивости.

Въ римскомъ государствѣ были приняты всѣ мѣры, чтобы государственныя должности не оставались вакантными, но всегда были заняты. Такимъ образомъ, вакантность высшихъ должностей могла быть только въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ (напр. гибель на войнѣ всѣхъ магистратовъ сразу, или отказъ всѣхъ). Но необходимо было предусмотрѣть и эти случаи. Мѣры, которыми ограждалось государство отъ подобныхъ случаевъ, были слѣдующія.

Во-первыхъ, число магистратовъ было не единичное. Каждую магистратуру занимало нѣсколько лицъ, и если она почему-либо лишалась одного изъ своихъ членовъ, то его вполнѣ замѣнялъ другой, равноправный съ нимъ. Если же случалось такъ, что не оставалось въ государствѣ

ни одного высшаго магистрата, то вступалъ въ силу уже извѣстный намъ институтъ interregnum (auspicia непрерывны см. § 31).

Этимъ институтомъ interregnum часто пользовались для поправленія разшатавшагося государственнаго строя. Всѣхъ высшихъ магистратовъ въ такомъ случаѣ заставляли сложить съ себя должность, и сенатъ передавалъ auspicia interrex'у (renovatio auspiciorum). Такимъ образомъ, высшая магистратура вакантной никогда быть не можетъ; въ государствѣ всегда есть носитель auspicia.

Римское государственное право не выработало особаго порядка замѣстительства должностей для тѣхъ случаевъ, когда магистратъ былъ почему-либо не въ состояніи отправлять свои должностныя обязанности, потомучто такіе случаи при кратковременности срока службы и коллегіальности магистратуръ едва ли могли имѣть мѣсто. Въ римскомъ государственномъ строѣ замѣстительство могло имѣть мѣсто только въ случаяхъ отсутствія высшихъ магистратовъ изъ города. Относительно этого случая существовало такое правило, что высшій магистратъ, напр. консулъ, покидающій городъ послѣднимъ, долженъ былъ назначить себѣ замѣстителя - praefectus urbi. Но съ увеличеніемъ числа высшихъ магистратовъ (преторовъ) это назначеніе praefectus urbi становилось излишнимъ; въ городѣ всегда оставался преторъ или другой магистратъ, который могъ замѣнить отсутствующаго.

Л. IX

Но былъ одинъ случай, когда praefectus urbi избиралъ обязательно (хотя всего на нѣсколько дней) ежегодно въ память бывшаго латинскаго союза устраивались особыя торжества (feriae Latinae), на которыхъ обязаны были присутствовать высшіе магистраты всѣхъ латинскихъ городовъ и между прочимъ Рима. На это время, когда всѣ высшіе магистраты удалялись изъ города и назначался praefectus urbi feriarum Latinarum. Но это назначеніе было лишь чисто формальнымъ, настоятельной нужды въ немъ не было, потому что большинство жителей также удалялось на празднества и всѣ дѣла пріостанавливались.

Относительно вопроса объ отвѣтственности римскихъ магистратовъ весьма распространено представленіе, что всѣ магистраты во время прохожденія своихъ должностей были безотвѣтственны, и привлеченіе ихъ къ отвѣтственности возможно было только послѣ сложенія ими магистратуры, но такое представленіе не точно. Слѣдуетъ дѣлать здѣсь различіе между высшими и низшими магистратами. Первые, дѣйствительно, во время прохожденія должности къ суду ни къ гражданскому ни къ уголовному привлечены быть не могутъ. Но это не значитъ, что ихъ произволъ былъ ничѣмъ не ограниченъ. Такимъ ограниченіемъ служило, во-первыхъ, вмѣшательство коллегъ и, во-вторыхъ, — трибуновъ, которые хотя власти остановить дѣйствія магистратовъ, имѣли еще

право подвергать их, как и всякого гражданина, известному штрафу (coërcitio), при чем это право трибунов простиралось даже на высших государственных магистратов-консулов. Таким образом мы видим, что безответственность высших магистратов была только кажущейся, в сущности же они были подчинены контролю и даже административным взысканиям.

Что касается низших магистратов, то они и во время пребывания должности всегда могли быть привлекаемы к гражданской и уголовной ответственности.

В. Отдельные магистраты.

Высшие магистраты.

§ 36. Консулы. Преторы. Диктатор (и magister equitum).

Консулы. Первое место в ряду высших (обычных) магистратов занимают консулы, ставшие с учреждением республики на место царя. Это название должности позднейшего происхождения; до учреждения претуры эти должностные лица назывались praetores (от prae-ire), т. е. предводителями, полководцами. Это название, таким образом, происходит от военной власти этих магистратов. В гражданской же области они назывались judices по важнейшей функции ея - судебной. Когда в ~~[illegible]~~ году учреждена была особая должность - praetura, то высшие

367

должностныя лица стали называться consules т.е. товарищи (отъ con-sum совмѣстное существованіе, товарищество).

Выбирались консулы въ comitia centuriata, которыя собирались для этого подъ предсѣдательствомъ высшаго (диктаторъ, interrex) или равнаго имъ магистрата (консула). Если одинъ изъ консуловъ почему-либо удаляется отъ должности, то согласно принципу коллегіальности, тотчасъ же на его мѣсто выбирался другой (consul suffectus, collegam sufficere).

По общему своему положенію консулатъ является высшею и самою почетною должностію (по ихъ именамъ назывались годы и велся счетъ ихъ). Въ частности консулы по существу своей власти являются преемниками царской власти, поэтому de jure въ область ихъ компетенціи входитъ все, что входило въ компетенцію царской власти, т.е. все общее управленіе государствомъ. Только впослѣдствіи изъ этой полноты власти начинаютъ выдѣляться нѣкоторыя отдѣльныя функціи и учреждаются особыя должности. Таковы, напр., претура для суда, цензура для производства ценза. На обязанности консуловъ не лежало никакихъ спеціальныхъ функцій, въ ихъ рукахъ было общее управленіе государствомъ, главенство въ немъ. Важнѣйшія изъ частныхъ компетенцій, входившихъ въ эту область, были слѣдующія:

1) высшая военная власть,

л. IX.

2) высшая уголовно-судебная власть (но съ ограниченіями въ силу lex Valeria de provocatione),
3), право созывать народныя собранія,
4), - составлять сенатъ,
5), - завѣдываніе государственными финансами
и в, наконецъ, на нихъ лежали нѣкоторыя религіозныя обязанности (auspicia maiora).

Такимъ образомъ, въ ихъ рукахъ сосредоточивалось все внутреннее управленіе государствомъ, хотя изъ этой общей области и выдѣлялись нѣкоторыя частныя функціи. Отсюда вытекаетъ слѣдствіе, что если въ государствѣ почему-либо не было въ извѣстный моментъ какого-нибудь должностного лица, напримѣръ, претора, или цензора, то право исполнять ихъ обязанности переходило къ высшей всеобъемлющей власти консуловъ, которая не слагалась изъ отдѣльныхъ функцій, но обнимала все государственное управленіе.

Преторы. Должность преторовъ, какъ мы видѣли, была учреждена въ ~~[illegible]~~ 367. году въ связи съ leges Liciniae (см. §28). На обязанности претора лежало завѣдываніе гражданскими судебными дѣлами по тяжбамъ только между римскими гражданами. Онъ назывался praetor urbanus (praetor, qui inter cives jus dicit). Въ ~~[illegible]~~ году учреждается вторая должность претора для суда между гражданами и иностранцами. Этотъ называется praetor peregrinus (qui inter cives et

367

242.

237 197

peregrinos jus dicit). После покорения Сицилии и Сардинии (въ 527 году) учреждаются еще два претора для управленія этими провинціями. Въ 557 году съ покореніемъ Испаніи число преторовъ увеличивается еще на два. Сулла увеличиваетъ число ихъ до 8, а Цезарь постепенно доводитъ его до 16. Основной принципъ положенія претуры въ ряду другихъ государственныхъ магистратуръ тотъ, что она никогда не считалась самостоятельной магистратурой. Преторъ былъ младшимъ товарищемъ консуловъ (minor collega consulum) Соотвѣтственно этому порядокъ избранія ихъ былъ не таковъ, что избирались отдѣльные преторы, одинъ для суда между гражданами, другой для суда между гражданами и иностранцами, третій для управленія Сициліей и т.д., а избирались сразу опредѣленное количество преторовъ, которые получали всю власть свойственную этой магистратурѣ, а потомъ уже между ними распредѣлялись отдѣльныя отрасли ихъ должностныхъ обязанностей. Такимъ образомъ, всѣ преторы составляли одну магистратуру, а не нѣсколько отдѣльныхъ должностей; всѣ они были коллегами по должности. Далѣе, если преторовъ избиралось почему-либо меньше, чѣмъ было нужно по числу вакантныхъ мѣстъ, то одинъ преторъ могъ соединять обязанности двухъ коллегъ; если, наоборотъ, ихъ выбрано больше, чѣмъ требовалось по существующимъ

провинціями ихъ должности, то лишніе изъ нихъ поступали въ распоряженіе сената, который поручалъ имъ различныя, случайныя дѣла (напр., предводительствованіе войсками въ походѣ). Отношенія преторовъ къ консуламъ опредѣлялись уже тѣмъ общимъ принципомъ, что преторъ есть товарищъ консула, хотя и младшій. Въ силу этого онъ, очевидно, можетъ замѣнять послѣдняго во время удаленія его отъ должности (напр. въ походѣ и т.п.). Кромѣ того и компетенція преторовъ, хотя они и обладаютъ меньшимъ магистративнымъ властію, чѣмъ консулы и подчинены имъ, по существу равна консульской. Специальныя же юрисдикціи (provinciae) преторы были таковы. Во-первыхъ, provincia urbana, т.е. гражданскій судъ по дѣламъ между римскими гражданами. Во-вторыхъ, provincia peregrina — судъ по тяжбамъ между гражданами и иностранцами. Въ-третьихъ, завѣдываніе судомъ въ Сициліи и Сардиніи (съ 237 года) и съ 197 года въ Испаніи. Дальнѣйшее увеличеніе числа преторовъ вызывалось тѣмъ, что со времени Суллы въ Римѣ вводится рядъ высшихъ уголовныхъ судовъ (quaestiones perpetuae), учреждаемыхъ на годичный срокъ, завѣдываніе которыми, хотя бы собственно должно лежать на консулахъ, по недостатку времени у этихъ послѣднихъ, поручается преторамъ, число которыхъ для этого опять увеличивается. Такимъ образомъ, это увеличеніе числа

коллег одной и той же магистратуры вызывалось развитием государственной жизни и необходимостью иметь постоянно в запасе лиц, обладающих высшею властью (imperium) и потому способных как к военному, так и гражданскому управлению.

Диктатор. Ограничивая высшую государственную власть консулата, римский народ однако ясно сознавал, что могут быть в государственной жизни такия обстоятельства, где сильная, неограниченная власть может быть не только полезной, но и необходимой. Такови случаи государственных затруднений, внутренних и внешних, при которых необходима сильная и энергичная власть. Эти соображения и явились основным принципом института диктатуры. В исключительных, чрезвычайных случаях в римском государстве восстановлялась и в республиканский период полная и неограниченная (царская) власть под именем диктатуры; но возстановлялась только на время и именно, не более как на полгода (обычное время военного похода). Диктатор никогда не выбирался народом, потому что этот способ избрания был очень медленен и давал возможность к столкновениям партий и партийным проискам, а состояние дел, при которых обыкновенно прибегали к диктатуре, не допускало этого. Поэтому диктатор назначался консулами по взаимному соглашению, но не иначе как по предложе-

него сената, т.е. они предварительно решали необходимо ли в данное время для государства диктатора и потом уже предлагали консулам назначить такового (dictatorem dicere). Первоначально диктатура учреждалась только в самых крайних случаях, когда она действительно была необходима для государства; но позже к ней стали прибегать в случаях чисто формальных, когда для совершения какого-либо важного государственного акта нужно было особенно почетное лицо (напр. для принесения торжественной жертвы по случаю победы, для освящения храма и т.п.

Власть диктатора была, так сказать, концентрацией государственной власти, которая при обычной республиканской строй была разделена между несколькими магистратами. Эта концентрированная власть уже не подлежала тем ограничениям, которые связывали власть обыкновенных магистратов (provocatio и intercessio). Власть диктатора была выше консульской и при нем эти последние обращались в низших помощников его. В течение времени институт диктатуры стали злоупотреблять, сенат прибегал к нему в своих интересах для избежания provocatio и intercessio, при проведении ожесточенной внутренней борьбы. Поэтому особыми законами диктаторская власть постепенно была все более и более ограничиваема, после чего этот институт терял уже свое значение - диктатор-

ская власть по существу дѣлается не выше консульской. Въ концѣ республиканскаго періода къ диктатурѣ поэтому уже почти совсѣмъ не прибѣгаютъ, вмѣсто нея въ исключительныхъ случаяхъ употреблялась другая мѣра: сенатъ особымъ постановленіемъ (Senatus consultum ultimum) освобождалъ отъ ограниченій консуловъ, чѣмъ, очевидно, достигалась та-же самая цѣль, что и учрежденіемъ диктатуры (слѣдуетъ замѣтить, что особаго закона о такомъ правѣ сената не было и законность этого дѣйствія всегда оспаривалась).

Въ связи съ диктатурой стоитъ другая должность - начальника конницы - magister equitum. Это должностное лицо обязательно состояло при диктаторѣ, въ соотвѣтствіе тому какъ при царѣ всегда состоялъ tribunus celerum. Должность эта какъ начинала свое существованіе съ учрежденіемъ диктатуры, такъ и оканчивала его вмѣстѣ съ окончаніемъ диктатуры; magister equitum слагалъ съ себя власть вмѣстѣ съ диктаторомъ. Magister equitum принадлежалъ къ числу высшихъ магистратовъ, и хотя по рангу стоялъ ниже консуловъ и преторовъ, но de facto, какъ ближайшій помощникъ и замѣститель диктатора онъ стоялъ выше обыкновенныхъ магистратовъ.

§ 37. Цензоры. 445 г

Цензура обязана своим происхождением сословной борьбе. Она, как известно, учреждена в 445 году, вслед за учреждением должности tribuni militum consulari potestate (см. § 28). По этому своей должности цензор собственно стоит ниже консулов и преторов (sine imperio), но de facto, благодаря важности задачи цензуры, она ставилась выше претуры и даже консулата. Избрание в цензоры считалось высшим почетом и обыкновенно на эту должность избирались уже бывшие консулами. Таким образом, юридическая постановка цензуры расходилась с ее фактическим положением. Цензоры, как и все высшие магистраты, избирались в центуриатном собрании. Но выборы их были не ежегодны, как других магистратов, потому что и самый цензор, составлявший главную задачу их должности, производился только через 5 лет (quinto quoque anno). От этого же зависел и срок должности цензоров.

На обязанности цензора лежала определенная задача: производить в известные сроки (через каждые 5 лет) перепись населения и его имущества. Определить время, в какое цензор мог исполнить эту задачу трудно, потому что это зависит от особых условий каждого отдельного случая переписи. Поэтому сначала срок этой должности не был

точно опредѣленъ. (Цензоръ слагалъ съ себя должность когда оканчивалъ свою работу). Но такой порядокъ скоро оказался неудобнымъ съ другой стороны: нѣкоторые намѣренно затягивали дѣло, чтобы дольше находиться у власти. Въ виду этого особымъ закономъ, lex Aemilia 220 г., былъ опредѣленъ крайній срокъ службы цензора. Устанавливался восемнадцатимѣсячный срокъ (1½ года) для производства ценза. Цензоровъ было два.

434 434 2

Что касается до частностей задачи цензуры, т.е. производства ценза, то все это дѣло, состоящее собственно въ переписи по извѣстнымъ признакамъ (возрасту и имуществу) всего римскаго населенія, распадалось на слѣдующіе отдѣльные акты. Прежде всего, избранные два цензора издаютъ особый эдиктъ, въ которомъ объявляютъ порядокъ и правила производства ими ценза. Это-такъ называемая formula census. Затѣмъ, въ назначенный срокъ цензоры со своимъ consilium, въ который, между прочимъ, входили curatores tribuum, какъ лица близко знакомые съ состояніемъ населенія ихъ округовъ, выходятъ на Марсово поле, куда и являются къ нимъ поочередно всѣ граждане государства, при чемъ неявка на цензъ строго каралась.

Самый цензъ производился въ слѣдующемъ порядкѣ. Сначала производился census populi — перепись населенія пяти классовъ тѣхоты, при чемъ каждый гражданинъ долженъ былъ

сообщить, во-первыхъ, свое личное состояніе (возрастъ). семейное положеніе и прежнее состояніе въ отношеніи къ цензурѣ (т.е. въ какомъ классѣ и центуріи онъ состоялъ). За несовершеннолѣтнихъ (orbi), равно какъ и женщинъ (viduae) отвѣты давали ихъ опекуны. Во-вторыхъ, каждый сообщалъ свое имущественное положеніе (т.е. количество земли, скота, капитала). Когда, такимъ образомъ, все населеніе, состоящее въ пяти пѣхотныхъ классахъ будетъ переписано, далѣе, происходитъ цензъ всадниковъ (census equitum). Каждый всадникъ являлся на цензъ со своей лошадью, такъ что одновременно производилась ревизія и всадника и коня, при чемъ по состоянію коня (плохому или хорошему) судили и о пригодности даннаго лица для кавалеріи. (Если конь оказывался въ плохомъ состояніи, то владѣтель его переводился изъ всадниковъ въ пѣхоту). Всадники давали цензору тѣ-же свѣдѣнія, что и пѣхотинцы. Этимъ заканчивалась первая часть сложнаго дѣла цензуры, которая, такимъ образомъ, состояла собственно въ собираніи матеріала.

Послѣ этого на основаніи всѣхъ собранныхъ данныхъ цензоры приступали къ составленію новыхъ списковъ населенія т.е. они распредѣляли его по трибамъ, классамъ и центуріямъ (seniorum и juniorum). Слѣдуетъ замѣтить, что работу цензора значительно облегчали старые списки, въ которыхъ онъ толь-

ко отмѣчалъ происшедшія за пятилѣтіе перемѣны; тѣмъ не менѣе эта работа была въ общемъ очень сложна и трудна.

Кромѣ этой главной задачи цензуры на обязанности цензора лежали еще нѣкоторыя другія дѣла, стоящія въ косвенной связи съ цензомъ, но на столько важныя, что они-то собственно и давали цензору указанное высокое положеніе въ государствѣ. Сюда относится, во-первыхъ, оцѣнка нравственныхъ качествъ гражданъ (Vegimen morum). Эта обязанность цензоровъ основывалась на томъ, что они согласно своей задачѣ опредѣляли способность и пригодность гражданина къ государственной службѣ, а это, безъ сомнѣнія, зависитъ не только отъ внѣшняго состоянія извѣстнаго лица, но въ нѣкоторой степени и отъ его нравственныхъ качествъ. Въ силу этого права (Vegimen morum) цензоръ, принимая во вниманіе нравственныя качества извѣстнаго лица, могъ отводить ему низшее мѣсто сравнительно съ тѣмъ, какое оно должно бы занимать по своему внѣшнему положенію (напр. онъ могъ сенатора, если тотъ велъ недостойный образъ жизни, исключить изъ сената; лицо высшаго класса перевести въ низшій; изъ сельской трибы, которыя считались высшими перевести въ городскую, или даже могъ совсѣмъ исключить изъ состава трибъ, что равнялось лишенію всѣхъ политическихъ правъ). Наказанія налагаемыя цензоромъ назывались nota censoria,

потомучто цензоръ отмѣчалъ ихъ въ своихъ спискахъ. Изъ сказаннаго видно, какую громадную силу и власть имѣли цензоры въ государствѣ и понятно, почему они пользовались такимъ большимъ почетомъ.

Во-вторыхъ, на обязанности цензоровъ лежало составленіе сената (lectio senatus). Это-сравнительно позднѣйшая обязанность цензоровъ, потомучто ранѣе сенатъ стоялъ внѣ Сервіанскаго строя, т.е. трибъ и центурій и составленіе его принадлежало царю, а затѣмъ консуламъ. Особымъ закономъ, lex Ovinia, время изданія котораго точно неизвѣстно (приблизительно въ ~~320-342~~ г.г.) lectio senatus возложена на цензоровъ. Причиною этого отчасти было желаніе ограничить пристрастіе въ этомъ дѣлѣ консуловъ, которые выбирали въ сенатъ свою партію и, такимъ образомъ, изъять изъ сената партійность, отчасти же желаніе распространить на сенатъ цензорскій regimen morum. 434-412

Цензоры производили составленіе сената чрезъ каждыя пять лѣтъ, и при этомъ они должны были по lex Ovinia руководиться такимъ правиломъ: ut censores jurati optimum quemque ex omne ordine in senatum legerent т.е. цензоры подъ клятвою должны избирать въ сенатъ лучшихъ гражданъ изъ каждаго сословія (патриціевъ и плебіевъ). Изъ этого постановленія мало по малу развилась такая практика, что обыкновенно цензоры избирали въ сенатъ бывшихъ

магистратовъ (консуловъ, преторовъ и курульныхъ эдиловъ), потому что на магистратуру избирались самимъ народомъ лучшіе изъ гражданъ и это, конечно, служило самымъ надежнымъ руководствомъ для цензора при выборѣ въ сенатъ optimum quemque, какъ требовало указанное постановленіе. Если бывшихъ магистратовъ не доставало для замѣщенія всѣхъ сенатскихъ вакансій, то остальныя мѣста цензоры замѣщали по своему личному усмотрѣнію простыми гражданами. Эта практика съ теченіемъ времени получаетъ обязательную силу и, такимъ образомъ, дѣлается какъ-бы правовой нормой.

Наконецъ, третья, возложенная на цензоровъ задача, объясняется слѣдующими соображеніями. Въ прямую задачу цензоровъ, какъ мы знаемъ, входило, между прочимъ, собраніе свѣдѣній объ имущественномъ положеніи гражданъ; очевидно поэтому, что цензоры легко могли опредѣлить экономическое состояніе всего населенія государства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его податную способность. Естественно поэтому было возложить на цензоровъ опредѣленіе финансоваго положенія и самого государства, которое стоитъ въ тѣсной связи съ первымъ. Въ виду этого кромѣ всѣхъ указанныхъ обязанностей цензоровъ на нихъ еще возлагается составленіе государственнаго бюджета на 5 лѣтъ, т. е. они составляли общую смѣту государственныхъ расходовъ и доходовъ на данное пятилѣтіе, а

так как эти доходы и расходы в Риме обычно отдавались на откуп, то на цензоров же было возложено и заключение контрактов с этими откупщиками (также на пять лет), сдача с торгов различных подрядов, поставок, построек общественных зданий и т. п.; (все это обозначалось терминами locationes, conductiones, или ultroutributa). Но следует заметить, что государственный бюджет составлялся цензорами только в общих чертах (определялись лишь важнейшия статьи дохода и расхода). Частности же его (различныя мелкія статьи) определялись на каждый год сенатом и консулами.

Когда цензоры заканчивали исполнение всех своих обязанностей, то происходил особый религіозный актъ: все население собиралось уже по новым цензорским описям на Марсово поле и цензоры совершали обрядъ lustratio (очищение), отъ котораго и самый пятилетній срокъ цензуры назывался lustrum.

2. Низшіе магистраты.

§ 38. Квесторы. Эдилы. Viginti-sexviri.

Первое место в ряду низших магистратов занимают квесторы. Должность квесторов, как известно, возникла еще в царский период. В то время квесторы были следователями по уголовным делам (quaestores parricidii). В учреждении же республики происходит перем-

на въ этой магистратуре. Квесторы обращаются въ помощниковъ консуловъ и соответственно этому новому положению ихъ возлагаются на нихъ новыя обязанности. Во-первыхъ, имъ поручается завѣдываніе государственной казной и вмѣстѣ съ тѣмъ государственными архивомъ, потому что государственныя бумаги хранились въ складѣ казначейства (при храмѣ Сатурна). Такимъ образомъ, изъ простыхъ слѣдователей по уголовнымъ дѣламъ квесторы становятся должностными лицами, на которыхъ, какъ на помощникахъ высшихъ магистратовъ, легкатъ многочисленныя и разнообразныя обязанности; должность ихъ дѣлается постояннаго.

Число квесторовъ постепенно увеличивается. До 333 года ихъ было два, а съ этого года число ихъ увеличивается до 4-хъ; въ 487 году ихъ уже 8, а Сулла при своей реорганизаціи государства (въ 672 году) доводитъ число ихъ до 20, и, наконецъ, Цезарь до 40. Вмѣстѣ съ этимъ ростомъ должности квесторовъ и выборъ ихъ предоставляется уже не личному усмотрѣнію магистратовъ, но передается въ народное собраніе - comitia tributa (когда это произошло, точно неизвѣстно).

Что касается компетенціи квесторовъ, то въ этомъ отношеніи квесторы (съ 333 года) дѣлятся на двѣ группы: два изъ нихъ имѣютъ постоянное пребываніе въ городѣ, это - quaestores urbani, а два другіе сопровождаютъ консуловъ на войну, это - quaestores militares

Первые (urbani), какъ уже сказано, завѣдуютъ во-первыхъ государственнымъ казначействомъ, они собираютъ государственные доходы, производятъ выдачу суммъ изъ казначейства и ведутъ общую отчетность. Съ этою ихъ обязанностію, какъ опять таки уже извѣстно, связано завѣдываніе государственнымъ архивомъ (cura tabularum publicarum). Далѣе, какъ остатокъ отъ прежняго времени, квесторы имѣютъ нѣкоторую уголовную юрисдикцію по маловажнымъ судебнымъ дѣламъ. Наконецъ, на нихъ возлагается завѣдываніе городскими водопроводами (provincia aquaria), потомучто за пользованіе послѣдними взималась извѣстная пошлина, которая, какъ часть государственныхъ доходовъ, поступала въ государственную казну.

Quaestores militares сопровождаютъ консуловъ въ военныхъ походахъ. Здѣсь они несутъ въ сущности тѣ-же обязанности, что и городскіе квесторы, т.е., они завѣдуютъ войсковой казной, войсковымъ имуществомъ и хозяйствомъ, а въ качествѣ судей, рѣшаютъ нѣкоторыя дисциплинарныя дѣла. Но кромѣ этого они являются и собственно военными помощниками военачальника.

Что касается причинъ, которыми вызывалось увеличеніе числа квесторовъ, то таковыми являлось увеличеніе числа высшихъ магистратовъ (преторовъ), потомучто при отправленіи послѣднихъ въ завоеванныя страны для управленія ими, ихъ сопровождаютъ и квесторы,

обязанности которыхъ и въ провинціи тѣ-же самыя, что и въ Римѣ. Такъ образуется еще новый видъ квестуры - quaestura provincialis. Итакъ, мы имѣемъ три вида квестуры: quaestura urbana, militaris и provincialis.

Эдилы. Первоначальный характеръ должности эдиловъ открывается уже изъ самого наименованія ея. Оно происходитъ отъ слова aedes, которое означаетъ зданіе и преимущественно храмъ. Такимъ образомъ, aediles суть лица, наблюдающія за благоустройствомъ и благосостояніемъ храма. Такія лица, дѣйствительно, и были въ древности при каждомъ храмѣ и, между прочимъ, при плебейскомъ храмѣ Цереры. Съ учрежденіемъ плебейскаго трибуната этотъ послѣдній получаетъ особенное значеніе: въ пользу его поступаетъ имущество всѣхъ преступниковъ противъ неприкосновенности трибуновъ и штрафы налагаемые этими послѣдними. Вмѣстѣ съ этимъ получаютъ особенное значеніе и эдилы, потому что завѣдываніе составлявшейся указаннымъ способомъ казной, очевидно, находилось въ ихъ рукахъ, какъ попечителей храма. Такимъ образомъ, эдилы становятся въ связь съ институтомъ трибуната и мало по-малу дѣлаются помощниками трибуновъ по всѣмъ дѣламъ. И чѣмъ дальше развивается политическое значеніе народныхъ трибуновъ, тѣмъ болѣе ихъ мелкія обязанности возлагаются на эдиловъ. Къ завѣдыванію казной присоеди-

нятая и хранение плебейского архива. Далее, они исполняют различныя полицейскія обязанности въ городѣ и разбираютъ мелкія тяжбы между плебеями. Съ расширеніемъ города и развитіемъ городской жизни, полицейскія обязанности, которыя исполняютъ эдилы, получаютъ все большее и большее значеніе, такъ что оставлять ихъ въ рукахъ плебеевъ оказывается уже неудобнымъ. Поэтому въ 367 году сенатъ предложилъ учредить еще должность курульныхъ эдиловъ (въ числѣ двухъ), которые бы имѣли общегосударственное значеніе, а не сословное (для одних плебеевъ). После этого постановленія эдилы уже изъимаются изъ вѣдѣнія трибуновъ и занимаютъ самостоятельное мѣсто въ ряду государственныхъ магистратуръ. Эдилы, какъ и квесторы, избираются въ comitia tributa, при чемъ выборъ плебейскихъ эдиловъ происходитъ подъ предсѣдательствомъ трибуна, а курульныхъ - консула, или претора. 407

Компетенція эдиловъ въ общемъ состоитъ въ завѣдываніи всей городской полиціей. Въ частности же имъ принадлежитъ, во-первыхъ, наблюденіе за доставленіемъ въ городъ продовольствія и завѣдываніе хлѣбными запасами (cura annonae); во-вторыхъ, надзоръ за благоустройствомъ и порядкомъ въ городѣ (cura urbis); сюда, между прочимъ, входитъ и надзоръ за городскими рынками (торговая полиція); въ-третьихъ, cura ludorum - наблюденіе за порядкомъ на общественныхъ играхъ, при ко-

торых бывает большое стечение народа, и потому полицейский надзор необходим.

Сверх этого эдилы имеют судебно-полицейскую власть: им принадлежит разбор мелких полицейских дел, каковы, например, нарушение общественной тишины и порядка, или нарушение санитарных правил и т. п.

Наконец, эдилам принадлежит и некоторая судебно-гражданская юрисдикция, именно в предметах торговых (рыночных) отношений, что, очевидно, связывалось с их полицейскими обязанностями (надзор за рынками).

Что касается распределения всех перечисленных обязанностей между отдельными коллегами этой магистратуры, то здесь, прежде всего, следует заметить, что курульные эдилы собственно стоят отдельно от плебейских, (они не совсем последних) но обязанности тем не менее распределяются между ними как между равными. Весь город делился на четыре участка по числу эдилов и каждый из них отправлял в своем участке.

Vigintiseviri. Все низшие магистраты следующие за эдилами известны под одним общим именем vigintiseviri, т. е. 26 мужей, потому что их насчитывалось именно это число. Выбирались они в comitia tributa.

Среди этих мелких магистратов первое место занимают decem viri litibus judicandis. Это были судьи, разбиравшие мел-

кія гражданскія тяжбы между плебеями; но послѣ слиянія сословій они получили общее значеніе.

2. Далѣе слѣдуютъ quattuor IV viri praefecti iuri Dicundo. Это были четыре помощника городского претора, которыхъ онъ посылалъ въ разныя мѣста Италіи (въ четыре округа) для производства суда по гражданскимъ дѣламъ.

3, Tres viri capitales - слѣдователи по мелкимъ уголовнымъ дѣламъ, на обязанности которыхъ также лежало завѣдываніе тюрьмами и присутствованіе при совершеніи смертной казни.

4, Tres viri aere, argento, auro flando feriundo - должностныя лица, завѣдывавшія монетнымъ дворомъ. На обыкновенномъ разговорномъ языкѣ они назывались короче: tres viri monetales.

5, Quatuor viri viis in urbe purgandis, которые наблюдали за состояніемъ городскихъ улицъ, мостовыхъ и дорогъ и завѣдывали ихъ очисткой и

6. Duo viri extra urbem viis purgandis, завѣдывавшіе шоссе и дорогами внѣ города.

IV

Д. § 39. Чрезвычайные магистраты.

Всѣ чрезвычайные магистраты могутъ быть раздѣлены на два типа: одни изъ нихъ, не имѣя какого-либо важнаго государственнаго значенія, носятъ только торжественный

характеръ. Такого рода магистраты назначались въ тѣхъ случаяхъ, когда желали придать извѣстному государственному акту особый торжественный характеръ. Особыхъ названій эти магистраты не имѣли, а назывались по тѣмъ цѣлямъ назначенія (напр. magistratus templi dicandi causa).

Но нерѣдко чрезвычайные магистраты назначались и для такихъ порученій, которыя имѣли большое значеніе для государства. Это имѣло мѣсто въ рѣдкихъ, исключительныхъ и чрезвычайныхъ случаяхъ государственной жизни, напримѣръ, во время голода, когда необходимо было обратить особенное вниманіе на доставки продовольствія въ постигнутыя бѣдствіемъ мѣстности. Извѣстно также, напримѣръ, что Помпей получилъ чрезвычайную власть для веденія войны съ пиратами. Въ періодъ аграрныхъ волненій при Гракхахъ для раздачи нищущему населенію земельныхъ надѣловъ изъ государственныхъ земель (ager publicus) былъ учрежденъ особый триумвиратъ, члены котораго согласно своей цѣли назывались tres viri agris dandis adsignandis

Изъ этого рода магистратуръ особенно важное значеніе (въ государственномъ правѣ) имѣла одна. Когда въ римскомъ государствѣ (въ VII в.) начались гражданскія смуты и волненія, то для возстановленія государственнаго порядка и приведенія государства въ спокойствіе стали прибѣгать къ назначенію магистратовъ съ не-

ограниченной властью (стоящей выше закона). Этимъ лицамъ народъ вручалъ всю полноту государственной власти и, такимъ образомъ, дѣлалъ ихъ полновластными распорядителями государства. Чѣмъ запутаннѣе становились дѣла республики, тѣмъ чаще и продолжительнѣе были такія магистратуры, что составляло естественный переходъ отъ республиканскаго строя къ новой формѣ государственной жизни — къ принципату. Такой характеръ, напр., носили диктатуры Суллы, Юлія Цезаря, а также первый и второй тріумвираты rei publicae constituendae изъ которыхъ второй и привелъ въ результатѣ къ единовластію Октавіана-Августа.

§ 40. Плебейскіе трибуны.

Происхожденіе народнаго трибуната, какъ извѣстно, относится къ первымъ временамъ сословной борьбы. Учрежденіе его было результатомъ уступки плебеямъ послѣ ихъ перваго отшествія въ 4966 году. Названіе этой должности объясняется тѣмъ, что первые плебейскіе трибуны были выбраны изъ военныхъ трибуновъ возставшаго плебейскаго войска, и это названіе было перенесено на новыхъ должностныхъ лицъ. Первоначальное число трибуновъ неизвѣстно, но съ теченіемъ времени оно доходитъ до десяти и на этомъ останавливается. Избирались трибуны со времени lex Publilia Valero-

471 nis ~~283~~ 471 года въ ~~comitia~~ concilia plebis tributa.

Если число трибуновъ вслѣдствіе выбытія по какимъ либо причинамъ нѣкоторыхъ членовъ уменьшалось, то пополненіе его первоначально производилось остальными коллегами по должности (cooptatio), но въ ~~306~~ 448 году plebiscitum Гревонium запретилъ это, предоставивъ и эти дополнительные выборы исключительно народному собранію.

Единственное право, которое получили трибуны по lex sacrata при своемъ учрежденіи, какъ извѣстно, было jus auxilii, въ силу котораго трибуны могли останавливать отдѣльныя рѣшенія и распоряженія магистратовъ по отношенію къ плебеямъ. Намъ извѣстно и дальнѣйшее развитіе правъ трибуната (пріобрѣтеніе права собирать народныя собранія и власти обвиненія въ народномъ собраніи, см. § 25). Но гораздо важнѣе то, что самое jus auxilii трибуновъ быстро развивается и скоро переходитъ въ общее право интерцессіи (jus intercessionis), т. е. вмѣшательства во всѣ дѣйствія магистратовъ. Существенное отличіе этого права отъ прежняго состоитъ въ томъ, что въ силу его трибунъ можетъ останавливать не только распоряженія, касающіеся плебеевъ, но всѣхъ вообще гражданъ и притомъ не только отдѣльныя единичныя распоряженія магистратовъ, но онъ можетъ вмѣшиваться во всю вообще дѣятельность органовъ государственной власти. Не трудно рѣ-

шить, какъ и развилось такое право трибуновъ. Оно находилось въ зачаточной формѣ уже въ ихъ jus auxilii. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ всѣ распоряженія государственной власти исходятъ отъ должностныхъ лицъ по отношенію къ гражданамъ государства, а здѣсь трибунъ уже въ силу jus auxilii имѣетъ право вмѣшательства (въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ), то очевидно, что онъ можетъ остановить приведеніе въ исполненіе каждой правительственной мѣры. Поэтому естественно возникало сознаніе, что удобнѣе предоставить трибунамъ право останавливать самое общее постановленіе государственной власти, чѣмъ допускать остановку примѣненія его въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Слагавшееся, такимъ образомъ, право интерцессіи, въ связи съ правомъ законодательной иниціативы и coercitio и давало народнымъ трибунамъ то сильное вліяніе, которое они имѣли на ходъ государственныхъ дѣлъ. Однако очевидно, что это вліятельное и высокое положеніе трибуновъ въ государствѣ основывалось на отрицательномъ принципѣ: они были сильны своей отрицательной властію, положительная же компетенція ихъ была незначительна. Всѣ функціи ея могутъ быть сведены къ слѣдующему.

Во-первыхъ, трибуны явились обвинителями въ народномъ собраніи по государственнымъ преступленіямъ. Начало и основа-

ніе этого права трибуновъ, очевидно заключалось въ томъ, что первоначально они имѣли право обвинять въ народномъ собраніи нарушителей ихъ собственныхъ правъ и неприкосновенности. Но такъ какъ такое нарушеніе было до нѣкоторой степени посягательствомъ на права и вольность плебса, а въ послѣдствіи (по смѣшеніи сословій) и на весь государственный строй, то отсюда и вырабатывается общее право обвиненія по государственнымъ преступленіямъ; кромѣ того, это право вытекало и изъ самой цѣли учрежденія трибуната, какова была наблюденіе за цѣлостію государственной конституціи.

Во-вторыхъ, трибуны получаютъ нѣкоторую судебную юрисдикцію по гражданскимъ дѣламъ и полицейскую власть въ городѣ. Въ этомъ, какъ уже извѣстно, были имъ помощниками эдилы, и чѣмъ болѣе трибуны становились политическими дѣятелями, тѣмъ болѣе ихъ мелкая судебная и полицейская юрисдикція переходила къ эдиламъ, но право начальственнаго вмѣшательства въ эту область у нихъ всегда сохранилось.

Быстрое развитіе правъ трибуната, которое давало ему громадную силу въ государствѣ, съ теченіемъ времени начало вызывать попытки къ ихъ ограниченію. Такъ, сулла во время своего диктаторства особымъ закономъ (lex Cornelia de tribunicia potestate ~~[illegible]~~ года) 82. лишилъ трибуновъ всѣхъ ихъ особенныхъ правъ.

оставивъ за ними только право интерцессіи по маловажнымъ дѣламъ. Но эта попытка не имѣла успѣха: чрезъ 12 лѣтъ всѣ права трибуновъ снова были возстановлены Помпеемъ и Крассомъ (въ ~~684~~ году). 70. 70.

§ 41. Коллегія понтифовъ и pontifex maximus.

Послѣ паденія царской власти религіозная компетенція царя, какъ извѣстно, перешла въ руки великаго понтифа, благодаря чему въ послѣдующее республиканское время этотъ послѣдній занималъ особенное положеніе въ государственномъ строѣ. Имѣя власть наблюдать за всѣмъ сакральнымъ строемъ государства, онъ слѣдитъ за совершеніемъ религіозныхъ актовъ и исполненіемъ религіозныхъ требованій какъ жрецами, такъ и магистратами и, такимъ образомъ, становится въ начальственныя отношенія въ особенности къ первымъ. Онъ имѣетъ право подвергать магистратовъ, равно какъ и всѣхъ прочихъ гражданъ, если они не исполняютъ религіозныхъ требованій, взысканіемъ; слѣдовательно, великій понтифъ обладалъ нѣкотораго административною властію, что свойственно уже не жрецу, а магистрату. Но слѣдуетъ замѣтить, что великій понтифъ въ своихъ дѣйствіяхъ былъ не совершенно свободенъ: всѣ дѣла, подлежащія его вѣдѣнію, онъ рѣшалъ по совѣщаніи

въ коллегіи понтифовъ (ex collegarum sententia) причемъ рѣшенія этой послѣдней были для него обязательны; онъ только обнародовалъ ихъ отъ своего имени.

II. Сенатъ.

§ 42. Составъ сената и компетенція его.

Составъ сената въ республиканское время отчасти открывается уже изъ того оффиціальнаго титула, съ которымъ къ сенаторамъ обращаются въ засѣданіяхъ сената; титулъ этотъ: patres conscripti (сокращенное изъ patres et conscripti). Такимъ образомъ, здѣсь различаются двѣ группы членовъ сената: съ одной стороны, patres, это - патриціанскіе члены, и съ другой, - conscripti, это члены плебеи, получившіе доступъ въ сенатъ сначала еще при царяхъ, а потомъ уже окончательно въ республиканское время.

Кромѣ этихъ двухъ группъ мы встрѣчаемъ въ сенатѣ еще двѣ категоріи членовъ, которыя 434-412 образовались въ немъ послѣ изданія lex Ovinia (см. § 37). Эти группы сенаторовъ стоятъ въ связи съ тѣми измѣненіями, которыя произвелъ указанный законъ въ порядкѣ составленія сената. Во-первыхъ, образуется группа членовъ, quibus in Senatu sententiam dicere licet, т.е. которые имѣютъ право голоса въ сенатѣ, но очевидно, не имѣютъ всѣхъ правъ свойственныхъ другимъ сенаторамъ - patres conscripti. Это были,

по всей вероятности, лица, занимавшія магистратуру въ текущее пятилѣтіе цензуры и потому имѣвшія право въ слѣдующій цензорскій срокъ войти въ составъ членовъ сената. Какъ будущіе члены его, они уже теперь получали право присутствовать на его засѣданіяхъ и высказывать здѣсь свое мнѣніе по поводу разсматриваемыхъ дѣлъ.

Другую группу, образовавшуюся со временемъ Sullae, составляютъ такъ называемые Senatores pedarii. Ихъ положеніе въ сенатѣ опредѣляется такъ: „jus sententiam dicendi non habent, sed in alienam sententiam pedibus eunt". Такимъ образомъ, это были лица имѣвшія права голоса и потому въ обсужденіи вопросовъ не участвовавшія, но которыя принимали участіе только въ голосованіи вопросовъ, присоединяясь къ тому или иному изъ высказанныхъ мнѣній (они in alienam sententiam pedibus eunt, т. е. переходятъ на сторону той или другой группы, держащейся извѣстнаго мнѣнія). Происхожденіе этой группы сенаторовъ, по всей вѣроятности, таково: когда въ спискахъ сената внесены цензорами уже всѣ лица, имѣющія право на это (бывшіе сенаторы и бывшіе магистраты), но и послѣ этого еще остаются въ немъ вакантныя мѣста, то они, какъ извѣстно, замѣщаются цензорами по ихъ личному усмотрѣнію; лица, вошедшія въ сенатъ не по собственному праву на это, а по усмотрѣнію

patres, conscripti, quibus in senatu sententiam dicere licet.

170. senatores pedarii.

цензоров и составляют группу - Senatores pedarii.

Таким образом, в сенате республиканского времени различаются четыре группы членов: patres, conscripti, члены, quibus in Senatu Sententiam dicere licet и Senatores pedarii.

Что касается компетенции сената в описываемую эпоху, то прежде всего известно, что de jure сенат попрежнему представляет из себя совещательный орган при высших магистратах - консулах; но de facto, как мы уже знаем, сенат, как учреждение постоянное, стоял выше отдельных временных магистратов, в силу чего вся магистратура оказывалась в фактической зависимости от него. Совершенно практическим путем сенат достигает в республиканское время первого места во всем государственном управлении.

Прежде всего, влияние сената, конечно, должно было обнаружиться в сакральном строе государства, потому что он, состоя главным образом из патрициев, находился в тесной связи с этим строем. Поэтому сенат приобретает право наблюдать вместе с авгурами за религиозными делами государства, и эти дела занимают первое место в его совещаниях.

Затем сенат таким же образом приобретает и право участия и в административной деятельности государства. De jure сенат никогда не имел этой компетенции, это

de facto ни одна административная мѣра въ республиканское время не проходитъ безъ вѣдѣнія сената, и наоборотъ всѣ постановленія его исполняются магистратами.

На первое же мѣсто выдвигается сенатъ и во внѣшнихъ международныхъ дѣлахъ и даже преимущественно предъ другими областями государственнаго управленія, потому что здѣсь особенно необходима постоянная твердая политика, которой, конечно, не могли вести ежегодно смѣняющіеся магистраты. Поэтому обсужденіе и выработка всѣхъ международныхъ актовъ фактически переходитъ въ руки сената.

На законодательную дѣятельность прямого вліянія сенатъ не имѣлъ, но онъ дѣйствовалъ здѣсь также сильно косвенными путями. Во-первыхъ, имѣя сильное вліяніе на магистратовъ, онъ могъ чрезъ нихъ проводить въ народныхъ собраніяхъ желательные для себя законы. Во-вторыхъ, что особенно важно, онъ имѣлъ право (auctoritas patrum) утверждать всѣ постановленія народныхъ собраній и между прочимъ - законодательныя, поэтому онъ, конечно, всегда могъ остановить нежелательную для него законодательную мѣру. (Въ концѣ республики происходитъ борьба уже за прямую законодательную власть сената).

Сверхъ всего сказаннаго, сенатъ являлся еще высшимъ судебнымъ органомъ по дѣламъ международнаго характера (напр., объ испол-

ненiи союзныхъ договоровъ). Это было началомъ уголовно-судебной власти сената.

Однимъ словомъ, занимая de jure скромное положеніе совѣщательнаго органа при высшихъ государственныхъ магистратахъ, сенатъ de facto управлялъ всѣми ходомъ государственной жизни. Этимъ, между прочимъ, можно объяснить всѣ внѣшніе и внутренніе успѣхи Рима, потому что въ сенатѣ были собраны лучшія силы государства.

§43. Засѣданія и дѣлопроизводство сената.

Въ вопросѣ о порядкѣ засѣданій сената прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что сенатъ былъ учрежденіемъ коллегіальнымъ и, слѣдовательно, весь ходъ дѣлъ въ немъ былъ соотвѣтственный этому строго.

Право созывать сенатъ для засѣданій принадлежало всѣмъ высшимъ магистратамъ, а съ теченіемъ времени его получаютъ еще народные трибуны; но первоначально эти послѣдніе не имѣли даже права присутствовать въ сенатѣ, затѣмъ имъ открывается доступъ въ сенатъ, но только въ качествѣ пассивныхъ слушателей, наконецъ они получаютъ право и активнаго участія въ сенатскихъ засѣданіяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и право созывать сенатъ.

Форма или способъ созванія сената первоначально былъ устный; магистратъ, созывавшій сенатъ, объявлялъ объ этомъ чрезъ глаша-

гласъ (praecones) каждому сенатору отдельно. Но потомъ этотъ способъ замѣнялся письменнымъ: выставлялось объявленіе о созваніи сената на форумѣ.

Обычнымъ временемъ засѣданій сената былъ день; ночью они происходили только въ крайнихъ чрезвычайныхъ случаяхъ. Что же касается дней, въ которые сенатъ могъ собираться на засѣданія, то они точно неизвѣстны; было только запрещено особымъ закономъ (lex Furia) собирать сенатъ въ дни народныхъ собраній, потому что сенаторы должны были присутствовать на нихъ.

Наконецъ, мѣстомъ засѣданій сената первоначально всегда являлся какой либо храмъ (templum).

Для уясненія вопроса о дѣлопроизводствѣ сената слѣдуетъ прежде всего обратить вниманіе на три различныя формы внесенія въ сенатъ дѣлъ магистратами. Первая изъ нихъ обозначается терминомъ: Senatum consulere (совѣщаться съ сенатомъ). По этой формѣ магистратъ ставилъ на обсужденіе сената тѣ или другіе вопросы, какъ бы прося у него совѣта относительно нихъ.

Вторая форма - verba facere (входить съ докладомъ въ сенатъ). Здѣсь магистратъ излагалъ въ рѣчи къ сенату свое требованіе, причемъ подробно мотивировалъ его.

Наконецъ, третья форма - ad Senatum referre (сообщать къ свѣдѣнію сената). Маги-

страть только сообщать сенату о принятыхъ ими мѣрахъ, не предлагая ихъ на обсужденіе, поэтому никакихъ совѣщаній въ этомъ случаѣ не происходило. Эти три случая обращенія магистратовъ къ сенату имѣютъ то значеніе, что являются побудительными мотивами для начала дѣлопроизводства въ сенатѣ, и особенно важенъ изъ нихъ въ этомъ отношеніи первый случай (*senatum consulere*), потомучто за нимъ слѣдовало обсужденіе предложеннаго магистратомъ вопроса, два другіе случая имѣютъ болѣе формальный характеръ. Но не всегда дѣлопроизводство сената начиналось по этимъ выше-именованнымъ поводамъ, иногда и самъ сенатъ самостоятельно возбуждалъ вопросы и обсуждалъ ихъ.

Собственно дѣлопроизводство происходило въ сенатѣ слѣдующимъ образомъ. Послѣ того, какъ сенатъ созванъ и засѣданіе его открыто, начиналось обсужденіе дѣлъ въ порядкѣ ихъ поступленія, т.е. въ порядкѣ докладовъ магистратовъ, при чемъ на первое мѣсто ставились дѣла религіознаго характера. Послѣ доклада магистрата, каждый изъ членовъ (имѣющій право голоса) высказывалъ по поводу поставленнаго вопроса свое мнѣніе и велись дебаты (*altercatio*). По окончаніи ихъ дѣлается постановка вопросовъ и формулировка ихъ, что обозначается терминомъ - *Sententiam pronunciare*. Затѣмъ происходило голосованіе поставленныхъ вопросовъ, которое

совершалось посредством разделения членов на группы (discessionem facere). Голоса подсчитывались, и большинство их определяло, в пользу чего состоялось решение сената. После этого принятое решение формулировалось и записывалось (senatusconsultum facere, rescribere), для чего специально избиралось несколько членов сената, из которых одни записывали, а другие сидели за правильностью записи (scribendo adsunt).

В результате всего этого процесса и получался senatus consultum, т.е. постановление сената.

Дальнейшая судьба этих senatus consultum была различна смотря по предметам их. Важнейшие постановления публиковались во всеобщее сведение. Они выгравировывались на медных досках и выставлялись на форуме, а затем сдавались в государственный архив. Иногда списки senatus consultum разсылались в различные места и учреждения, к которым они имели отношение. (Несколько senatus consultum сохранилось до нашего времени, они то и дают возможность возстановить весь ход делопроизводства в римском сенате республиканского периода).

III. Народныя собранія.

§44. Виды народныхъ собраній. Реформа куріатныхъ и центуріатныхъ собраній.

Третьимъ органомъ государственнаго управленія въ республиканскій періодъ является народное собраніе. Намъ уже извѣстно различіе между двумя видами народныхъ собраній: contiones и comitia. Это различіе сохраняется и въ настоящую эпоху. На contio и теперь народъ собирается не по политическимъ группамъ, а какъ совокупность отдѣльныхъ гражданъ, на comitia же, наоборотъ, имѣютъ значеніе не единичныя личности, а тѣ или иныя политическія группы (куріи, центуріи и трибы). Цѣль этихъ видовъ собраній также остается прежняя: contiones рѣшеній не принимаютъ, но собираются только для объявленія народу различныхъ государственныхъ мѣропріятій. Comitia же собираются для принятія рѣшеній по извѣстнымъ дѣламъ. Но обсужденій вопросовъ здѣсь не происходитъ, а только дается положительный или отрицательный отвѣтъ на поставленный магистратомъ вопросъ (см. §15). Къ старымъ видамъ народныхъ собраній (comitia curiata и comitia centuriata) въ республиканскій періодъ, или точнѣе въ эпоху сословной борьбы присоединяются, какъ извѣстно, еще два но-

выхъ вида народныхъ собраній - comitia tributa, на которыя народъ собирается по трибамъ (земельнымъ округамъ), и concilia plebis tributa (concilia, но не comitia, потомучто здѣсь собирается по трибамъ не весь народъ, а только одно сословіе - плебсъ). Въ упрежденіе этихъ новыхъ видовъ народныхъ собраній происходитъ перемѣна во всѣхъ ихъ.

1, comitia curiata, какъ мы знаемъ, въ теченіе времени все болѣе и болѣе теряютъ значеніе и къ концу республиканскаго періода носятъ уже чисто формальный характеръ. Единственная болѣе важная задача ихъ lex curiata de imperio и та теряетъ свое значеніе, обращаясь въ простую формальность, для которой comitia даже и не собираются, а исполненіе ея поручается 30 ликторамъ (см. §29). Въ республиканское время происходитъ нѣкоторая перемѣна относительно куріатныхъ собраній, именно, въ концѣ республиканскаго періода, (когда именно - точно неизвѣстно) въ куріи принимаются плебеи. Это принятіе совершается по трибамъ: въ каждой куріи приписывается одна или нѣсколько трибъ (ср. 35), въ составъ которыхъ входили и плебеи. Это имѣло только то значеніе, что служило выраженіемъ объединенія народа въ одно цѣлое, полнаго уравненія правъ патриціевъ и плебеевъ.

2, comitia centuriata, начавшія свое существованіе со времени реформы Сервія Тулія (см 319), приняли на себя почти всѣ дѣла куріатныхъ

комицій и получили такимъ образомъ обширную власть. Въ республиканскій періодъ происходитъ важная реформа относительно этихъ собраній (время ея точно неизвѣстно, приблизительно VI вѣкъ). Реформа эта состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ мѣръ. Во-первыхъ, что отчасти намъ уже извѣстно, вслѣдствіе упадка цѣнности монеты послѣ пуническихъ войнъ суммы ценза всѣхъ классовъ были повышены въ 5 разъ противъ прежняго (см. § 17). Эта мѣра вызывалась тѣмъ, что когда деньги упали въ цѣнѣ, то и цензъ естественно понизился, и лицо бывшее въ низшемъ классѣ получило возможность вступить въ высшій. Поэтому, чтобы сохранить прежнее распредѣленіе классовъ, необходимо было возвысить цензъ во столько разъ, восколько упала цѣнность денегъ, что и было сдѣлано. Вторая мѣра относительно центуріатныхъ комицій имѣетъ болѣе важное значеніе сравнительно съ первой, которая измѣненій собственно никакихъ не внесла, а только сохранила прежнее распредѣленіе классовъ. Эта мѣра состояла въ слѣдующемъ. Такъ какъ ко времени данной реформы число трибъ значительно возросло и съ 30, какъ установилъ Сервій Туллій, дошло до 35, и такъ какъ въ предѣлахъ каждой изъ нихъ жили граждане всѣхъ 5ти классовъ, то реформа и ставитъ дѣленіе на центуріи въ связь съ помѣстными трибами. Именно, въ каждой трибѣ дѣлается по двѣ центуріи каждаго класса, всего, слѣдовательно 10 центурій; а во всѣхъ 35 трибахъ ихъ со-

ставляется такимъ образомъ 350. Далѣе, по этой реформѣ уменьшается число центурій всадниковъ, стоящихъ выше перваго класса: оставляются только 12 центурій equitum, а всѣ suffragia уничтожаются. Уничтожаются также и промежуточныя (стоящія между классами) центуріи военныхъ, ремесленниковъ и музыкантовъ.

Наконецъ, изъ лицъ стоящихъ по цензу ниже 5-го класса образуется еще одна центурія, для которой устанавливается цензъ въ 4000 ассовъ. Эта центурія носитъ прежнее названіе accensi. Такимъ образомъ, всего получается 363 центуріи и до временъ Августа это число остается неизмѣннымъ. Августъ же, находясь въ подозрѣніи низшаго класса населенія, устанавливаетъ еще одну (364-ую) центурію съ минимальнымъ цензомъ въ 375 ассовъ; это такъ называемая centuria proletariorum, которая, однако, имѣетъ право голоса въ народномъ собраніи.

Вся эта реформа, очевидно, имѣетъ радикально-демократическій характеръ. Она лишаетъ перевѣса въ народномъ собраніи богатыхъ граждапъ, потомучто уменьшаетъ число центурій, а слѣдовательно и голосовъ перваго класса и всадниковъ, которые ранѣе составляли большинство (98 изъ 193). Другая сторона реформы состояла въ толъ, что теперь въ каждой центуріи находятся лица, одного имущественства, поэтому они, конечно, хорошо знаютъ другъ друга и имѣютъ общность интересовъ, и потому могутъ участвовать въ народномъ собра-

ніи согласнѣе, нежели лица, неимѣющія между собою ничего общаго; а это имѣетъ то важное значеніе, что почти совсѣмъ устраняетъ возможность намѣренно произвести раздоръ въ собраніи для задержки какого-либо дѣла, чѣмъ часто злоупотребляли прежде.

III 3-й видъ народныхъ собраній представляютъ comitia tributa, на которыя собирается весь народъ (и патриціи и плебеи) по трибамъ.

IV Наконецъ, 4, concilia plebis tributa также собираются по трибамъ, но здѣсь участвуетъ не весь народъ (populus), а только plebs.

Компетенція народныхъ собраній. Чѣмъ дальше развивается республиканскій строй государства, тѣмъ болѣе вырабатывается представленіе, что верховная власть въ немъ принадлежитъ народу. Органомъ проявленія этой власти и являются народныя собранія. Очевидно поэтому, что компетенція ихъ была въ это время очень обширна. Въ составъ ея входятъ всѣ функціи высшей государственной власти: выборъ магистратовъ, законодательная власть, уголовно-судебная и высшая власть по веденію всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ государственныхъ дѣлъ.

X

Но такъ какъ существуетъ, какъ мы только что видѣли, нѣсколько различныхъ видовъ народныхъ собраній, то естественно здѣсь возникаетъ вопросъ, какъ же распредѣлялись всѣ эти функціи между различными народными собраніями, или иначе, какова же была компетен-

ція каждаго изъ извѣстныхъ намъ видовъ этихъ собраній. Чтобы вполнѣ ясно отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо прежде всего прослѣдить въ общихъ чертахъ тотъ процессъ, которымъ при образованіи различныхъ видовъ народныхъ собраній совершалось раздѣленіе компетенціи между ними. Первоначально (въ царскую эпоху), какъ извѣстно, всѣ права, имѣвшіяся въ то время у народныхъ собраній, принадлежали куріатнымъ комиціямъ. Съ учрежденіемъ центуріатныхъ комицій (въ эпоху царскихъ реформъ) происходитъ, также уже извѣстное намъ, раздѣленіе компетенціи между этими двумя видами народныхъ собраній (см. §17). Въ послѣдующее время куріатныя комиціи быстро падаютъ, а центуріатныя получаютъ почти всю полноту государственной власти. Но эти въ свою очередь вытѣсняются новымъ видомъ собраній comitia tributa, къ которымъ переходитъ главное государственное значеніе. Наконецъ, и трибутныя собранія уступаютъ первенство слѣдующему четвертому виду народныхъ собраній - concilia plebis tributa.

Теперь разсмотримъ въ частности компетенцію каждаго изъ извѣстныхъ намъ четырехъ видовъ народныхъ собраній, которой они обладали въ республиканское время. Comitia curiata къ половинѣ республиканскаго періода, какъ мы знаемъ, теряютъ почти всякое значеніе, (въ ихъ вѣденіи остается lex curiata de imperio и участіе въ совершеніи нѣкоторыхъ сакральныхъ актовъ), а компетенція ихъ переходитъ къ comitia cen- I

curiata. Эти последния до появления трибутных комиций имѣют всю полноту власти: право выбора магистратовъ, законодательную и уголовно-судебную власть, на нихъ же лежитъ и утвержденіе международныхъ актовъ (объявленіе войны, заключеніе мира и союзовъ), которыя однако подготовлялись въ сенатѣ.

Компетенція центуріатныхъ комицій уменьшается съ появленіемъ трибутныхъ. Происходитъ раздѣленіе компетенціи между ними, причемъ за центуріатными собраніями оставляется только право выбора высшихъ магистратовъ (cum imperio), все же остальное почти цѣликомъ переходитъ въ вѣденіе трибутныхъ комицій (т.е. законодательная и уголовно-судебная власть и совершеніе международныхъ актовъ). Низшіе магистраты избираются въ comitia tributa. Особыхъ законовъ относительно такого перехода государственныхъ дѣлъ отъ одного вида народныхъ собраній къ другому не издавалось; онъ совершался путемъ государственной практики.

Такой же ходъ дѣла наблюдается и при учрежденіи concilia plebis tributa. Въ нихъ переходятъ главные элементы компетенціи трибутныхъ собраній, именно: законодательная и уголовно-судебная власть и завѣдываніе всѣми государственными дѣлами какъ внѣшними, такъ и внутренними. Итакъ, въ концѣ концовъ на первое мѣсто въ государственномъ строѣ становится низшій видъ народныхъ

собраній, на долю же центуріатныхъ и трибутныхъ собраній остается лишь выборъ магистратовъ – первыхъ высшихъ, а вторыхъ – низшихъ. Такой ходъ дѣла очевидно служитъ выраженіемъ того, что въ государствѣ все болѣе и болѣе (берутъ перевѣсъ) демократическій строй.

§45. Созваніе комицій и concilia plebis tributa. Дѣлопроизводство въ народныхъ собраніяхъ.

Право созывать народныя собранія имѣютъ только государственные магистраты, при чемъ разные виды этихъ собраній созываются различными магистратами. Comitia curiata и centuriata могутъ собирать только высшіе магистраты (обладающіе imperium, потомучто первыя давали эту высшую власть, а вторыя были собраніями военными, въ каковой области имѣетъ силу только imperium, а не potestas; comitia curiata могъ созывать еще pontifex maximus.) Если низшій магистратъ желалъ для чего-л. созвать какое-л. изъ этихъ собраній, то онъ могъ сдѣлать это только чрезъ высшаго магистрата.

Comitia tributa созывались также высшими магистратами, но кромѣ нихъ еще и народными трибунами. Наконецъ, право созывать concilia plebis tributa принадлежитъ исключительно трибунамъ, какъ представителямъ плебса, для котораго собственно первоначально

и учреждены были эти собрания.

Магистрат, созвавши народное собрание, председательствовал на нем и руководил всем ходом дела. Право магистрата на всю эту деятельность по созыву и ведению народных собраний называется jus cum populo (или plebe) agendi.

Что касается времени народных собраний, то известно, что они могли собираться не всякий день, а только в специально определенные для них дни, которые отмечались в римском календаре буквой „C" (dies comitialis). О дне народного собрания объявлялось заранее (первоначально устно чрез герольдов, а затем посредством письменной публикации) и при том не менее как за 30 дней. Для центуриатных комиций этот срок был заимствован из военного быта. В древнем международном праве это был обычный срок для удовлетворения требований одного народа к другому, по истечении которого только можно было начать военные действия. Позже, когда были учреждены comitia tributa этот срок сохранился, но основание его было другое. Этот срок назывался trinae nundinae (т. е. три торговых, ярмарочных дня). Таким образом, народные собрания собирались через три базарных дня после публикации, а так как рынки в Риме происходили осьмидневные, то получается срок также около 30 дней. Найти прямые установления

л. XVI.

такого срока не трудно. В базарные дни, конечно, собирался в городъ въ большомъ количествѣ народъ; здѣсь ему и объявлялись дѣла будущаго народнаго собранія, чтобы онъ имѣлъ заранѣе обдумать ихъ. Народъ дѣйствительно собирался на сходки (contiones) и обсуждалъ предварительно дѣла будущаго собранія. Очевидно такимъ образомъ, что это установленіе имѣло весьма важное значеніе, давая народу время и возможность заранѣе обдумать дѣла, которыя онъ долженъ былъ рѣшить на собраніи.

Въ назначенный день народнаго собранія магистратъ прежде всего (рано утромъ) испрашивалъ авспиціи и если они были благопріятны, то велѣлъ за этимъ магистратъ трубачамъ созывать народъ къ себѣ на то мѣсто, гдѣ онъ испрашивалъ авспиціи (in licium vocare) и здѣсь предварительно открывалось еще въ послѣдній разъ contio, на которомъ народъ обсуждалъ предложеніе магистрата. Послѣ закрытія схода, магистратъ приказывалъ народу раздѣлиться по голосовымъ группамъ (центуріямъ или трибамъ смотря потому, какое созывалось собраніе), и въ этомъ порядкѣ съ магистратомъ во главѣ народъ отправлялся уже на мѣсто собранія. Это мѣсто было различно: для comitia curiata, какъ извѣстно, comitium, для comitia centuriata - Марсово поле и для comitia tributa - Форумъ. Все мѣсто собранія огораживалось веревкой и разграфлялось на отдѣленія (Septum); каждое

голосовая единица и занимала одно изъ такихъ отдѣленій. Магистратъ еще разъ читалъ свое предложеніе и спрашивалъ народъ, какъ онъ желаетъ поступить по его предложенію, или отвергаетъ его (rogatio), и послѣ этого начиналось уже голосованіе вопроса, которое происходило слѣдующимъ образомъ. У выхода изъ Septum становились два особыя лица, которымъ всѣ, находящіеся въ немъ, выходя, подавали голоса, а они дѣлали соотвѣтствующія отмѣтки въ своихъ таблицахъ (puncta ferre). Когда же подача голосовъ въ концѣ республики стала письменной, то каждый, выходя изъ Septum, давалъ особую таблицу въ находившуюся для этого при выходѣ корзину. Послѣ подачи голоса подсчитывались, и большинство ихъ опредѣляло голосъ всей единицы (центуріи или трибы). Центурія, которой доставалось по жребію подавать голосъ первой, называлась centuria praerogativa. Послѣ подачи голосовъ всѣми центуріями, они подсчитывались и большинство центурій опредѣляло рѣшеніе всего народнаго собранія. Слѣдуетъ замѣтить, что весь этотъ порядокъ первоначально выработался относительно центуріатныхъ комицій, но потомъ онъ распространился и на другіе виды народныхъ собраній.

Что касается рѣшеній принятыхъ народными собраніями, то они имѣютъ различныя названія и значеніе смотря по роду того собранія, на которомъ они были приняты. Постановленія куріатныхъ и центуріатныхъ комицій носятъ названія legis или legum rogatio.

Постановленія же трибутныхъ собраній называются scitum populi или (больше употребительно) plebiscitum (т. е. угодное народу); издавать leges или jussum они не могутъ.

Наконецъ, concilia plebis tributa издаютъ только scitum plebis или plebiscitum (угодное плебсу), но постановлять leges или jussum или populiscitum они не могутъ.

Такимъ образомъ, подъ словомъ leges на строгомъ языкѣ государственнаго права разумѣются постановленія только куріатныхъ и центуріатныхъ собраній. Но въ позднѣйшее время всѣ указанные термины смѣшиваются и постановленія всѣхъ собраній иногда называются (хотя неточно) leges, потомучто права собраній сравниваются и рѣшенія ихъ имѣютъ одинаковую силу.

Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить объ отношеніи сената къ народнымъ собраніямъ, что lex Hortensia 467 г., какъ извѣстно, освободилъ постановленія народныхъ собраній отъ бывшаго ранѣе обязательнымъ для нихъ утвержденія сенатомъ. 287.

Глава 3. Международныя отношенія.

§46. Общія понятія.

Переходя къ вопросу о международныхъ отношеніяхъ римскаго государства, мы должны прежде всего отмѣтить общую основную черту, на которой строились эти отношенія.

Л. XII.

Каждое государство в древнее время представляло из себя полноправную саму-в себе и совершенно замкнутую единицу, которая к другим подобным себе политическим единицам никакого отношения не имеет. Соответственно этому гражданин каждого государства полноправен только на своей территории и совершенно бесправен на чужой, т.е. принадлежащей другому государству; здесь его личность и имущество ничем не ограждены: всякий может присвоить себе его имущество и самого его обратить в рабство. Таким образом очевидно, что в древних международных отношениях господствовал принцип исключительности государств. Понятно, что с такой точки зрения, каждый иностранец был для римлянина врагом, поэтому и термин, выражавший понятие-иностранец, совпадал у них с термином враг. (Слово hostis значит иностранец и враг). Только поздние образуется особый термин-peregrinus для обозначения иностранца. Итак, нормальным международным порядком было отрицательное равновесие государств; но иногда отдельные государства, конечно, могли выходить из этого равновесия, вступая друг с другом во враждебные военные отношения или дружественные по мирным и согласным договорам. Поэтому можно различать две стороны в международных отношениях: враждебную, которая проявляется в войне и дружественную, проявлением которой служат

союзные договоры.

§47. Война.

Враждебныя отношения между отдѣльными государствами проявляются въ военныхъ дѣйствіяхъ другъ противъ друга или короче въ войнѣ. Война есть вооруженное столкновеніе между двумя государствами, поводомъ къ которому является обыкновенно нарушеніе одними изъ государствъ правъ другого. Въ описываемую эпоху такимъ нарушеніемъ очевидно могло быть только вторженіе въ чужую территорію и нарушеніе здѣсь правъ гражданъ; но не являясь (такимъ) такимъ поводомъ нарушеніе правъ гражданъ, находящихся не на своей территоріи. Однако одного факта нарушенія правъ самого по себѣ еще недостаточно для начала военныхъ дѣйствій; нарушенное право можетъ быть возстановлено и помимо войны. И потерпѣвшее государство обязано сдѣлать попытку къ этому, - безъ этого и самая война была бы несправедлива (bellum injustum) и не могла расчитывать на поддержку со стороны боговъ. При такихъ условіяхъ война очевидно являлась какъ бы судебнымъ процессомъ между двумя государствами, при чемъ успѣха могло ожидать только государство, которое дѣйствовало правильно и законно.

Объявленіе войны у римлянъ обставлялось цѣлымъ рядомъ разныхъ формальностей и обрядовъ. Въ случаѣ нарушенія правъ римска-

го государства въ интересахъ законности и справедливости первоначально имъ дѣлалась попытка покончить дѣло мирнымъ путемъ, почему отправлялось къ тому народу, который допустилъ это нарушеніе, особое посольство изъ фециаловъ (см. §13) подъ главенствомъ одного изъ членовъ этой жреческой коллегіи, который назывался pater patratus, потому что онъ являлся въ этомъ случаѣ представителемъ интересовъ отечества. Это отправленіе посольства сопровождалось цѣлымъ рядомъ религіозныхъ формальностей. Такъ, прежде всего, pater patratus обращался къ царю съ вопросомъ желаетъ ли онъ передать ему поученіе объ интересахъ государства; затѣмъ, посольство отправлялось на Капитолій, здѣсь срывалась священная вербена и все посольство украшалось цвѣтами; только послѣ всего этого отправлялось къ нарушителямъ правъ римскаго государства для переговоровъ (res repetere или clarigatio). Если государство давало согласіе удовлетворить Римъ за допущенное нарушеніе его правъ, то войны, конечно, не происходило. Но если государство ... не согласилось на такое мирное удовлетвореніе, то pater patratus возвращался обратно въ Римъ для совѣщаній. Если результатомъ этихъ совѣщаній было рѣшеніе объявить войну, то для этого снаряжалось новое посольство опять съ pater patratus во главѣ, которое и выполняло всѣ формальности, которыми обставлялся въ древнемъ Римѣ этотъ международный актъ.

Pater patratus

Подойдя къ границѣ враждебнаго государства, pater patratus бросалъ на его территорію копье съ обожженнымъ наконечникомъ (hasta praesta), произнося извѣстную формулу. Затѣмъ, посольство идетъ въ главный городъ и повторяетъ формулу объявленія войны предъ первымъ встрѣтившимся гражданиномъ того государства, предъ первымъ укрѣпленіемъ и, наконецъ, въ главномъ городѣ предъ правителями государства (bellum indicere). Послѣ этого послы возвращаются обратно (ихъ личность и въ это время была неприкосновенной) и начинаются военныя дѣйствія. Въ позднѣйшее время, когда предѣлы римскаго государства значительно расширились, выполненіе всѣхъ описанныхъ религіозныхъ формальностей на мѣстѣ будущихъ военныхъ дѣйствій сдѣлалось невозможнымъ, и потому вся эта процедура выполнялась жрецами въ Римѣ на особо предназначенномъ для этого мѣстѣ, а дѣйствительные переговоры и объявленіе войны совершалось полководцемъ, который находился съ войскомъ на границѣ государства, чрезъ особыхъ легатовъ (изъ сенаторовъ). Что касается окончанія войны и ея результатовъ, то они могли быть различны. Иногда война кончалась полнымъ уничтоженіемъ государства (occupatio bellica) при чемъ все населеніе его обращалось въ рабство, а территорія присоединялась къ римскимъ государственнымъ землямъ (ager publicus). Въ иныхъ же случаяхъ римляне сдача побѣжденнаго на милость побѣ-

dedition дителя (dedition). В этом случае государство как политическая единица уничтожалось, но с населением поступали мягко: оно по большей части сохраняло личную свободу (но без власти прав) и ему оставлялась часть территории, а остальная отбиралась в пользу римского государства. В третьих, война могла закончиться заключением продолжительного indutiae перемирия (indutiae), в результате чего было восстановление прежнего отрицательного равновесия между государствами. Наконец, четвертым результатом являлось заключение мира (pax); оно отличалось от indutiae, во-первых, тем, что pax заключался на вечные времена; во-вторых, что важнее, с заключением pax всегда связывалось вступление государств в дружественные отношения, более или менее тесные, смотря по условиям мирного договора.

Таким образом, это само собой подводит нас к рассмотрению второй стороны международных отношений — дружественных.

§ 48. Международные договоры.

Международные договоры, служащие выражением дружественных отношений между государствами, как можно видеть уже из предыдущего, заключались обыкновенно после войны (pax). Но это не было единственным и обязательным поводом к ним; иногда дого-

воры заключались и помимо войны. Заключение договоров, как и вообще важные государственные акты, обставлялось религиозными формальностями и обрядами.

Смотря потому, какія отношенія (более или менее тесныя) устанавливаются мирными договорами, можно различать три различные вида их: 1, amicitia, 2, hospitium publicum (общественное гостеприимство) и 3, foedus. Договоры первого рода устанавливали простую дружбу между государствами (amicitia), в силу которой граждане каждого из договаривающихся государств никаких положительных прав на территории другого не приобретают, они только освобождаются от того бесправія, какое имѣет мѣсто в обычных отношеніях (получают личную свободу и право владѣть своим имуществом).

amicitia

hospitium

foedus

Договоры второго вида (hospitium publicum), кроме уничтоженія бесправія, дают уже и некоторыя положительныя права гражданам другого государства большія или меньшія смотря по частным условіям договора (напр. иностранцы получают судебную защиту в государствѣ, пользуются гостеприимством в нем и т. п.).

Наиболѣе тесныя отношенія устанавливаются договорами третьего вида, которые называются foedus (союз). Эти в свою очередь подразделяются на два вида: foedus aequum (равноправный союз) и foedus iniquum (не-

равноправный). Первый представляет нечто иное как наступательно-оборонительный союз государств, в силу которого каждое из них обязуется помогать другому в наступательных и оборонительных действиях, а во всем прочем союзные государства вполне самостоятельны. Foedus inaequum соответствует современному протекторату; здесь одно государство (или несколько), сохраняя свою внутреннюю самостоятельность, в международных отношениях становится под защиту и покровительство другого, после чего оно без согласия этого последнего уже не может совершать международных актов (объявлять войну, заключать договоры и т. п.); все это совершает за него государство-протектор, которому они обязуются помогать и деньгами и войском.

Эта форма особенно важна потому, что в этой именно форме Рим и распространял свою гегемонию в Италии. Побеждая италийские народы, Рим, строго говоря, не покорял их себе, а заключал с ними foedera iniqua, - при чем они сохраняли свою внутреннюю самостоятельность, но только лишались самостоятельности внешней и обязаны были во всем помогать Риму.

В заключение следует заметить, что строгое соблюдение всех описанных религиозных формальностей международных отношений имело место только в самое древнее время, в позднейшие же времена совершение всех

международныхъ актовъ переходитъ къ свѣтскому органу - сенату, а коллегія феціаловъ занимаетъ положеніе консультаціи при немъ.

Глава 4. Территорія и населеніе.

§ 49. Инкорпорированныя общины и болѣе мелкія политическія раздѣленія.

Распространеніе господства Рима въ Италіи, какъ только что было упомянуто, совершалось въ формѣ заключенія съ побѣжденными государствами foedera iniqua, въ силу которыхъ они поступали подъ римскій протекторатъ, т.е. теряли свою внѣшнюю самостоятельность, будучи однако вполнѣ независимыми въ своемъ внутреннемъ управленіи. Согласно правиламъ foedera iniqua граждане этихъ союзныхъ государствъ (Socii) политическихъ правъ въ Римѣ не имѣли, но въ области гражданскаго права членамъ союза давалась большая или меньшая правоспособность.

Что касается до внутренняго устройства этихъ союзныхъ государствъ, то оно представляло большое сходство съ римскимъ (но не вслѣдствіе подражанія, а потому, что всѣ италійскіе народы при возникновеніи государственной жизни стояли на одной ступени развитія). Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ побѣжденные Римомъ народы лишались и внутренней самосто-

ятельности и включались въ составъ римскаго государства (инкорпорировались). При этомъ имъ могло даваться римское гражданство, но это случалось рѣдко, обыкновенно же ихъ положеніе было таково, что они считались иностранцами, т. е. никакихъ политическихъ правъ въ Римѣ не имѣли, но въ то же время были подданными его и, слѣдовательно, несли всѣ обязанности и повинности подданства. Положеніе ихъ, такимъ образомъ подобно положенію плебеевъ въ старое время (310)

Внутренній строй этихъ инкорпорированныхъ общинъ (бывшихъ государствъ) представляетъ сходство съ римскимъ управленіемъ, но имѣетъ характеръ не государственнаго, а городскаго управленія, потому что сами эти общины потеряли значеніе самостоятельныхъ политическихъ единицъ. Въ каждомъ городѣ инкорпорированной общины составляется особое собраніе гражданъ для рѣшенія различныхъ городскихъ дѣлъ, имѣется также городской сенатъ (decuria); во главѣ управленія стоятъ два высшихъ городскихъ магистрата (duoviri) и, наконецъ, полиціей завѣдуютъ эдилы. Города, имѣющіе такое устройство носятъ названіе municipia, а граждане ихъ municipes, (munus-capere - брать на себя обязанности) т. е. несущими государственныя обязанности. Но не вся, конечно, покоренная территорія состоитъ изъ крупныхъ городовъ (municipia), имѣются въ составѣ ея и болѣе мелкія города (praefecturae, castella, conciliabula и т. п.), и сельскіе округа (vici); управленіе тѣ-

municipia

ми и другими сосредоточивается въ муниципальномъ городѣ (municipia), къ которому они приписаны и вмѣстѣ съ которымъ они составляютъ одну общественную единицу. Такой порядокъ управленія Италіей сложился къ VII = ~~VII~~ вѣку. Въ это время (въ половинѣ VII в.) вспыхиваетъ въ Италіи союзническая война, вызванная тяжелымъ, произвольнымъ характеромъ римскаго протектората. Не смотря на то, что война эта кончается побѣдой Рима надъ союзниками, хотя и давшейся нелегко, Римъ, тѣмъ не менѣе не могъ не понять, что владычество его въ прежней формѣ не можетъ долго оставаться прочнымъ. Эти соображенія и вызвали изданіе lex Plaucia Papiria (въ ~~[illegible]~~ 90 г.), въ силу котораго все населеніе Италіи получаетъ права римскаго гражданства и вслѣдствіе этого, по всей территоріи ея распространяется муниципальный строй; каждое бывшее государство обращается въ муниципію Рима и государственное управленіе переходитъ въ городское, порядокъ котораго намъ уже извѣстенъ. Окончательно закрѣпленъ этотъ муниципальный строй знаменитымъ закономъ Юлія Цезаря о муниципіяхъ (lex Julia municipalis ~~709~~ 46 г., дошедшій до насъ въ подлинникѣ). 45

§50. Колоніи. Раздача земель.

Другой типъ общинъ, входящихъ въ составъ римскаго государства, составляютъ

колоніи. Съ древнѣйшаго времени римское правительство по временамъ выселяло нѣкоторыя части гражданъ на новыя мѣста жительства. Цѣль этого могла быть различна: во-первыхъ, стратегическая, чтобы держать въ подчиненіи населеніе покоренныхъ странъ; во-вторыхъ, цѣль экономическая - дать исходъ избытку населенія въ государствѣ. Эти переселяемыя части римскаго населенія и составляли колоніи. Названіе это (отъ colere - воздѣлывать землю) произошло отъ того, что колонисты надѣлялись отъ государства землей, воздѣлывая которую они могли бы получать средства существованія. По своему внутреннему строю колонія представляетъ ничто иное, какъ вновь образованную (по иниціативѣ главнаго государства) городскую общину, устройство которой тождественно общеиталійскому городскому устройству. Права колоніи или, точнѣе, населенія ея по отношенію къ римскому государству могли быть различны смотря по характеру самой колоніи. Существовали, во-первыхъ, колоніи римскихъ гражданъ (coloniae civium romanorum), члены которыхъ имѣли полныя права римскаго гражданства. Но такія колоніи были рѣдки; съ тѣхъ поръ какъ Римъ сталъ во главѣ латинскаго союза, онъ предпочиталъ устраивать колоніи изъ этихъ союзниковъ (coloniae latinae). Эти послѣднія политическихъ правъ въ Римѣ не имѣли, но пользовались только правоспособностью въ области гражданскаго права (jus

coloniarii). Вообще же эти колонии имели особое так называемое латинское право (jus latii), которое подразделялось еще на два вида: jus latii majus и jus latii minus; разница между ними состоит въ томъ, что по первому всѣ магистраты колоніи получаютъ право римскаго гражданства, а по jus latii minus это право получаютъ только высшіе магистраты колоніи. Въ эти колоніи по желанію могли вступать и римскіе граждане, но при этомъ они уже теряли права гражданства; не смотря на это, такіе переходы бывали не рѣдки, потому что при нихъ отъ государства давался земельный надѣлъ. Этотъ надѣлъ колоніи земли совершался съ соблюденіемъ всѣхъ формъ и обрядовъ основанія города (о нихъ см. §7), потому что колонія представляла изъ себя вновь устраивающую городскую общину. Вся назначенная для колоніи территорія (представлявшая, какъ и тамъ, прямоугольникъ), раздѣлялась на правильные участки, которые и раздавались членамъ колоніи. Если послѣ этого надѣла оставалась еще свободная земля, то она шла въ общественное пользованіе всей колоніи. Вся земля колоніи называлась agri limitati.

Выводъ колоніи совершался въ слѣдующемъ порядкѣ: Всѣ желающіе поселиться въ новой колоніи собираются въ Римѣ, и особый специально-назначенный магистратъ выводитъ ихъ и устрояетъ на новомъ мѣстѣ поселенія, т.е. разграничеваетъ территорію колоніи и уста-

навливать порядокъ управленія.

Въ заключеніе нужно замѣтить, что къ выводу колоній, который раньше производился главнымъ образомъ съ цѣлями стратегическими, позже стали прибѣгать для прекращенія народныхъ волненій, высылая въ колоніи и, по обычаю, надѣляя при этомъ землей входящихъ граждан, которые представляли собою наиболѣе легко возбудимый элементъ городского населенія.

§51. Провинціи и управленіе ими.

Мы видѣли, что владычество Рима въ Италіи распространялось первоначально въ формѣ foedera inіqua, а затѣмъ къ концу VII вѣка вся она получаетъ права римскаго гражданства, и вмѣстѣ съ этимъ муниципальный строй управленія. По совершенно иной политикѣ Римъ держался по отношенію къ завоеваннымъ странамъ и народамъ внѣ Италіи, потому что здѣсь онъ встрѣчался уже не съ племенами родственными ему по духу и по языку, какъ въ Италіи, но совершенно чуждыми, къ которымъ поэтому италійская система была неприложима. Эти завоеванныя внѣ Италіи области назывались провинціями, потому что управленіе ими поручалось первоначально одному изъ высшихъ магистратовъ въ качествѣ особой спеціальной компетенціи (provincia), откуда это названіе перешло и на самую территоріальную область имъ

управляемую.

Образъ дѣйствій Рима по отношенію къ этимъ провинціямъ при ихъ покореніи былъ таковъ. Вся завоеванная территорія объявлялась государственною собственностію (ager publicus), но населеніе со своихъ земель не изгонялось и по большей части сохраняло даже владѣніе землей, но не на правахъ собственника, какового является теперь римское государство, но только на правахъ владѣльца, и за это пользованіе государственной землей оно уплачивало различные налоги (vectigal. Stipendia, tributum). Кромѣ этихъ земельныхъ налоговъ населеніе провинціи, по крайней мѣрѣ, во многихъ случаяхъ облагается еще подушными (подушными) налогами. Благодаря этому провинціи, очевидно, являлись источникомъ доходовъ для государства и служили къ его обогащенію

Что касается общественнаго устройства и управленія покоренныхъ провинцій, то по большей части остается неприкосновенной ихъ прежняя внутренняя организація, если, конечно, она не противорѣчитъ интересамъ Рима. Уничтожается только крутой государственный строй путемъ разложенія его на болѣе мелкія административныя единицы, чтобы не былъ опасной по ихъ централизаціи управленія; кромѣ того эта система предоставляла ту выгоду, что не требовала назначенія для управленія провинціей

лишних магистратов. Таким образом, провинции представляют из себя комплекс отдельных мелких единиц, имеющих общинное самоуправление (в большинстве случаев подобное italийскому).

На территории провинций стоят таки отчасти с целями стратегическими и отчасти экономическими устраивается большое количество римских колоний, которые между прочим являются средством держать население их в покорности. Эти колонии так же, как и italийские, иногда имеют право римского гражданства, но чаще jus latii.

В конце республиканского периода и особенно во времена империи образуется обычай давать отдельным провинциальным округам и общинам в виде особой привилегии так называемое jus Italicum (italийское право), которое состоит в том, что население данной территории получало права римского гражданства, а сама земля по своему положению приравнивалась к italийской (здесь, напр., было уже возможно право частной собственности и т. п.).

Таким образом мы видим, что римские провинции имели самое разнообразное устройство: некоторые части их имели местное общинное устройство, были в них колонии римских граждан и колонии с jus latii и, наконец, отдельные общины с jus Italicum. Все это служило для Рима средством раздвинуть интересы населения и этим предотвратить

опасное соединение его. (Divide et impera)

Первоначальное устройство управления провинцией обыкновенно поручалось полководцу, покорившему ее, для чего ему давались особыя полномочия, на основании которых он издавал для провинции органический статут (lex data), определявший ея организацію. Для выполненія этой задачи магистрат часто получал особых помощников из числа сенаторов.

Въ общих чертах управленіе провинціями организовалось почти вездѣ одинаково. Въ каждую провинцію отправлялся изъ Рима одинъ изъ высших магистратов (преторовъ), а въ послѣдствіи высшій промагистратъ (бывшій магистратъ съ продленною властію. см §30). Этотъ высшій управитель, называвшійся разно: преторомъ, пропреторомъ или проконсуломъ управлялъ провинціей почти съ неограниченною властію, потомучто онъ обладалъ imperium, которое, какъ извѣстно, за предѣлами Рима не имѣетъ никакихъ ограниченій (ни intercessio, ни provocatio); ограниченъ онъ былъ только срокомъ службы. Правда, за его управленіемъ провинціей наблюдали сенатъ и народъ, который по окончаніи срока службы могъ привлечь его къ отвѣтственности, но на дѣлѣ такое привлеченіе къ суду провести было трудно, потомучто провинціальный магистратъ всегда имѣлъ сильную партію въ Римѣ. Благодаря всей организаціи провинцій и ихъ управленія они служили средствомъ къ обогащенію Рима и ма-

магистратов и предметом самой беззастенчивой эксплуатации съ той и другой стороны.

Дальнейшее более мелкое управление провинцией организуется по образцу римского. Главный магистрат имеет помощником квестора, обязанности которого здесь тѣ же самыя, что и въ Римѣ (см. § 38). Въ качествѣ военной и гражданской свиты правитель провинции сопровождаетъ знатной римской молодежи, которая готовится къ административной или военной государственной службѣ. Отдѣльныя лица этой свиты служатъ магистратурѣ для различныхъ особыхъ порученій. Слѣдуетъ замѣтить, что вообще вся магистратура въ провинціи дѣйствовала свободнѣе, чѣмъ въ Римѣ, такъ какъ не имѣла здѣсь тѣхъ ограниченій и стѣсненій, какія существовали для нея тамъ.

Въ частности, высшая уголовная власть въ провинціи принадлежала правителю и квестору. Гражданское же судебное право оставалось мѣстное. Римъ, какъ уже замѣчалось ранѣе, не навязывалъ провинціямъ своего права. Только нѣкоторыя гражданскія права передаются въ вѣдѣніе высшаго магистрата провинціи, какъ, напр., тяжбы съ римскими гражданами, для которыхъ мѣстное право, конечно, не обязательно. Наконецъ, онъ же принадлежитъ и общій надзоръ за гражданскимъ судопроизводствомъ въ провинціи, для чего онъ совершаетъ ежегодные объѣзды ея и, останавливаясь въ главныхъ городахъ, производитъ здѣсь

съ участіемъ мѣстныхъ судебныхъ органовъ гражданскихъ и ревизуетъ ихъ управленіе. При этомъ происходитъ такъ называемый conventus т.е. съѣздъ населенія области къ магистрату для разбора различныхъ дѣлъ.

§ 52. Образованіе новыхъ сословій въ концѣ республиканскаго періода.

Борьба между плебеями и патриціями, какъ извѣстно, закончилась полнымъ уравненіемъ правъ обоихъ сословій, такъ что это сословное дѣленіе, хотя и продолжало существовать дальше, но въ сущности потеряло свое реальное значеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, начало вырабатываться новое дѣленіе населенія на сословія уже на основаніи другихъ признаковъ.

Здѣсь на первое мѣсто слѣдуетъ поставить классъ служилой аристократіи (nobiles). Образованіе этого класса шло слѣдующимъ путемъ. Доступъ къ государственнымъ должностямъ, какъ мы видѣли, постепенно получили одинаково и патриціи и плебеи, но фактически, конечно, достигали магистратуры не какой нибудь плебей или патрицій а только члены значительныхъ патриціанскихъ и плебейскихъ семей. Благодаря этому магистратура постепенно сосредоточивается въ опредѣленной группѣ родовъ, которые нерѣдко въ теченіе долгаго времени дѣлаютъ цѣлый рядъ магистратовъ (напр. роды Фабіевъ, Папиріевъ, Метелловъ и т. п.). Эти лица, занимающія государственную маги-

nobiles

стратуру и ихъ потомство, обладающее также какъ бы правомъ на нее и получаютъ названіе nobiles (извѣстные, знатные) независимо отъ того, принадлежатъ ли они къ патриціямъ или плебеямъ. Съ этимъ наименованіемъ постепенно начинаютъ соединяться различныя права и преимущества, которыя уже выдѣляютъ этихъ лицъ въ особый классъ или сословіе. Главнымъ правомъ нобилитета было - jus imaginum - право имѣть портреты (восковыя маски) предковъ, занимавшихъ курульныя магистратуры. Если какое либо лицо достигало магистратуры помимо происхожденія изъ нобилитета, то оно называлось - homo novus (напр., Цицеронъ).

Далѣе, какъ извѣстно, доступъ въ сенатъ открываетъ только высшая магистратура, вслѣдствіе чего оказывается, что и сенаторскія мѣста занимаются членами нобилитета, которые постепенно получаютъ нѣкоторыя права и преимущества и этимъ выдѣляются изъ ряда обыкновенныхъ гражданъ въ особый классъ - Ordo Senatorius, который окончательно слагается во времена имперіи. Этотъ классъ имѣетъ, напр., въ качествѣ преимущества тогу съ широкой пурпурной каймой и право занимать первыя мѣста на зрѣлищахъ.

Ordo senatorius

Изъ остальнаго римскаго населенія, раздѣленнаго, какъ мы знаемъ, на классы (5), на первомъ мѣстѣ по богатству и вліятельности стоятъ всадники (equites). Часть изъ нихъ состояла въ нобилитетѣ и имѣла доступъ къ

государственными должностями. По кругу новициата равно как и сенаторского сословия скоро оказался фактически замкнутым и новому человеку, хотя бы он и принадлежал к богатому классу всадников, проникнуть туда было трудно. Таким образом, доступ к политической карьере практически был закрыт даже богатейшим членам населения. Эти последние естественно делают попытки проникнуть в эту закрытую для них область, вследствие чего возникает борьба между сенаторским сословием и всадниками. Будучи не в состоянии проникнуть в сферу государственного управления, всадники направляют свою деятельность на другую открытую для них область: они начинают заниматься крупными финансовыми операциями и с государством и частными лицами (они, напр., берут на откуп государственные доходы и расходы). Образуется, таким образом, класс денежной аристократии (капиталистов) из всадников, называемый - ordo equester, который охотно слагается также только в период империи; но некоторые отличительные права они получают и теперь, напр., право носить тогу с узкой пурпурной каймой, золотой перстень и право заседать на зрелищах вторым сословия после сенаторов.

ordo equester

За этой крупной финансовой аристократией (ordo equester) следуют более мелкие капиталисты, которые тоже слагаются в особое сосло-

Tribuni aerarii

віе, называемое tribuni aerarii. (Они берутъ на откупъ различные, сравнительно мелкіе, государственные подряды и поставки).

Наконецъ, все остальное населеніе называется теперь plebs, но уже въ другомъ смыслѣ, именно, какъ низшій, малоимущій классъ населенія (чернь).

Изъ всего сказаннаго можно видѣть, что признаки дѣленія населенія на группы въ республиканское время рѣзко измѣняются и изъ родовыхъ переходятъ въ отношеніе гражданина къ государственной магистратурѣ и экономическому состоянію.

Глава 5. Источники права

I Формы образованія права.

§53. Общій очеркъ.

Переходя къ вопросу объ источникахъ права въ изучаемую эпоху, мы должны прежде всего разсмотрѣть формы правообразованія, дѣйствовавшія въ это время. Формы образованія права въ республиканскій періодъ отчасти остаются тѣже что и въ теченіи предшествующаго (царскаго) періода, но отчасти являются и новыя. Первое мѣсто среди нихъ по прежнему занимаетъ обычное право (mores majorum) и законы — leges. Обѣ эти формы намъ уже извѣстны. Новыми формами являются: senatus consulta и эдикты магистратовъ. Также новый и

чуждый царскому времени источникъ представляетъ научная дѣятельность юристовъ, начинающаяся въ республиканское время.

§ 54. Обычное право.

Говоря о значеніи обычнаго права, какъ источника правообразованія въ республиканскую эпоху, прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что до изданія кодификаціи XII таблицъ оно играло совершенно ту же роль, что и въ предшествующемъ періодѣ. Но и послѣ кодификаціи этотъ источникъ права отнюдь не потерялъ своего значенія, (~~хотя предѣлы~~) хотя предѣлы его дѣйствія нѣсколько сузились. Обычное право получаетъ теперь новое и очень важное значеніе. Во-первыхъ, имъ пользуются какъ лучшимъ средствомъ при толкованіи писаннаго права (закона) и примѣненіи его къ жизни (consuetudo optima legum interpres). Въ этой области обычное право всегда и вездѣ имѣло самое широкое примѣненіе, точно также и въ Римѣ.

Второю областію, гдѣ дѣйствовало и имѣло значеніе обычное право, было дополненіе писаннаго права. Кодификація, какъ бы полна она не была, никогда не можетъ предусмотрѣть всей массы жизненныхъ отношеній; въ ней всегда оказывается рядъ пробѣловъ, которые и заполняются между прочимъ при помощи обычнаго права.

Наконецъ, третья область, гдѣ имѣетъ зна-

чение обычное право - это отмѣна закона путемъ непримѣненія его на практикѣ (desuetudo legis).

§35. Законодательство.

Вторымъ факторомъ правообразованія въ республиканское время является законодательная дѣятельность государства, которая теперь сравнительно съ предшествующимъ періодомъ, значительно оживляется. Главнымъ проявленіемъ этой дѣятельности служитъ кодификація XII таблицъ; это была единственная кодификація данной эпохи. Другой ни до изданія XII таблицъ, ни послѣ нихъ не выходило. Дополненіе же пробѣловъ, которые оказывались въ законодательствѣ XII таблицъ при дальнѣйшемъ развитіи жизни, совершалось не законодательствомъ, а, главнымъ образомъ, путемъ эдиктовъ судебныхъ магистратовъ и дѣятельностію юристовъ.

Общій ходъ проведенія закона въ описываемую эпоху представляется въ слѣдующемъ видѣ. Право законодательной инициативы (т.е. право вносить законопроекты, которые обязательно должны быть разсмотрѣны) принадлежитъ исключительно магистратамъ и народнымъ трибунамъ, частныя же лица этого права не имѣютъ.

Магистратъ, желающій провести какой-л. законъ, вырабатываетъ предварительно законопроектъ, который заранѣе опубликовывается во всеобщее свѣдѣніе, при чемъ эта публикація

должна совершиться не позже какъ за 30 дней (trinae nundinae) до народнаго собранія, на которомъ законопроектъ долженъ быть голосованъ. Въ этотъ тридцатидневный срокъ собираются contiones (сходки), на которыхъ опубликованный законопроектъ обсуждается народомъ; здѣсь каждый желающій можетъ говорить за и противъ закона (suasores, dissuasores legis), здѣсь ведутся и дебаты между противниками и сторонниками предложенія.

По истеченіи тридцатидневнаго срока законопроектъ поступаетъ въ народное собраніе, гдѣ онъ еще разъ прочитывается народу (rogatio см. §45) и затѣмъ уже голосуется, большинство голосовъ опредѣляетъ принятъ законъ или отвергнутъ. Голосующіе за принятіе проэкта пишутъ на подаваемыхъ ими таблицахъ буквы U. R. (uti rogas), голосующіе противъ - букву A. (antiquo). Таковъ былъ внѣшній ходъ изданія закона. Что же касается внутренней стороны дѣла, т.е. содержанія издаваемыхъ законовъ, то относительно этого надо упомянуть о lex Caecilia Didia (~~[illegible]~~ 98), который воспрещалъ leges per saturam ferre, т.е. проводить законы смѣшаннаго содержанія, когда въ одномъ и томъ же законопроектѣ находятся различныя предложенія, не имѣющія между собой внутренней связи. (Типическимъ примѣромъ такихъ законовъ могутъ служить извѣстные намъ leges Liciniae, см. §28). Причиною вызвавшею такой законъ, очевидно, было желаніе предотвратить тѣ случаи, когда смѣшеніемъ разныхъ предложеній въ законѣ заставляли народъ принимать нежелательныя для не- 98

го мѣры или отвергать весь законъ, вообще полезный для него.

Послѣ того, какъ законъ прошелъ чрезъ народное собраніе, онъ опубликовывался, для чего онъ вырабатывался на мѣдныхъ доскахъ и выставлялся на форумѣ, копіи съ него сдавались на храненіе въ государственный архивъ и, наконецъ, если законъ имѣлъ значеніе не только для Рима, но и для другихъ городовъ, то онъ разсылался по нимъ и тамъ также выставлялся на форумѣ на мѣдныхъ доскахъ.

По своему внѣшнему виду текстъ закона состоялъ изъ слѣдующихъ отдѣльныхъ частей. Во-первыхъ, каждый законъ имѣлъ краткій заголовокъ - index, въ которомъ содержалось названіе закона по лицамъ, составившимъ его и провезшимъ въ народномъ собраніи, и по его содержанію (напр., lex Valeria de provocatione, или lex Cornelia de tribunicia potestate и т.п.).

Послѣ index'а слѣдуетъ вторая часть закона praescriptio, представляющая изъ себя вступленіе, въ которомъ кратко указывались обстоятельства изданія закона (т.е. отмѣчалось, когда и гдѣ происходило собраніе, на которомъ утверждался законъ, кто предсѣдательствовалъ на немъ, какая триба голосовала первой и кто подавалъ голосъ первымъ изъ трибы).

Далѣе идетъ rogatio; это главная часть, заключающая въ себѣ изложеніе содержанія закона, которое прочитывалось авторомъ на народномъ собраніи. Здѣсь подробно излагался пред-

л. XIV.

метъ закона.

Наконецъ, четвертая часть - Sanctio (освященіе) указываетъ тѣ мѣры, которыя устанавливаются закономъ для охраненія его, т.е. карательныя мѣры противъ нарушителей.

По характеру этой послѣдней части (Sanctio), т.е. смотря по тому, какія мѣры она устанавливаетъ, законы дѣлятся на три вида: lex perfecta, lex imperfecta plusquamperf. и lex minusquamperfecta. Первые имѣютъ санкцію, которая объявляетъ акты совершенные противъ даннаго закона недѣйствительными. Lex minusquamperfecta не объявляетъ актовъ противныхъ закону недѣйствительными, но налагаетъ наказаніе за совершеніе ихъ. Наконецъ, lex imperfecta никакой санкціи не имѣютъ; такъ, напр., lex Cincia говоритъ, что дареніе свыше извѣстной суммы должно совершаться по опредѣленнымъ правиламъ, но мѣръ къ охраненію этого постановленія никакихъ не указываетъ. Повидимому, исполненіе такихъ законовъ ничѣмъ не ограждалось и ихъ можно было свободно нарушать безъ всякихъ вредныхъ для себя послѣдствій, но на самомъ дѣлѣ нарушеніе ихъ всегда влекло за собой признаніе акта совершеннаго противъ нихъ недѣйствительнымъ, потому что ни одинъ магистратъ никогда не признаетъ дѣйствительнымъ акта противнаго закону, хотя бы и lex imperfecta. Слѣдуетъ замѣтить, что приведенное дѣленіе законовъ имѣетъ значеніе только для гражданскаго права.

Мы знаемъ (изъ §45го), что подъ словомъ lex-

– законъ въ строгомъ смыслѣ разумѣлотая постановленія только центуріатныхъ народныхъ собраній; но существуютъ и дѣйствуютъ еще постановленія другихъ видовъ собраній: трибутныхъ, называемыя plebiscita, и concilia plebis tributa, называемыя plebiscita. Въ теченіи времени эти послѣднія сравниваются по силѣ и обязательности съ постановленіями центуріатныхъ комицій, и потому часто, хотя и не вполнѣ точно называются также leges. Въ виду этого необходимо различать ихъ въ широкомъ смыслѣ, какъ постановленія всѣхъ вообще видовъ народныхъ собраній, и ихъ въ строгомъ смыслѣ слова, т.е. какъ постановленія центуріатныхъ комицій (оба эти вида имѣютъ одинаковую силу, но они различны по происхожденію).

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ законами проведшими чрезъ народныя собранія и здѣсь получившими свое утвержденіе. Это-такъ называемые leges latae (отъ leget ferre – вносить законъ въ народное собраніе). Но кромѣ этихъ leges latae существовалъ еще другой видъ законовъ: такъ называемыя leges datae, которые издавались совершенно другимъ порядкомъ. По своему существу это были законы, налагаемые высшею властію на лицъ подчиненныхъ ей. Внутри римскаго государства эти законы имѣли мѣсто только въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ. Такъ извѣстно, что во время гражданскихъ мятежей и войнъ, происходившихъ въ концѣ республиканскаго времени, для успокоенія государства и приведенія его въ порядокъ прибѣгали къ назначенію чрезвычайныхъ

магистратовъ, которымъ давалась неограниченная власть въ государствѣ и между прочимъ власть законодательная. Постановленія такихъ магистратовъ, имѣющія силу закона, и суть leges datae, потому что они даны народу высшею властію, а не приняты имъ самимъ на собраніи, какъ leges latae. Примѣромъ такихъ leges datae могутъ служить законы Суллы, перваго и втораго триумвиратовъ, Юлія Цезаря и т. п. Юридическимъ основаніемъ силы и обязательности этихъ законовъ является то, что здѣсь народъ самъ заранѣе передаетъ свою законодательную власть извѣстному лицу и уже eo ipso обязуется повиноваться имъ. Но самое широкое примѣненіе leges datae имѣли не въ Римѣ, а въ его. Извѣстно, что полководцу-завоевателю давались полномочія организовать внутренній строй и управленіе покоренной имъ провинціи. Въ силу такого полномочія и для исполненія лежащей на немъ задачи полководецъ и издавалъ leges data, коими опредѣлялъ организацію провинціи (см. 55).

Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что окончившаяся, какъ было упомянуто, въ республиканское время законодательная дѣятельность касалась главнымъ образомъ области государственнаго права, въ развитіи же гражданскаго права роль законодательства стоитъ далеко не на первомъ мѣстѣ. Однако это послѣднее отъ этого нисколько не терпѣло, а скорѣе даже выигрывало: оно развивалось помимо законодательства дѣятельностію судебной власти и юристовъ, и это развитіе, какъ увидимъ впослѣдствіи, шло гораздо быстрѣе и лучше,

чтмъ это могло бы совершаться законодательнымъ путемъ.

§56. Постановленія сената.

к 13.

Третью группу фактовъ развитія права въ республиканскій періодъ составляютъ постановленія сената - Senatus consulta.

Сенатъ, какъ мы знаемъ, вообще имѣлъ большое значеніе въ законодательной дѣятельности государства. Такъ, онъ (въ силу lex Publilia Philonis ~~415~~ г.) обсуждалъ всѣ законопроекты, прежде чѣмъ они поступали въ народное собраніе; здѣсь сенатъ, конечно, имѣлъ сильное вліяніе, такъ какъ всегда могъ остановить дальнѣйшій ходъ законопроекта. Далѣе, сравнительно до поздняго времени (до ~~467~~ г., когда вышелъ lex Hortensia, см. §15) сенатъ въ силу auctoritas patrum имѣлъ право утверждать уже принятые тредъ народное собраніе законы. Наконецъ, сенату же было предоставлено право освобождать по извѣстнымъ уважительнымъ причинамъ отдѣльныхъ лицъ отъ дѣйствія того или иного закона (dispensatio). Напр., сенатъ освобождалъ людей оказавшихъ государственные таланты отъ обязательной вообще постепенности въ прохожденіи государственныхъ должностей, давая имъ право занять сразу высшую должность, на которой они могли быть полезны для государства.

Имѣя такое сильное косвенное вліяніе на законодательную дѣятельность, сенатъ, однако, прямой законодательной власти въ республикан-

сколь періодъ не имѣлъ. Это однако вопросъ спорный. Нѣкоторые историки утверждаютъ, что въ концѣ республиканскаго періода сенатъ уже получилъ эту власть и въ доказательство этого приводятъ слова Цицерона, который перечисляя источники правообразованія указываетъ между прочимъ и Senatûs consulta. Далѣе ссылаются еще на то, что постановленія сената фактически всегда приводились въ исполненіе; слѣдовательно, они имѣли обязательность равную закону. Но не смотря на приведенные доводы, указанное мнѣніе едва ли основательно и вѣрнѣе, повидимому, держаться того взгляда, что сенатъ въ республиканское время законодательной власти еще не имѣлъ. Свидѣтельство же Цицерона легко устраняется, если мы обратимъ вниманіе на то, что онъ жилъ въ эпоху борьбы между сенаторской партіей и демократической (оптиматами и популярами), когда каждая партія старалась приписать себѣ больше правъ и значенія, чѣмъ имѣла Де-facto, и потому онъ, какъ приверженецъ сенаторской партіи, естественно, приписывалъ сенату большее значеніе, чѣмъ онъ имѣлъ въ дѣйствительности.

Что касается втораго довода, что Senatûs consulta всегда приводились въ исполненіе наравнѣ съ закономъ, то съ практической стороны это вполнѣ понятно: магистраты, составлявшіе исполнительную власть, были такъ тѣсно связаны съ сенаторами и находились подъ такимъ сильнымъ его вліяніемъ, что не могли не исполнять его распоряженій; но за то эти послѣднія могли вызывать протесты съ другой стороны, со стороны народа. Такимъ обра-

зать очевидно, что сенатъ по конституціи римской республики законодательной власти не имѣлъ, хотя на практикѣ его распоряженія имѣли силу равную закону. Только во времена имперіи сенатъ получаетъ эту власть.

Въ заключеніе опять-таки необходимо замѣтить, что и senatus consulta относятся имѣлъ образомъ къ области государственнаго права, для гражданскаго же въ этомъ періодѣ они не имѣютъ почти никакого значенія.

§57. Эдикты магистратовъ.

Эдикты магистратовъ являются одними изъ важнѣйшихъ источниковъ права въ періодѣ римской республики. Каждый магистратъ, какъ представитель государственной власти, конечно, имѣетъ право требовать отъ всѣхъ исполненія его распоряженій, которыя издаются имъ въ предѣлахъ его компетенціи. Но въ интересахъ этого исполненія какъ для самого магистрата, такъ и для народа имѣетъ существенную важность, чтобы распоряженія, имѣющія общее значеніе, были извѣстны по возможности заранѣе. Необходима, такимъ образомъ, публикація административныхъ распоряженій. Въ виду этого каждый римскій магистратъ обладалъ правомъ опубликовывать во всеобщее свѣдѣніе свои распоряженія. Онъ имѣлъ въ предѣлахъ своей компетенціи jus edicendi т.е. право издавать эдикта (edicta), которые, так. обр., въ сущности и были имѣлъ

инымъ, какъ публикаціей распоряженій магистратовъ. И самое названіе edictum происходитъ отъ древняго способа публикаціи, который состоялъ въ устномъ объявленіи чрезъ глашатаевъ (ex-dicere). Позже съ появленіемъ письменности форма эта измѣняется, но терминъ остается прежній. Письменный способъ публикаціи состоялъ въ томъ, что эдиктъ магистрата писался на выкрашенной бѣлой краской деревянной доскѣ (in albo) и выставлялся на форумѣ.

Поводы къ изданію эдиктовъ могли быть различны. Одни изъ нихъ издавались по какому-либо частному случаю (напр. по поводу набора войска или производства ценза и т. п.). Такіе эдикты назывались edicta repentina. Но иногда 1)
издавались эдикты и на все время служебной дѣятельности магистрата, т. е. на срокъ его должности. Это такъ называемые edicta perpetua. Въ такого рода эдиктахъ обыкновенно магистратъ объявлялъ правила, которыми онъ намѣренъ руководиться въ своей дѣятельности. Напр., преторъ объявлялъ о времени производства имъ суда по разнымъ дѣламъ, порядокъ и правила, которыхъ онъ намѣренъ держаться при этомъ и т. п. 2)

Что касается юридической силы и продолжительности дѣйствія эдиктовъ, то относительно перваго нужно сказать, что правила и распоряженія, содержащіяся въ эдиктѣ магистрата имѣютъ силу только въ предѣлахъ компетенціи его, т. е., они обязательны для всѣхъ

тъхъ лицъ, которые имѣютъ какое-л. отношеніе къ этому магистрату. Но сила эдиктовъ не распространяется на другихъ магистратовъ, потому что компетенціи ихъ различны. (Поэтому, напр., преторъ назначаетъ въ своемъ эдиктѣ извѣстный день для суда, а консулъ можетъ въ это же время собирать народное собраніе). Точно также необязательны эдикты и для всѣхъ тѣхъ, которые не имѣютъ отношенія къ магистрату, издавшему его.

Продолжительность дѣйствія эдиктовъ, само собой понятно, была равна сроку службы магистрата; поэтому Цицеронъ называетъ эдиктъ lex annua, такъ какъ срокъ службы магистратовъ былъ годичный.

И въ томъ и другомъ отношеніи, слѣдовательно, эдиктъ строго отличается отъ закона, который, во-первыхъ, обязателенъ для всѣхъ и каждаго, во-вторыхъ, издается на неопредѣленное время (впредь до отмѣны). Законодательной власти магистратъ не имѣетъ (plebem leges facere non potest), распоряженія магистрата, поэтому, силы закона также имѣть не могутъ. Эдикты судебныхъ магистратовъ по самой задачѣ ихъ дѣятельности обыкновенно имѣютъ такое содержаніе: въ немъ преторъ публикуетъ правила, по которымъ онъ будетъ производить судъ между тяжущимися сторонами. Здѣсь, во-первыхъ, могутъ быть объявлены правила судопроизводства, дни и часы судебныхъ засѣданій, сроки разбора дѣлъ, сло-

собы привлечения ответчика къ суду и т.п. При этомъ, что особенно и важно, могутъ объявляться и такія правила, которыя преторъ намѣренъ держаться въ самомъ ближнемъ будущемъ (напр., онъ объявляетъ, что вещи, взятыя на сохраненіе, онъ будетъ требовать возвратить владѣльцу и т.п.). Такимъ образомъ, эдикты устанавливаютъ и матеріальныя нормы права.

Итакъ, мы видѣли въ преторскихъ эдиктахъ два рода правилъ: съ одной стороны правила внѣшняго порядка судопроизводства (процессуальныя) и съ другой - правила матеріальныя собственно гражданскаго права. Но здѣсь возникаетъ слѣдующій важный вопросъ: (~~громадное количество правилъ обоего права~~): громадное количество правилъ обоего рода (и процессуальныхъ и матеріальныхъ), конечно, опредѣлилось уже самымъ законодательствомъ тѣмъ болѣе, что претура, какъ извѣстно (см. §§ 28 и 36), явилась уже послѣ изданія полной кодификаціи XII таблицъ; спрашивается, какое же значеніе имѣли преторскіе эдикты и въ какомъ отношеніи стояли они къ законодательству. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ сказать, что эдикты безъ сомнѣнія повторяли очень многое изъ законодательства (напр., правила законнаго времени давностей). Въ этомъ случаѣ преторы дѣйствовали, какъ говорили римляне, adiuvandi iuris civilis gratia, т.е. помогали цивильно-

му праву, повторяя и пополняя въ своихъ эдиктахъ нѣкоторыя правила его, соединяя въ одно цѣлое правила, разбросанныя въ немъ по разнымъ мѣстамъ, и, наконецъ, развивая нѣкоторыя общія правила законодательства, давая этимъ самымъ имъ большую опредѣленность.

Но съ другой стороны эдикты шли далѣе и дальше этого adjuvandi juris civilis. Законодательство, какъ бы оно полно ни было, всегда можетъ имѣть нѣкоторые пробѣлы; оно опредѣляетъ только главное и существенное, многое же имъ опускается. Пополненіе этихъ пробѣловъ законодательства и предоставляется дѣятельности примѣнителей права, т. е. судебной власти и отчасти юрисдикціи.

Такимъ образомъ открывается еще новое значеніе эдиктовъ судебныхъ магистратовъ, какъ исполнителей законодательства; это обозначается терминомъ suppletendi juris civilis gratia. Эта сторона судебныхъ эдиктовъ имѣетъ особенную важность. Благодаря ей эдикты преторовъ, какъ было уже упомянуто, явились однимъ изъ главнѣйшихъ факторовъ развитія гражданскаго права, котораго законодательство коснулось очень мало. (см. §55). Гражданскія отношенія вмѣстѣ съ жизнью быстро развивались, но новыхъ законодательныхъ нормъ, которыя соотвѣтство-

вали бы новыми отношениями, не издавалось; потребность въ нихъ удовлетворялась, главнымъ образомъ, именно эдиктами судебныхъ магистратовъ, которые содержали новыя, дополняющія законодательство, нормы. Такой ходъ развитія гражданскаго права (помимо законодательства) имѣлъ еще ту выгоду, что эдикты имѣли силу только на время службы магистрата, издавшаго его; слѣдующій же магистратъ могъ принять нѣкоторыя правила прежняго эдикта въ свой, но могъ и отмѣнить нѣкоторыя изъ нихъ, если онъ находилъ ихъ неудовлетворительными. Такимъ образомъ устанавливается постоянная провѣрка сформулированныхъ эдиктомъ нормъ, что, конечно, способствуетъ совершенствованію права.

Наконецъ, можно различать въ эдиктахъ судебныхъ магистратовъ еще и третью сторону, имѣющую не менѣе важное значеніе. По мѣрѣ того, какъ развиваются жизненныя отношенія, нѣкоторыя регулирующія ихъ законодательныя нормы оказываются уже устарѣвшими и неудовлетворяющими новымъ потребностямъ жизни. Это-общее явленіе, объясняющееся тѣмъ, что законодательство по самой своей структурѣ развивается медленно и не успѣваетъ за жизнію. -Тоже самое было и въ Римѣ. Такъ, напр., законъ XII таблицъ былъ изданъ применительно къ тогдашнему

кругу городской жизни, каковой была въ то время жизнь римскаго государства; но послѣ того, какъ Римъ сталъ во главѣ всей Италіи, а затѣмъ и всего міра, то законы эти и по формѣ и по содержанію, конечно, уже не могли удовлетворять новымъ сложнымъ отношеніямъ гражданской жизни. Его нормы устарѣли и требовали измѣненія сообразно новымъ потребностямъ. И здѣсь является на помощь праву опять такъ органы судебныхъ магистратовъ, которые осуществуютъ corrigendi juris civilis gratia. Старыя, отжившія и уже непригодныя нормы не отмѣнялись законодательнымъ порядкомъ, но онѣ замѣнялись новыми, издаваемыми въ органахъ судебныхъ магистратовъ. Здѣсь возникаетъ вопросъ, на какомъ же основаніи магистратъ могъ осуществовать вопреки закону и даже измѣнять его и какъ народъ допускалъ такой его произволъ?

Первый вопросъ разрѣшается тѣмъ, что высшій судебный магистратъ, обладаетъ дискреціоннаго властію (imperium), въ силу которой онъ, осуществуя въ предѣлахъ своей компетенціи, можетъ всякаго, имѣющаго отношеніе къ нему, заставить повиноваться своимъ распоряженіямъ. Поэтому онъ всегда могъ настоять на своемъ постановленіи, хотя бы оно и противорѣчило закону, тѣмъ болѣе, что и низшіе помощники

его обязаны подчиняться его распоряжениям.

Второй вопрос более труден, и можно указать историков, выражающих недоумение по поводу того, что римский народ допускал отмену закона по произволу магистратов. Но это легко объясняется тем, что преторы, отменяя законы и ставя на место их новые нормы, опять-таки не по своему личному усмотрению и произволу) вопреки общественному мнению, а напротив, они всегда шли за этим последним. Когда само общество уже сознавало неудовлетворительность прежнего закона, и когда сама собой назрела среди него новая норма, тогда только преторы давали ей формулировку в своих эдиктах. Естественно, поэтому, что это изменение ими закона всегда встречало общество на своей стороне и никакого протеста и сопротивления не вызывало. Таким образом, очевидно, что издание преторами в своих эдиктах новых, заменяющих законы норм было не подлинного права, а естественным развитием его.

Из всего сказанного можно видеть, что эдикты, имея такое важное значение в развитии права, сами должны были разрости в целую законодательную систему, существующую рядом с прямым законодательством (XII таблиц).

Эта система и есть ничто иное, какъ jus honorarium (о которомъ мы упоминали въ §29), т.е. магистративное право, потому что оно создавалось путемъ судебной деятельности магистратовъ. Какъ наиболее соответствующее отношеніямъ жизни jus honorarium беретъ перевесъ надъ законодательствомъ и становится въ области гражданскихъ отношеній на первое мѣсто.

Если-бы каждому претору при изданіи эдикта въ началѣ своей судебной дѣятельности требовалось создавать совершенно новыя нормы, то эта задача была бы очень тяжела и требовала бы для своего выполненія большое количество времени, но дѣло обстояло иначе; изданіе эдикта въ сущности сводилось къ пересмотру эдикта предшественника даннаго магистрата и состояло отчасти въ измѣненіи нѣкоторыхъ его нормъ, отчасти же въ сокращеніи и дополненіи ихъ. Благодаря этому скоро образуется такая часть эдиктовъ, которая неизмѣнно переходитъ изъ одного въ другой, часть, называемая pars edictalicia или, иначе, edictum perpetuum. Послѣдній терминомъ назывался, какъ мы уже видѣли, первоначально, эдикты, издававшіеся на все время службы магистрата, въ противоположность edictum repentinum, но теперь это названіе имѣетъ другое значеніе и противополагается edictum novum,

т.е. изменяющейся части эдикта.

Далее, въ вопросъ объ эдиктахъ заслуживаетъ вниманія слѣдующее обстоятельство. Такъ какъ сила эдиктовъ основывалась на дискреціонной власти претора, то опасной стороной его было то, что связывая всѣхъ, имѣвшихъ отношенія къ претору, онъ, другими словами, нисколько не связывалъ этого послѣдняго. Преторъ всегда могъ измѣнить и отмѣнить свой эдиктъ; это, само собой понятно, открывало широкій просторъ для произвола, противъ котораго, однако, долгое время не принималось никакихъ мѣръ. Объясняется это тѣмъ, что фактически этотъ произволъ былъ тѣмъ не менѣе ограниченъ: во-первыхъ, онъ сдерживался присущимъ каждому магистрату сознаніемъ, что отступленіями отъ своего собственнаго эдикта онъ можетъ подорвать свой авторитетъ и лишиться довѣрія и уваженія; во-вторыхъ, онъ ограничивался и правомъ интерцессіи со стороны его коллегъ по должности и привиллегій. Первой же законодательной мѣрой, направленной противъ этого произвола, былъ lex Cornelia (Суллы) 66 687 года, который постановилъ: ut praetores ex edictis suis perpetuis jus dicerent т.е. что бы преторы творили судъ, не отступая отъ своего эдикта, изданнаго при вступленіи въ должность. Такимъ образомъ, сила эдиктовъ была распространена

и на самихъ издателей или авторовъ ихъ.

Что касается внутренней системы эдиктовъ, то этотъ вопросъ очень темный, потому что ни одинъ эдиктъ не дошелъ до насъ въ цѣлости, и сохранились только отрывки и при этомъ уже въ позднѣйшей переработкѣ, такъ что по нимъ трудно возстановить систему ихъ содержанія. Можно только сказать, что вообще эдикты представляли изъ себя сборники не матеріальныхъ нормъ права, но правилъ процессуальныхъ, касающихся порядка судопроизводства. Если же и встрѣчались въ нихъ нормы матеріальнаго права, то онѣ скрывались подъ формою правилъ процессуальныхъ (напр., преторъ объявилъ, что, если кто не возвратитъ взятой вещи собственнику, то противъ такого человѣка онъ дастъ судъ; здѣсь, очевидно, въ формѣ процессуальнаго правила заключается собственно норма матеріальнаго права, что утаивающій чужую вещь подлежитъ судебной отвѣтственности). Причина этого заключается въ томъ, что собственно законодательной власти преторъ не имѣетъ и, слѣдовательно, не можетъ издавать матеріальныхъ нормъ; онъ можетъ только пользоваться своей судебной властію для примѣненія юридическихъ нормъ.

Въ заключеніе укажемъ подробнѣе судебныхъ магистратовъ, эдикты которыхъ

ними главное значение въ развитіи гражданскаго права. Это были: во-первыхъ praetor urbanus - эдикты котораго касались тяжбъ между римскими гражданами; во-вторыхъ praetor peregrinus - рѣшавшій гражданскія дѣла по тяжбамъ гражданъ съ иностранцами и иностранцевъ между собою; далѣе имѣютъ значеніе эдикты курульныхъ эдиловъ, касавшіеся рыночныхъ сдѣлокъ, и, наконецъ, эдикты провинціальныхъ правителей, которые завѣдывали судомъ въ подвѣдомственныхъ имъ провинціяхъ.

§38. Дѣятельность юристовъ.

Научная дѣятельность юристовъ, начинающаяся съ республиканскаго времени, является четвертымъ факторомъ образованія и развитія права въ данную эпоху и при томъ факторомъ новымъ, чуждымъ предшествующему періоду. Въ древнѣйшее время, какъ мы знаемъ, право, какъ и всѣ другія области государственной и общественной жизни, стоитъ въ самой тѣсной связи съ религіей и жрецествомъ (ср. §) и поэтому изученія и науки права, какъ отдѣльныхъ дисциплинъ не существуетъ. При этихъ условіяхъ право есть лишь частная и при томъ далеко не важнѣйшая отрасль сакральныхъ знаній.

Что касается того, насколько полезна

была эта связь права съ религіей для обоихъ сторонъ, то слѣдуетъ сказать, что въ какой степени она была полезна для права, въ такой, наоборотъ, вредна для религіи. Польза этой связи для права состояла въ томъ, что она, внося въ право строгій формализмъ способствовала выработкѣ навыка въ этой области къ строгому анализу нормъ и точной формулировкѣ ихъ, чѣмъ именно и отличались позднѣйшіе юристы Рима.

Но будучи полезной въ указанномъ отношеніи для права эта строгая школа крайняго формализма для самой религіи была, наоборотъ, очень вредна, потому что благодаря ей народъ привыкалъ обращать вниманіе и соблюдать только внѣшнюю форму въ религіи, опуская существенное, т.е. внутреннее религіозное чувство, вслѣдствіе чего религія обращается въ обрядность; недостатокъ - въ высокой степени замѣчаемый въ жизни римскаго народа позднѣйшихъ эпохъ.

Нач. 145

Тотъ фактъ, что знаніе права и его изученіе въ древнѣйшее время сосредоточивалось въ коллегіи понтифовъ, имѣлъ своимъ необходимымъ послѣдствіемъ то, что, слѣдовательно, это изученіе доступно было только патриціямъ, которые одни имѣли доступъ въ жреческія коллегіи. Такое положеніе дѣла измѣнилось нѣсколько (но не

столько, какъ можно было бы ожидать) со времени изданія XII таблицъ, послѣ чего общія юридическія нормы стали извѣстны всему народу. Однако это общенародное знаніе права было еще далеко не полнымъ. Во-первыхъ, область религіознаго права не вошла въ XII таблицъ и, слѣдовательно, оставалась неизвѣстной народу. Во-вторыхъ, имѣетъ важность не одно только теоретическое знаніе права, но еще большую-умѣнье примѣнять его на практикѣ, а это, именно, и находилось въ рукахъ понтифовъ и было замкнуто кругомъ ихъ коллегіи. Этимъ, между прочимъ, объясняется истинный смыслъ одного позднѣйшаго преданія, которое говоритъ, что въ старое время понтифы намѣренно скрывали отъ народа право, что бы держать власть въ своихъ рукахъ. Хотя самый фактъ сокрытія права не заслуживаетъ довѣрія, однако это преданіе вполнѣ вѣрно отмѣчаетъ ту черту, что право доступно только понтифамъ и знаніе его замкнуто въ ихъ кругѣ. Но такой порядокъ имѣлъ мѣсто только въ самое древнѣйшее время, - съ теченіемъ же времени право все болѣе и болѣе теряетъ свой сакральный характеръ, выходитъ изъ религіозной области и дѣлается достояніемъ всего народа, принимая уже чисто свѣтскій характеръ. Это обусловливалось естественнымъ ростомъ права; та-

ким образом постепенно вырабатывается сознание, что право составляет отдельную от религии область.

Это освобождение права от оков религии вместе с ростом его проявилось в многих отдельных моментах. Так, во-первых, в половине V века происходит следующий факт. Секретарь (scriba) Аппия Клавдия, вольноотпущенник Гней Флавий (вероятно не без ведома своего патрона) обнародывает судебный календарь, в котором содержатся указания, по каким дням возможно разбирательство судебных дел и в какие оно не допускается. Так как ранее это было известно только понтифам, то такой поступок Гнея Флавия был, по понятиям того времени, важной реформой, потому что его народ освобождался от необходимости в каждом отдельном случае обращаться к понтифам. В благодарность за это народ избирает на следующий год Гнея Флавия на должность курульного эдила. (Это, между прочим, был первый случай занятия магистратуры вольноотпущенным, см. § 33). Сделавшись магистратом, Гней Флавий идет дальше и опубликовывает так называемые legis actiones, т.е. судебные формулы. Этот поступок Гнея Флавия имел еще большую важность, потому что в этих формулах и состояла

собственно область практическаго примѣненія права, которая, такимъ образомъ, дѣлается открытой и доступной для народа. Опубликованныя Кнеемъ Флавіемъ legis actiones носятъ названіе jus Flavianum (юридическія труды Флавія). Далѣе, въ 454 году по lex Ogulnia, какъ извѣстно, плебеи получаютъ доступъ къ понтификату и этимъ, очевидно, открывается имъ возможность полнаго знакомства съ правомъ, которое было сосредоточено въ этой коллегіи. А такъ какъ плебеи менѣе, чѣмъ патриціи были связаны религіозными традиціями, то благодаря этому и самое право получаетъ болѣе свѣтскій характеръ. Но, какъ извѣстно, не всѣ плебеи точно также, какъ и патриціи, достигали магистратуры и понтификата, а только знатнѣйшіе изъ нихъ. Поэтому, какъ ранѣе знаніемъ права обладали только нѣсколько знатныхъ родовъ (каковы, напр. Аппія Клавдія, Папирія и т. п.), такъ и теперь (съ 454 г.) изъ плебеевъ выдвигается рядъ знатоковъ права, принадлежащихъ къ нѣсколькимъ родамъ, напр. Муціи, Катоны и др.

Наконецъ, въ началѣ VI вѣка (501 г.) великимъ понтифомъ дѣлается первый плебей, Тиберій Корунканій (Tiberius Coruncanius). Ставши такимъ образомъ во главѣ изученія права, которое было сосредоточено въ подвѣдомственной ему коллегіи, Тиберій

Коруncаній производитъ крупную реформу въ этой области. Онъ начинаетъ допускать на свои консультаціи по юриспруденціи постороннихъ слушателей, т.е. лицъ не состоящихъ членами коллегіи (онъ первый - primus jus civile publice profitері coepit). Съ этого времени знаніе и изученіе права уже безпрепятственно распространяется въ народѣ и, какъ слѣдствіе этого, начинается съ этого времени рядъ свѣтскихъ юристовъ.

Sextus Aelius

Изъ юристовъ стараго времени (до VII в.) замѣчательны слѣдующіе. Во-первыхъ, Sextus Aelius, происходившій изъ плебейскаго рода Элiевъ и бывшій около 556 года консуломъ, а въ 560 цензоромъ. Онъ издалъ большое сочиненіе, озаглавленное имъ Tripertita (потомучто оно состоитъ изъ 3хъ книгъ), но въ народѣ болѣе извѣстное подъ названіемъ jus Aelianum. Сочиненіе его, какъ уже показываетъ названіе, состоитъ изъ трехъ частей. Первая представляетъ ничто иное, какъ текстъ XII таблицъ; а вторая - объясненіе его interpretatio duodecim tabularum. По всей вѣроятности не всѣ толкованія составлены самимъ Секстомъ Элiемъ, но здѣсь собраны толкованія, которыя вырабатывались юристами въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Наконецъ, третья часть содержитъ въ себѣ legis actiones (судебныя формулы), но въ болѣе полномъ объемѣ,

I

II

III

нихъ они приведены у Кнея Флавія.

Далѣе слѣдуютъ три знаменитые юриста: Публій Муцій Сцевола, Марк Юній Брутъ и Марк Манилій. Ихъ дѣятельность Помпоній характеризуетъ тѣмъ, что они jus civile fundaverunt, т.е. основали гражданское право. Что онъ разумѣетъ подъ этимъ основаніемъ, въ точности сказать трудно. Вѣроятнѣе всего, надо полагать, что эти три юриста положили начало систематизаціи гражданскаго права, т.е., его научной разработкѣ. Послѣ нихъ (съ VII в.) начинается новая эпоха, въ которую римское право и юриспруденція достигаютъ полнаго развитія и своего высшаго развитія. Но прежде чѣмъ перейти къ этой эпохѣ, сдѣлаемъ общій очеркъ дѣятельности юристовъ стараго времени. Цицеронъ въ частности указываетъ слѣдующія функціи ихъ дѣятельности: cavere, edere, agere и scribere.

Первое - cavere есть нѣчто иное, какъ дача юридическихъ совѣтовъ по различнымъ затруднительнымъ вопросамъ. Первоначально эта дѣятельность всецѣло находилась въ рукахъ понтификовъ и только со времени Тиберія Коруункація, который primus publice respondit, т.е. первый сдѣлалъ дачу юридическихъ совѣтовъ публичной, она получаетъ болѣе широкіе предѣлы.

Термин cavere указывает уже на другую область, хотя и сходную с первой. Это - ряд предварительных советов, которые имеют цель предохранить клиента от могущих произойти от его юридической неопытности и незнания ошибок. Юрист указывает, например, как следует совершить известный юридический акт, как составить договор и т. п.

Agere - обозначает судебную защиту юристами-практиками интересов их клиентов.

Наконец, под термином scribere следует, очевидно, разуметь письменную деятельность юристов, но не авторскую, которая развивается позднее, а главным образом касающуюся первых двух областей, т. е. agere и cavere; таким образом, это есть ничто иное, как ряд письменных консультаций, составление проектов, юридических актов и т. п.

Относительно всего этого деления следует заметить, что оно носит чисто внешний характер и ничего не говорит нам о более важном моменте - о внутреннем характере и содержании деятельности юристов данной эпохи. С этой стороны их деятельность до начала VII века, когда она получает строго научный характер, была главным образом казуистической. Вся их деятельность

состояла в interpretatio XII tabularum, применительно к различным частным случаям. Однако необходимо заметить, что это interpretatio понимается не в том смысле, как в настоящее время, оно обозначает особую самостоятельную область юридической деятельности. В настоящее время под толкованием (interpretatio) разумеется та работа юриста, которая имеет целью только открыть истинный смысл закона, не внося в него ничего нового. Древнее же interpretatio имеет совершенно иной характер. По точному переводу interpretatio значит посредничество, в данном случае, очевидно, между законом и жизнью; соответственно этому оно не ограничивается только раскрытием истинного смысла закона, но заботится также и о том, чтобы все новые запросы жизни к праву были подведены под действующий закон. Понятно, что при этом деятельность юриста является не только комментаторской но и творческой: он должен истолковать закон так, чтобы действие его распространялось и на новые отношения развивающейся жизни. Например, закон XII таблиц говорит, что если отец три раза продаст сына в кабалу, то этот последний освобождается от отеческой власти. Юристы позднейшего времени воспользовались XV.

зовались этими законами, чтобы создать искусственную формулу освобождения от отеческой власти, которая вызывалась потребностями современной им жизни; они прибегали для этого освобождения трехкратную фиктивную продажу и таким образом всетаки остались верны старому закону, хотя в сущности создали совершенно новую норму. Такими путями римские юристы приобрели навык подводить под устаревшія нормы закона совершенно новыя юридическія отношенія и достигли въ этомъ отношеніи огромнаго мастерства, что имѣло очень важное значеніе въ виду того, что законодательство, послѣ изданія XII таблиц. какъ бы замираетъ на долгое время, и является существенная необходимость приспособить его къ новымъ отношеніямъ далеко опередившей его жизни.

Въ заключеніи слѣдуетъ замѣтить, что юристы развившейся изъ древнѣйшей эпохи вліяли на развитіе права еще и другими косвенными средствами; такъ они были привлекаемы магистратами къ участію при изданіи ими эдиктовъ и при рѣшеніи дѣлъ; и здѣсь юристы, конечно, имѣли возможность проводить въ жизнь свои взгляды и юридическія познанія.

Но съ VII в., какъ было уже упомяну-

то, начинается новая и еще болѣе важная эпоха въ дѣятельности римскихъ юристовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ развитіи права. Съ этого времени начинается научная разработка права, систематизація его. Изъ юристовъ этой эпохи на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить Квинта Муція Сцеволу, бывшаго въ половинѣ VI вѣка (+671 г.) великимъ понтифомъ, почему онъ и называется обыкновенно Quintus Mucius Scaevola pontifex maximus. Онъ замѣчателенъ тѣмъ, что первый изложилъ въ системѣ содержаніе гражданскаго права въ своемъ сочиненіи, состоящемъ изъ 18 книгъ, (primus jus civile generatim constituit in libros octo et decem redigendo, какъ говоритъ Помпоній). Какова была эта система, относительно этого можно дѣлать только предположенія, потомучто отъ его сочиненія сохранилось только четыре небольшихъ отрывка. Съ Квинта Муція Сцеволы начинается рядъ ученыхъ юристовъ. Хотя учителемъ въ собственномъ смыслѣ онъ не былъ и учениковъ не имѣлъ, но онъ допускалъ къ своимъ консультаціямъ въ качествѣ великаго понтифа, постороннихъ лицъ, и въ этомъ смыслѣ имѣлъ цѣлую школу послѣдователей. Изъ такихъ послѣдователей Квинта Муція Сцеволы наиболѣе выдающимися были Lucilius Balbus юристъ-тео-

ретикъ и [2] Cajus Aquilius Gallus-юристъ практикъ. Претура этого послѣдняго имѣла реформаторскій характеръ. Въ своемъ эдиктѣ, изданномъ при вступленіи въ должность, онъ проводилъ много новыхъ мѣръ и распоряженій. Еще болѣе плодотворна была его дѣятельность въ качествѣ судьи. Но былъ ли онъ авторомъ неизвѣстно; письменныхъ трудовъ послѣ него не осталось.

Послѣ трехъ названныхъ юристовъ выдвигается ученикъ ихъ Servius Sulpicius Rufus, который занимаетъ еще болѣе высокое мѣсто въ ряду римскихъ юристовъ. По своей научной подготовкѣ С. С. Руфъ былъ особенно способенъ къ реформаторской дѣятельности. Первоначально онъ готовился къ судебно-ораторской карьерѣ и для этого изучалъ философію и реторику. Но онъ скоро отказался отъ этой дѣятельности и, какъ передаетъ Помпоній, по слѣдующему поводу. Такъ какъ судебные ораторы собственно юридической подготовки не имѣли, то за совѣтами по технически-юридическимъ вопросамъ они обращались къ юристамъ по спеціальности. Такъ и С. С. Руфу однажды пришлось обратиться къ К. М. Сцеволѣ съ вопросомъ; тотъ далъ отвѣтъ, но Руфъ не понялъ его и долженъ былъ переспросить Сцеволу дважды въ отвѣтъ на что и полу-

чим отъ последняго упрека „turpe esse patricio et nobili et causas oranti jus in quo versaretur ignorare". Этотъ упрекъ такъ подтверждаетъ на Р. Рѣдка, что онъ обратился къ специальному изученію права, причемъ онъ привлекъ къ эту область свою философскую подготовку, которая принесла ему здесь большую пользу. Какъ авторъ Р. Р. Рѣдкъ оставилъ около 180 книгъ юридическаго содержанія (до насъ не сохранилось изъ нихъ почти ничего) и кромѣ этого положилъ основаніе цѣлой школѣ последователей, которая и называется большею частію собирательнымъ именемъ Servii auditores. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательны слѣдующіе. 1, Aufidius Natta, написавшій 40 книгъ digest'ъ (digesta отъ digere), которыя представляли сводъ трудовъ предшествующихъ юристовъ. 2, Aulus Ofilius, 3, Cajus Trebatius Testa и 4, Quintus Tubero, ученикъ Офилія, живший уже въ самомъ концѣ республики.

Наконецъ, послѣдній вопросъ, который слѣдуетъ разсмотрѣть въ этомъ отдѣлѣ о дѣятельности юристовъ, это вопросъ о системѣ изученія права. Какъ мы знаемъ, сначала право изучалось въ коллегіи понтификовъ; затѣмъ, отдѣльными учеными и, наконецъ, явились уже спеціальные учителя, читающіе учениковъ.

Въ общей системѣ обученія важнѣ-

лись три послѣдовательныя ступени: instituere, instruere, и audire. Instituere - это первоначальная ступень обученія, состоящая въ краткомъ и самомъ общемъ наставленіи о правѣ. Вторая ступень (instruere) состоитъ уже въ болѣе подробномъ и детальномъ изученіи права. Наконецъ, audire представляетъ способъ изученія права путемъ присутствованія на консультаціяхъ извѣстныхъ юристовъ. Здѣсь слушали лица уже прошедшія первоначальную подготовительную школу. Весьма вѣроятно, что также шло обученіе и въ древнѣйшее время, когда этимъ дѣломъ завѣдывала коллегія понтифовъ; вновь вступавшій въ составъ ея членовъ сначала проходилъ школу первоначальной подготовки (instituere), а потомъ уже допускался и къ консультаціямъ (audire). Но точныхъ свѣдѣній объ этомъ мы не имѣемъ.

II Матеріальное содержаніе и характеръ юридическихъ нормъ.

§ 59. Jus civile, jus gentium, jus naturale.

Послѣ обзора факторовъ образованія и развитія права въ данную эпоху мы должны перейти теперь къ разсмотрѣнію его матеріальнаго содержанія и общаго харак-

тера. Римские юристы указывают, что все право римского народа состоит из трех основных видов или норм: 1, jus civile, 2, jus gentium и 3, jus naturale.

Первое т.е. jus civile по словам Цицерона и Гая, есть то право, которое само государство или народ устанавливает для себя (quod quisque populus ipse sibi jus constituit, id ipsius proprium est vocaturque jus civile, quasi jus proprium civitatis). Это те юридические нормы, которыя вырабатывались обычным правом или законодательством именно римского государства. Jus civile противополагается во-первых jus honorarium, органами развития котораго являются эдикты магистратов, имеющие силы закона; во-вторых, противополагается aequitas, т.е. справедливости, потому что эта последняя выше, чем jus civile; наконец, понятие jus civile противополагается двум дальнейшим формам права: jus gentium и jus naturale.

Для того, чтобы уяснить себе, что такое jus gentium необходимо прежде всего приложить основной принцип древних международных отношений. Это, как мы знаем (из § 45), был принцип исключительности государств, в силу которой каждое государство было совершенно замкнутой политической единицей и граж-

Римлян его пользовался правами только в его предѣлахъ, въ чужой же территоріи онъ былъ совершенно безправенъ и это безправіе простиралось и на область гражданскаго права. Послѣ всего сказаннаго само собой понятно, что область jus civile была доступна только римскимъ гражданамъ и совершенно закрыта для всѣхъ не состоящихъ въ числѣ ихъ. Они послѣдніе имѣть собственность и вступать въ сдѣлки по этому праву не могутъ. Между тѣмъ безъ сношенія римлянъ никакія сношенія съ сосѣдними государствами и вступаніе въ различныя сношенія съ гражданами этихъ государствъ (напр. торговыя), не смотря на теоретическую самостоятельность и замкнутость государства. Но всѣ подобныя отношенія, понятно, не могли регулироваться jus civile, которое приложимо только къ римскимъ гражданамъ и точно также не могли регулироваться и правомъ того народа, къ которому принадлежалъ контрагентъ, напр. сабинскимъ, или самнитскимъ и т.п. Поэтому въ области частныхъ международныхъ сношеній необходимо должно было выработаться свое особое право, независимое отъ національнаго права того или другого народа. Такое право, фактически и вырабатывалось слѣдующимъ образомъ. Въ случаѣ споровъ и столкновеній между римлянами и иностранца-

ли, рѣшеніе ихъ предоставлялось особымъ судамъ, которые назначались на каждый отдѣльный случай и составлялись изъ сограждан ъ той и другой изъ спорящихъ сторонъ, которые рѣшали дѣла по совѣсти и своему усмотрѣнію. Эти лица, входившія въ составъ такихъ международныхъ судовъ, назывались recuperatores (отъ recipere-получать вещь обратно). Благодаря обычному праву и судебной дѣятельности рекуператоровъ постепенно вырабатываются особыя правила, регулирующія международныя отношенія; совокупность этихъ правилъ и составляетъ общее гражданское международное право, или jus gentium, пользуются ими всѣ народы. Если бы jus gentium сохранило всегда только одно это значеніе, то оно составляло бы незначительную отрасль права и потому не заслуживало бы особеннаго вниманія съ нашей стороны. Но на самомъ дѣлѣ оно имѣло еще другое и при томъ болѣе важное значеніе. Такъ какъ jus gentium было достояніемъ одинаково всѣхъ народовъ, то, очевидно, что отдѣльные члены этихъ народовъ могли пользоваться имъ въ своихъ сношеніяхъ не только съ гражданами, но и между собой. Такъ именно поступали и римскій народъ, руководясь jus gentium и въ своихъ внутреннихъ сноше-

чтобъ, благодаря чему оно отличается какъ бы второю частью римскаго гражданскаго права. Первая часть – jus civile – специально римское право и вторая – jus gentium – право, выработавшееся преимущественно въ международныхъ сношеніяхъ, но приложимое и къ внутренней жизни. При этомъ jus gentium имѣетъ даже нѣкоторое преимущество предъ jus civile. Какъ сложившееся путемъ свободнаго соглашенія, оно отличается большею свободою, чѣмъ jus civile, въ немъ нѣтъ такихъ относительныхъ для сношеній правилъ и формальностей, какія оказываются въ послѣднемъ; эта часть римскаго гражданскаго права составляетъ прогрессивной элементъ сравнительно съ jus civile, которое отличается неподвижностью. Этою раздвоенностью гражданскаго права обусловливается параллельность юридическихъ институтовъ, которые существуютъ рядомъ другъ съ другомъ. Такъ существуетъ, напр., dominium (право собственности) ex jure civile и dominium – ex jure gentium.

Изъ всего сказаннаго относительно jus gentium мы видимъ, что оно имѣетъ двоякую важность и значеніе; во-первыхъ, какъ частное международное право и, во-вторыхъ, какъ внутреннее гражданское право, и при томъ свободное отъ отсталости jus civile. Римскіе юристы, характеризуя jus gentium, говорятъ, что оно основывается на

здравомъ разумѣ (ratio naturalis) всего человѣчества (quod naturalis ratio inter omnes homines constituit, id apud omnes populos peraeque custoditur vocaturque jus gentium, quasi quo jure omnes gentes utuntur). Такимъ образомъ, это право зиждется не на національныхъ основахъ, а на здравомъ смыслѣ народовъ, что однако нисколько не препятствуетъ ему имѣть широкое примѣненіе и во внутреннихъ гражданскихъ отношеніяхъ.

Что касается, наконецъ, третьяго вида нормъ римскаго права - jus naturale, то оно имѣетъ меньшее значеніе сравнительно съ первыми двумя формами. Въ различныя времена подъ jus naturale понимали различное. Первый далъ его опредѣленіе Цицеронъ, но не самостоятельно; онъ заимствуетъ это опредѣленіе у греческихъ философовъ-стоиковъ. Эти послѣдніе, замѣчая, что при всемъ различіи между правами различныхъ народовъ въ нихъ есть однако и большія сходства (напр., бракъ, отеческая власть, общее сознаніе справедливости и т. п.), заключали отсюда (а за ними и Цицеронъ), что всѣ такіе общіе правовые понятія основаны на общемъ законѣ природы (lex naturale) или, по мнѣнію нѣкоторыхъ, на lex divina. Въ эту область jus naturale какъ стоики, такъ и Цицеронъ относятъ и всѣ правила

морали, смѣшивая такимъ образомъ право съ нравственностью.

На другой стадіи развитія римской юриспруденціи, у классическихъ юристовъ (II вѣка по Р. Хр.) мы снова встрѣчаемся съ понятіемъ jus naturale, но уже съ инымъ значеніемъ. Ульпіанъ, характеризуя это право, говоритъ: „jus naturale est, quod „natura omnia animalia docuit. Nam „jus istud non humani generis proprium „est, sed omnium animalium quae in caelo, „quae in terra, quae in mari nascuntur. Hinc „descendit maris atque feminae conjugatio „(al. conjunctio) quam nos matrimonium „appellamus; hinc liberorum procreatio et „educatio. Videmus etenim cetera quoque „animalia istius juris peritia censeri". Такимъ образомъ онъ разумѣетъ подъ нимъ то право, которому природа научаетъ всѣхъ живыхъ существъ, - которое свойственно не только людямъ, но и всѣмъ животнымъ. Сюда относятся, напримѣръ, половыя сношенія (у людей бракъ), воспитаніе дѣтей (семейное право) и т. п. Въ такомъ толкованіи jus naturale можетъ видѣть указаніе на тотъ фактъ, что есть нормы права, которыя имѣютъ основу въ физической природѣ человѣка, какъ живого существа; они регулируютъ физическія отношенія человѣка и этимъ придаютъ имъ правовой характеръ. Такія нормы есть у

всѣхъ народовъ, но нельзя сказать, что и животныя, которыя имѣютъ эти физическія отношенія, руководятся такими же нормами; необходимо различать самое отношеніе и норму его регулирующую.

Такимъ образомъ очевидно, что это опредѣленіе далеко расходится съ Цицероновскимъ. По опредѣленію Цицерона jus naturale есть главнымъ образомъ область этики (нравственности), а здѣсь напротивъ область физическихъ отношеній. Но вообще относительно понятія jus naturale слѣдуетъ замѣтить, что практическаго значенія для развитія права оно не имѣло.

§60. Органы, вліявшіе на развитіе и обработку каждой изъ указанныхъ группъ права.

Разсмотрѣвъ три основныя формы права, существовавшія въ изучаемую эпоху, мы должны перейти къ вопросу о томъ, какіе же органы вліяли на развитіе и обработку каждой изъ этихъ формъ.

Прежде всего замѣтимъ кратко, что на развитіе jus naturale, какъ мы видѣли, вліяли отвлеченныя философскія теоріи, почему именно оно и не имѣло практическаго жизненнаго значенія, и затѣмъ перейдемъ къ другимъ болѣе важнымъ формамъ.

Jus civile развивается во-первыхъ, од-

ствіемъ обычнаго права (mores majorum) и, во-вторыхъ, законодательствомъ государства. Это послѣднее и есть собственно jus civile, которое народъ самъ устанавливаетъ для себя. Далѣе, сильное вліяніе на развитіе jus civile оказываютъ Senatus consulta и эдикты магистратовъ, которые регулируютъ практическое примѣненіе гражданскаго права, развиваютъ частныя подробности этого права и, наконецъ, что особенно важно, могутъ даже отмѣнять нѣкоторыя отдѣльныя нормы его (пропуская ихъ въ своихъ изложеніи). Но собственно прямымъ и непосредственнымъ источникомъ права Senatus consulta и эдикты не являются, потому что новыхъ матеріальныхъ нормъ они установить не могутъ. Наконецъ, громадное значеніе для развитія jus civile имѣла дѣятельность юристовъ и прежде всего въ формѣ interpretatio, подъ которой, какъ мы знаемъ, разумѣется между прочимъ подведеніе новыхъ отношеній подъ старыя нормы гражданскаго права. Собственно эта научная дѣятельность ихъ имѣла для jus civile то значеніе, что придавала ему научную обработку и систематизацію.

Что касается факторовъ развитія jus gentium, то, во-первыхъ, оно развивается путемъ обычаевъ, существовавшихъ какъ во внѣшнихъ международныхъ, такъ и

внутренних сношениях. Законодательство къ числу такихъ факторовъ не относится, но за то особенное значеніе имѣютъ здѣсь эдикты магистратовъ. До учрежденія должности praetor peregrinus, разборъ споровъ между иностранцами и римлянами по всей вѣроятности принадлежалъ городскому претору, но онъ рѣшалъ эти дѣла не юрисдикціонно, а назначалъ для этого рекуператорскій судъ. Путемъ практики этихъ судовъ мало по малу и вырабатывались нормы jus gentium. Когда же въ VI вѣкѣ область сношеній Рима расширяется, а вмѣстѣ съ этимъ начинаетъ особенно сильно развиваться область jus gentium, тогда для завѣдыванія этой областью назначается особое юрисдикціонное лицо - praetor peregrinus. Понятно, что его эдикты, которые вообще издаются магистратами въ предѣлахъ ихъ компетенціи, касались главнымъ образомъ области jus gentium; они именно и отчасти эдикты городского претора явились факторами формулирующими и проводящими въ жизнь, слагавшіяся практически нормы jus gentium. Не малое значеніе имѣли въ этомъ отношеніи эдикты провинціальныхъ правителей, которые признавали въ своихъ областяхъ не римское гражданское право, но свободное отъ національности jus gentium.

Не менѣе важна была въ этой области и дѣятельность юристовъ, на долю которыхъ выпала точная и ясная формулировка нормъ этой области права и научная его обработка.

III. Дошедшіе до насъ памятники.

§ 61. XII таблицъ.

Главнымъ памятникомъ законодательства въ періодъ римской республики, какъ было замѣчено ранѣе, являются знаменитыя XII таблицъ. Въ подлинникѣ эти XII таблицъ до насъ не дошли. По преданію они погибли при разгромѣ Рима Галлами (въ 364 г.). Въ послѣдующее время погибшіе законы, конечно, могли быть возстановлены, но было ли это сдѣлано въ дѣйствительности, точно неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ уже позднѣйшіе римскіе грамматики и юристы подлиннаго текста XII таблицъ не имѣли. А Т. Ливій прямо говоритъ, что они возстановлены не были. Однако, не смотря на это свѣдѣній о законахъ XII таблицъ сохранилось много. Это объясняется тѣмъ важнымъ значеніемъ, которое онъ имѣлъ для жизни. Во-первыхъ, законодательство XII таблицъ, какъ мы знаемъ, было добыто народомъ путемъ упорной борьбы, — оно впервые уста-

новило равенство сословій и ограничило произволъ магистратовъ; все это и придавало ему особую силу и значеніе. Далѣе, это законодательство de jure оставалось дѣйствующимъ въ теченіе многихъ вѣковъ (до времени Юстиніана). Хотя въ дѣйствительности большинство его нормъ было отодвинуто на задній планъ эдиктальнымъ правомъ (jus honorarium), но эдикты собственно только развивали нормы того-же законодательства, они чтили его какъ свое основаніе или исходный пунктъ. Знаніе XII таблицъ считалось поэтому какъ бы долгомъ чести для каждаго гражданина и знакомство съ ними было народу широко распространено.

Кромѣ того, законодательство XII таблицъ имѣло еще важное образовательное значеніе: XII таблицъ изучались даже въ элементарныхъ школахъ. Благодаря этому знаніе законовъ XII таблицъ было широко распространено въ народѣ. Но этотъ же самый фактъ имѣлъ и нѣкоторыя нежелательныя послѣдствія, именно, онъ способствовалъ утратѣ подлиннаго текста XII таблицъ, потому что народъ, зная содержаніе ихъ, которое, при томъ, онъ изучалъ не въ подлинникѣ, а въ переложеніи, не обращалъ вниманія на форму. Вслѣдствіе этого первоначальный подлинный текстъ XII таблицъ скоро совершенно утратился.

тым болѣе, что съ разрушеніемъ латинскаго языка они уже устарѣли и сдѣлались непонятными! Въ виду этого многіе позднѣйшіе юристы (Sextus Aelius, Sextus Caius, Servius Sulpicius Rufus, Ant. Labeo, Sajus и др.) и грамматики начинаютъ комментировать текстъ XII таблицъ. Въ этихъ комментаріяхъ и сохранились до нашего времени отрывки изъ XII таблицъ, которые хотя и не въ подлинномъ изложеніи однако, безъ сомнѣнія, вѣрно передаютъ содержаніе законовъ этого кодекса. Но, прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этого содержанія, слѣдуетъ поставить вопросъ объ источникахъ разсматриваемой кодификаціи. Главнымъ (образомъ) источникомъ, безъ сомнѣнія было для нея существовавшее въ то время обычное право (mos majorum), но при кодификаціи его, безъ сомнѣнія, были сдѣланы и нѣкоторыя новыя дополненія и измѣненія. Кромѣ этихъ источниковъ, извѣстно еще, что нѣкоторое вліяніе на кодификацію XII таблицъ имѣло греческое законодательство. Преданіе говоритъ, что предъ составленіемъ ея было отправлено посольство изъ трехъ лицъ въ Аѳины и на о. Критъ для изученія греческаго права, и оно привезло съ собой богатый матеріалъ. Кромѣ того въ самомъ составленіи кодекса XII таб-

лись участвовали греки Гермодор (которому поставлена была даже статуя на форуме). Это подтверждается и следующим фактом. В 1880 г. на о. Крите около деревни Гортины были открыты камни с древними надписями. После разбора этих надписей оказалось, что в них заключается древнее критское законодательство, т. наз. „Гортинские законы", еще более древние, чем законодательство XII таблиц, и во многих статьях сходные с этим законодательством. Таким образом, влияние греческого законодательства на XII таблиц несомненно, но трудно сказать с точностью, на сколько же сильно было это влияние. Во всяком случае оно не было особенно крупным. С точностью можно отметить только 2-3 нормы, заимствованные из греческого законодательства, громадное же большинство их имеет своим источником обычное римское право.

Содержание XII таблиц было очень обширно. Это была всеобщая кодификация, касавшаяся различных областей права. Об этом свидетельствуют те определения римских юристов, называя XII таблиц „velut corpus omnis Romani juris", или „fons omnis publici privatique juris", а Цицерон говорит: „totam civilem scientiam, descriptis omnibus civ-

totis utilitatibus ac partibus, XII tabulis contineri" Это подтверждается и сохранившимися отрывками, которые относятся къ различнымъ областямъ права: и къ гражданскому праву и гражданскому процессу, уголовному праву, публичному и полицейскому.

Такой значительный и важный какъ въ юридическомъ такъ и въ историческомъ отношеніи памятникъ древности, какимъ является законодательство XII таблицъ не могъ не привлекать къ себѣ вниманія науки и въ томъ направленіи, чтобы попытавшись по возможности возстановить его въ подлинномъ видѣ, получить его подлинный текстъ.

Эта общая задача распадается на двѣ, имѣющія болѣе частный характеръ. Для исполненія ея необходимо было, во-первыхъ собрать всѣ тексты, какіе дошли изъ законовъ XII таблицъ до нашего времени, во-вторыхъ, вновь расположить эти тексты въ томъ порядкѣ, какой они занимали въ подлинномъ законодательствѣ XII таблицъ.

Отрывковъ законовъ XII таблицъ до насъ дошло довольно много; затеряно, безъ сомнѣнія еще больше. Многіе сохранены въ буквальной передачѣ, другіе-въ свободной передачѣ древнихъ авторовъ, третьи-лишь въ общихъ свѣденіяхъ о содер

НК

знания того или другого правила XII таблиц. Наибольший интересъ представляютъ, конечно, тексты первой группы; историческую ценность имѣютъ всѣ.

Во всякомъ случаѣ - рѣшеніе первой половины задачи (собираніе текста) особенныхъ трудностей представить не можетъ. Вторая же половина - расположеніе текстовъ въ графическомъ порядкѣ, была много сложнѣе.

Данныя для ея рѣшенія имѣются слѣдующія. Относительно нѣсколькихъ текстовъ имѣются прямыя указанія на какомъ именно мѣстѣ XII таблицъ они стояли (Festus v. uis: „in secunda tabula secunda lege scriptum est"), но такихъ весьма немного. Порядокъ другихъ текстовъ возстановленъ, насколько это возможно, на основаніи слѣдующаго предположенія.

Немалое число римскихъ юристовъ писали комментаріи (толкованія) къ законамъ XII т. (такія толкованія писали между прочимъ Sextus Aelius, Pacius Catus, Servius Sulpicius Rufus, Antistius Labeo, Gaius). Изъ этихъ комментаріи многое до насъ дошло въ особенно полномъ видѣ комментаріи Гая въ 6ти книгахъ (изъ нихъ много отрывковъ принято въ Дигесты Юстиніана). Можно почти съ достовѣрностью предполагать, что всѣ эти комментаторы въ своемъ изложеніи слѣдовали порядку

текста закона, такъ что текстъ, который у нихъ стоитъ раньше, - стоитъ раньше и въ законѣ и т. д. Можно думать даже, что, напр., въ комментаріяхъ Гая каждая изъ 6-ти книгъ охватываетъ собой двѣ изъ 12-ти таблицъ законовъ.

Все это вмѣстѣ взятое даетъ уже немало указаній на то, какимъ образомъ должны быть расположены древнѣйшіе до насъ отрывки XII таблицъ и въ настоящее время удалось, насколько это вообще возможно, возстановить съ достаточной точностью дошедшій до насъ матеріалъ. Умѣлій и времени на это, однако, затрачено не мало.

Изъ прежнихъ работъ въ этомъ направленіи слѣдуетъ упомянуть о трудахъ французскихъ юристовъ Якова Годфреда (15-го вѣка), знаменитаго Кюяція (16-го вѣка) и французскаго филолога Скалигера (16-го в.).

Въ началѣ настоящаго столѣтія вышли фундаментальныя работы германскаго ученаго Дирксена „Uebersicht der bisherigen Versuche zur Kritik und Herstellung des Textes der Zwölftafelgesetzgebung". На этомъ трудѣ Дирксена и „построены, въ общемъ, всѣ послѣдующія работы, изъ которыхъ слѣдуетъ упомянуть главнымъ образомъ о трудахъ Voigt'a „Die Zwölf Tafeln" и Schöll'я „Leges duodecim tabularum". Для учебныхъ цѣлей можно пользоваться изданіемъ Bruns'a „Fontes juris Romani anti-

ции" (ed. 5. p. 14-39). 1/XI.

§62. Остальные памятники.

1. Законы (leges). – Списки, содержащие обозрение отдельных законов, изданных в течение республиканского периода можно найти напр. у Lange. Römische Alterthümer II². стр. 397 сл., 654 сл. (ср. и Rudorff. Röm. Rechtsgesch. I. §§ 10-44).

Из этих законов, текст которых до нас дошел в подлинном виде, можно упомянуть прежде всего об отдельных отрывках, сохранившихся в буквальной передаче в сочинениях древних авторов. Сюда относятся, напр.: lex Plaetoria de jurisdictione, l. Aquilia de damno, l. Silia de ponderibus publicis, l. Papiria de sacramentis, l. Cincia de donationibus и др. (Ср. Bruns. Fontes, ed. 5. p. 43-46).

Большого внимания заслуживают те отрывки законов, текст которых дошел до нас непосредственно, в образах древних надписей (на досках, колоннах и т. п.). Из этих важнейшие следующие:

1, т. наз. Бантийская доска (Tabula Bantina). – Вр 1790 г., на листе древнего города Бантии (Bantia, ныне Oppido) в Лукании, были найдены обломки бронзовой доски, хранящиеся теперь в неаполитанском музее. Доска исписана

съ обѣихъ сторонъ; на одной сторонѣ помѣщенъ текстъ на оскскомъ языкѣ (lex osca tabulae Bantinae), на другой — на латинскомъ (lex latina tabulae Bantinae). — Оскскій текстъ, по всей вѣроятности, есть законъ, опредѣляющій городское устройство союзной Риму бантійской общины и данный этой общинѣ римскими уполномоченными въ первой половинѣ 7го вѣка. — Латинскій текстъ, по всей вѣроятности, есть отрывокъ изъ lex Julia repetundarum 628 г. — Въ точности, однако, содержаніе ни того ни другаго текста по различнымъ причинамъ (недостаточная извѣстность оскскаго языка, отрывочность найденныхъ обломковъ) установлена быть не можетъ (Bruns. Fontes ed. 5 p. 46-53).

126

2. Отрывки l. Aciliae repetundarum (631 или 632 г.) и l. (Thoriae?) agrariae (643 г.). Обломки большой бронзовой доски, на которой были выгравированы эти законы (l. Acilia на передней, l. agraria на задней ея сторонѣ) были найдены когда и гдѣ неизвѣстно, но обратили на себя вниманіе изслѣдователей уже въ началѣ 16го вѣка. — Всѣхъ обломковъ прежде было 11, два изъ нихъ впослѣдствіи вновь затеряны (списки съ нихъ, однако, сохранились); изъ девяти оставшихся 7 находятся въ настоящее время въ итальянскомъ національномъ, 2 въ вѣнскомъ музеѣ. — Воз-

123

становленіе текста обоихъ законовъ оказалось нелегкой задачей потому, что для прочтенія его прежде всего необходимо было установить съ точностью взаимное отношеніе отдѣльныхъ обломковъ доски: обломки эти не составляютъ связнаго цѣлаго, а относятся къ различнымъ мѣстамъ доски (ср. рисунки на 55 и 56 стр. у Bruns. Fontes ed. 5). Эта задача была окончательно рѣшена лишь въ нашемъ вѣкѣ германскимъ ученымъ Кленце, послѣ чего самые тексты были редактированы имъ-же, Цумптомъ, Моммсеномъ и Рудорфомъ (Bruns. Fontes. ed. 5 p. 53-88).

Оба закона относятся къ эпохѣ партійной борьбы и аграрныхъ волненій 7го вѣка. Первый изъ нихъ (l. Acilia repetundarum) устанавливаетъ извѣстныя правила для уголовныхъ процессовъ (quaestiones) о взяткахъ и вымогательствахъ (repetundae) должностныхъ лицъ. - Второй (l. agraria) - относится къ способамъ пользованія общественной землей и, главнымъ образомъ, къ пошлинѣ (vectigal), взимаемой съ лицъ, владѣющихъ участками такой земли.

3. Отрывокъ изъ l. Cornelia de XX quaestoribus - Бронзовая доска, на которой выгравированъ текстъ этого закона была найдена въ Римѣ подъ развалинами храма Сатурна и опубликована въ 16-мъ

въ Римѣ; въ настоящее время она находится въ итальянскомъ музеѣ. - Доска эта есть 8-ая и вѣроятно послѣдняя изъ ряда досокъ, на которыхъ были записаны законы Суллы (673 г.) объ увеличеніи числа квесторовъ до 20-ти, о правахъ и обязанностяхъ этихъ магистратовъ. - Сохранившаяся доска содержитъ въ себѣ лишь 11 главъ изъ правилъ этого закона, которыя касаются низшаго должностнаго персонала (apparitores), состоящаго въ вѣдѣніи квесторовъ, почему въ прежнее время сохранившуюся отрывку и давали имя - lex de scribis viatoribus praeconibus (Bruns. Fontes ed. 5. p. 88-91).

4. Lex Antonia de Termessibus. - Бронзовая доска, содержащая начало текста закона (плебисцита 683 г.), была найдена одновременно съ предыдущей и на томъ же мѣстѣ; въ настоящее время находится въ итальянскомъ національномъ музеѣ. Весь законъ занималъ по крайней мѣрѣ 4 или 5 досокъ, изъ которыхъ мы имѣемъ только первую. Законъ этотъ есть плебисцитъ, проведенный въ народномъ собраніи трибуномъ Антоніемъ съ товарищами и регулирующій отношенія къ Риму города Термесса въ Писидіи (въ малой Азіи). Bruns. Fontes ed. 5. p. 91-94.)

5. M. наз. tabula Heracleensis. - Въ 1732 г. вблизи древняго города Геракліи

л. XVII.

(нынѣ Пистиччіо) въ Луканіи были найдены 3 бронзовыя доски, въ настоящее время находящіяся въ неаполитанскомъ музеѣ. На передней сторонѣ этихъ досокъ имѣется греческая надпись (городское постановленіе - φήφισκια - Гераклеи), на обратной сторонѣ двухъ изъ нихъ - довольно значительные по объему остатки одного изъ постановленій римскаго народнаго собранія, по всей вѣроятности закона Юлія Цезаря 709 г., регулировавшаго устройство муниципальнаго управленія италійскихъ городовъ (lex Julia municipalis. - Bruns. Fontes. ed. 5. p. 101-110).

6. Lex Rubria (de Gallia cisalpina) и т. наз. fragmentum Atestinum. - Въ 1760 г. въ развалинахъ древняго города Веллеи (нынѣ Мачинесси вблизи Пьяченцы) была вырыта бронзовая доска, находящаяся въ настоящее время въ Пармскомъ музеѣ. - Надпись на ней есть отрывокъ (4ая таблица) закона Рубрія о юрисдикціи муниципальныхъ магистратовъ верхней Италіи (Gallia cisalpina), получившей право римскаго гражданства при Юліѣ Цезарѣ, но къ Италіи въ собственномъ смыслѣ слова еще окончательно не причисленной (послѣднее сдѣлано имп. Августомъ). Годъ изданія этого закона по всей вѣроятности 709 (во всякомъ же случаѣ между 705 и 712). - Въ 1880 г. въ об-

ласти Атестѣ (нынѣ Эсте) въ бывшей трансѣаданской Галліи найдены три небольшихъ обломка бронзовой доски, находящіеся нынѣ въ городскомъ музеѣ въ Эстѣ. Надпись на этихъ обломкахъ (fragmentum Atestinum) есть, быть можетъ, еще небольшая отдѣльная часть того-же закона Рубрія (Bruns. Fontes. ed. 5 p. 95-101).

7. Lex coloniae Juliae Genetivae (т. наз. lex Ursonensis). - Въ 1870 г. и 1874 г. въ Испаніи, вблизи древняго города Урсо (Urso, нынѣ Оссуно; отсюда названіе l. Ursonensis) найдены были 5 обломковъ бронзовыхъ досокъ, на которыхъ былъ выгравированъ законъ (lex data), опредѣлявшій городское устройство, управленіе и территоріальныя отношенія выведенной въ Испанію въ началѣ 8-го вѣка колоніи римскихъ гражданъ (Colonia civium Romanorum) - colonia Julia Genetiva. - Въ первоначальномъ видѣ законъ занималъ не менѣе 8-ми или 9-ти досокъ; изъ нихъ до насъ дошло 4, 1 въ полномъ видѣ (хотя и разломанная на двѣ части), 3 въ обломкахъ. - Colonia Julia Genetiva была выведена въ Испанію въ 710 г., по приказанію Юлія Цезаря, въ область города Урсо, территорія котораго была отнята Цезаремъ у города въ наказаніе за то, что жители Урсо были ревностными приверженцами Помпея въ

междуусобной войнѣ между нимъ и Цезаремъ. (Bruns. Fontes. ed. 5. p. 118-136).

Кромѣ приведенныхъ выше, до насъ изъ республиканскаго періода дошло тѣмъ-же путемъ еще нѣсколько менѣе значительныхъ по объему и содержанію памятниковъ, о которыхъ говорить подробнѣе излишне.

II. Постановленія сената (Senatus consulta). - Изъ нихъ въ непосредственномъ видѣ дошли до насъ слѣдующіе остатки:

1, т. наз. Sct. de Bacchanalibus. - Бронзовая доска, на которой содержится эта надпись найдена въ 1640 г. въ Тиріоло въ Бруціумѣ и съ 1727 г. находится въ Вѣнѣ. Содержаніе ея относится къ подавленію въ 568 г. въ Италіи вакханалій (празднествъ въ честь бога Вакха, выродившихся въ преступное тайное общество). - Дошелъ до насъ, однако, не самый сенатусконсультъ, а очень неполный отрывокъ копіи съ него, посланной изъ Рима магистратамъ in agro Teurano. - Sct. de Bacchanalibus интересенъ, между прочимъ, тѣмъ, что это есть вторая по древности латинская надпись, до насъ дошедшая (первое мѣсто занимаетъ т. наз. decretum L. Aemilie Pauli отъ 565 г., найденный въ Испаніи, въ горахъ Гибралтара). 186 189

2. т. наз. Sct. de Tiburtis. - Бронзовая доска, на которой содержится текстъ,

найдена въ половинѣ 16го вѣка въ Тибурѣ и потомъ вновь затеряна. - И здѣсь мы имѣемъ не подлинный сенатусконсультъ, а лишь сообщеніе претора Л. Корнелія, адресованное къ Тибуртинцамъ и передающее содержаніе касающагося ихъ постановленія сената.

3. Sct. de Asclepiade Polystrato Menisco. - Обломокъ бронзовой доски съ этой надписью былъ найденъ въ 16мъ вѣкѣ въ Римѣ и теперь хранится въ Неаполѣ. - Надпись на доскѣ на двухъ языкахъ, на греческомъ и латинскомъ; изъ нихъ сохранилась, и то не вполнѣ, только первая, отъ второй осталось всего нѣсколько строкъ. - Постановленіе сената (отъ 676 г.) содержитъ въ себѣ различныя привилегіи, данныя тремъ адмираламъ грекамъ за вѣрную службу Риму во время союзнической войны.

4. Т. наз. Sententia Minuciorum. - Бронзовая доска найдена въ 1560 г. въ долинѣ Полчеверо близъ гор. Генуи, въ которомъ она въ настоящее время и сохраняется. - И эта надпись содержитъ въ себѣ не сенатусконсультъ, а рѣшеніе третейскихъ судей, назначенныхъ сенатомъ по просьбѣ сторонъ для разсмотрѣнія пограничнаго спора между Генуей и городкомъ (castellum) Langenses Vituvii; третейскими судьями сенатъ наз-

началъ Кв. и М. Минуціевъ Руфовъ, потомковъ завоевателя Лигуріи, консула 577 г. кв. Минуція Руфа. Ср. Bruns. Fontes. ed. 5. p. 151, 157, 158. 32.

Отдѣлъ 3. Принципатъ.

§63. Паденіе республики, и установленіе новаго строя и его общая характеристика.

Причины, которыми обусловливался упадокъ республиканскаго строя и затѣмъ окончательное паденіе римской республики въ половинѣ VIII вѣка, были различны. Какъ во всѣхъ крупныхъ общественныхъ событіяхъ, и здѣсь дѣйствовали причины, и нравственныя и экономическія и, наконецъ, политическія. Съ точки зрѣнія собственно государственнаго права важно указать на слѣдующіе моменты.

Весь VII вѣкъ римской исторіи представляется исполненнымъ внутреннихъ волненій и неурядицъ въ государствѣ. Въ немъ постоянно происходятъ столкновенія и ведется упорная борьба партій, (партіи сенаторовъ и партіи демагоговъ или, иначе, оптиматовъ и популяровъ).

Внѣшнимъ выраженіемъ этой борьбы является цѣлый рядъ законодательныхъ мѣръ, которыя всѣ носятъ партійный характеръ. Сюда относятся, во-первыхъ, leges

tabellariae - законы о подачѣ голосовъ на народныхъ собраніяхъ. Каждая партія старается организовать эту подачу такъ, чтобы она давала ей перевѣсъ въ борьбѣ; поэтому открытая - устная подача, которая существовала до этого времени, замѣняется закрытой - письменной; что даетъ широкій просторъ для подкуповъ, которыми и пользуются партіи.

Во-вторыхъ, издаются leges cibariae законы о продовольствіи бѣдныхъ классовъ населенія, которыми партіи хотѣли привлечь эти классы на свою сторону.

Въ-третьихъ, leges agrariae, т.е. законы о раздачѣ земель и распредѣленіи земельныхъ налоговъ, которые имѣли туже цѣль, что и предшествующіе.

Въ то время какъ внутри государства происходитъ такая борьба партій, внѣшніе предѣлы его благодаря многимъ удачнымъ войнамъ быстро расширяются. Римъ дѣлается центромъ уже не только италіи, но всего тогдашняго міра; развиваются его внѣшнія сношенія и торговля, при чемъ Римъ, какъ центръ, сосредоточиваетъ въ себѣ многочисленныя богатства и капиталы.

Вслѣдствіе этого въ немъ чрезвычайно усиливается (особенно со времени сношеній съ востокомъ) роскошь, изнѣженность, подкупность; вообще происходитъ крайній упадокъ нравовъ и полная деморализація на-

рода. Государственная власть старается положить преграду этимъ вреднымъ вѣяніямъ; она издаетъ особые законы, направленные къ ограниченію роскоши, - leges sumtuariae, но они никѣмъ не исполняются, какъ обыкновенно всѣ законы вторгающіеся въ нравственную область.

Такова была почва, на которой долженъ былъ произойти переходъ къ новому государственному строю. Самый же этотъ переходъ подготовляется слѣдующимъ образомъ. Риму приходится въ это время (въ концѣ VII и началѣ VIII вѣковъ) вести крупныя войны въ различныхъ частяхъ свѣта: въ Африкѣ, Азіи, Галліи, Испаніи и т. д. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что эти новыя войны по способу веденія не имѣютъ ничего общаго съ прежними италійскими. Въ старое время война велась не въ далекомъ разстояніи отъ государства и срокъ похода не превышалъ шести лѣтнихъ мѣсяцевъ, такъ что послѣ похода военное ополченіе снова возвращалось къ своимъ мирнымъ занятіямъ. Теперь же для веденія продолжительныхъ войнъ и при томъ еще далеко за предѣлами Италіи стало необходимымъ уже постоянное, правильно организованное войско, какъ особое сословіе, свободное отъ всякихъ другихъ занятій. Далѣе, вслѣдствіе того же самого теперь оказывается

уже неудобной такая частая смѣна магистратовъ, командующихъ войсками, какая практиковалась ранѣе (чрезъ каждый годъ), потомучто она необходимо ведетъ къ упадку военнаго духа. Въ виду этого Римъ поступаетъ въ данномъ случаѣ такъ: онъ назначаетъ талантливаго полководца и затѣмъ продлитъ ему власть до тѣхъ поръ, пока онъ не охотится своей защиты (такова, напр., была: Сципіонъ въ Африканской войнѣ, Марій, Сулла, Помпей, Юл. Цезарь и др.). Но эта мѣра имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что вела къ самому тѣсному сближенію полководца съ войскомъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи сильное и преданное войско, полководцы не могли не сознавать своей силы въ государствѣ. Они понимали также и то, что всегда могутъ употребить эту силу въ свою личную пользу. И дѣйствительно, мы видимъ въ рядѣ случаевъ, что полководцы являются со своимъ войскомъ въ Римъ и захватываютъ власть въ свои руки. Тѣмъ чаще повторялись такіе случаи, для которыхъ партійная борьба представляла самую удобную почву, тѣмъ больше населеніе привыкаетъ къ управленію государствомъ одними лицами, опирающимися на военную силу, тѣмъ больше, что полководцы, являясь въ Римъ по большей части въ самый

разгаръ партійныхъ волненій, прекращаетъ ихъ и приводитъ государство въ порядокъ и спокойствіе. Въ виду этого ихъ фактическая власть, часто, къ тому же, захваченная незаконнымъ образомъ, въ теченіе времени получаетъ юридическое подтвержденіе; народъ передаетъ имъ свой суверенитетъ, въ силу чего они фактически временно полновластными распорядителями государства. Такимъ образомъ, здѣсь уже ясно подготовляется монархическій принципъ, и чѣмъ чаще повторялись такіе случаи, тѣмъ болѣе вырабатывалась въ сознаніи народа та идея, что въ государствѣ не только возможна, но и полезна единая неограниченная власть.

Такова была эпоха перехода отъ республиканскаго строя къ монархическому; но онъ, слѣдуетъ замѣтить, совершился не сразу.

Прежде чѣмъ принять свой нормальный видъ, монархическая власть проходитъ нѣсколько подготовительныхъ ступеней. Такъ, сначала мы видимъ, единичные факты существованія этой власти, затѣмъ она дѣлается постояннымъ явленіемъ, но на ряду съ ней продолжаютъ существовать и республиканскія учрежденія и только, наконецъ, начинаетъ уже абсолютная монархія.

Окончательный шагъ въ переходѣ

къ новому строю былъ сдѣланъ членомъ втораго тріумвирата Октавіаномъ (впослѣдствіи Августъ); онъ далъ окончательной видъ этому строю и закрѣпилъ его (въ ~~726~~ 53 году). Поэтому съ него обыкновенно и считаютъ начало римской имперіи; но это однако не точно. Августъ не принимаетъ на себя ни титула чех, ни — imperator. Сложивъ съ себя власть тріумвира, которая была неограничена и стояла выше всѣхъ государственныхъ властей, онъ принимаетъ званіе princeps'а, т. е. перваго въ государствѣ (титулъ, по всей вѣроятности, сокращенный изъ princeps senatus; въ республиканскій періодъ это званіе носилъ тотъ изъ членовъ сената, кто былъ внесенъ цензорами первымъ, во главѣ новаго списка сенаторовъ при lectio senatus; теперь во главѣ этого списка сенаторовъ всегда стоялъ самъ императоръ, откуда, вѣроятно, и образовался этотъ титулъ принцепса) и при этомъ возстановляетъ въ полномъ объемѣ весь республиканскій строй (т. е. консулатъ, сенатъ, народныя собранія и т. д.). Новымъ же оказывается только то, что во главѣ всего государства становится теперь особое лицо-принцепсъ, и его власть дѣйствуетъ рядомъ съ республиканскими учрежденіями. Такимъ образомъ происходитъ раздво-

енія власти: съ одной стороны мы видимъ институтъ принципата съ цѣлымъ рядомъ подвѣдомственныхъ ему должностныхъ лицъ, а съ другой - всѣ прежнія республиканскія учрежденія. Раздѣленіе государственной власти между этими разнородными органами происходитъ такъ. Италія и нѣкоторыя провинціи по прежнему остаются въ управленіи сената и римскаго народа и здѣсь поэтому дѣйствуетъ старый республиканскій строй. Другія же провинціи беретъ въ завѣдываніе принцепсъ со своимъ должностнымъ персоналомъ. При этомъ Августъ передаетъ республиканскимъ властямъ лишь провинціи вполнѣ усмиренныя, оставляя себѣ пограничныя и еще не вполнѣ покоренныя провинціи. Это имѣло тотъ смыслъ, что этимъ самымъ Августъ сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ все римское войско, которое и составляло опору его господства.

Кромѣ этой власти надъ своими провинціями принцепсъ получаетъ еще, какъ увидимъ дальше, право верховнаго надзора и за внутреннимъ управленіемъ въ республиканской части государства.

Такимъ образомъ мы видимъ, что принцепсъ ~~не можетъ~~ не можетъ быть названъ абсолютнымъ монархомъ; онъ является только высшимъ магистратомъ въ государствѣ, и весь государственный строй

при нем еще далек от монархического. Поэтому к нему (этому строю) не может быть применимо название монархии в точном смысле слова. Более верных названий указывается несколько: республиканская монархия, диархия (двоевластие), но самым удобным представляется название принципата, потому что оно заимствуется от имени лица, стоящего во главе государственного строя и определяющего характер всей данной эпохи государственной жизни Рима; кроме того оно удобно и по своей краткости.

Но следует заметить, что хотя принципат и не может быть назван монархией, однако в силу тех гражданских полномочий, которыми обладает принцепс, он составляет естественный переход к ней, и чем дальше, тем более его строй приближается к монархическому, пока, наконец, при Диоклетиане и Константине не переходит окончательно в абсолютную монархию.

Глава 1. Государственная власть.

1 Принцепс.

§64. Общее положение принцепса.

Первое место в ряду государственных властей занимает теперь принцепс.

Общее положение его въ государствѣ было таково. Назвать его монархомъ, какъ было уже замѣчено, нельзя; правда въ титулѣ его находится между прочимъ названіе imperator, - но не въ томъ смыслѣ, какъ оно понимается теперь, т.е. въ смыслѣ неограниченнаго монарха. Имя imperator въ титулѣ принцепса сохраняетъ древнее значеніе обладающаго высшей военной властью магистрата (см. §32). Въ юридической точки зрѣнія принцепсъ есть не болѣе какъ магистратъ, хотя и съ особыми полномочіями, которыя собственно и характеризуютъ его положеніе и отличаютъ новый строй отъ стараго. Эти полномочія слагаются не изъ новыхъ какихъ-л. доселѣ неизвѣстныхъ факторовъ государственной власти, а представляютъ ничто иное, какъ сосредоточеніе въ одномъ лицѣ принцепса власти различныхъ республиканскихъ магистратуръ, при чемъ онъ является уже не временнымъ (какъ тѣ) обладателемъ власти, а пожизненнымъ, что и придаетъ его власти особенную силу.

Въ частности принцепсъ можетъ, во-первыхъ, когда самъ того пожелаетъ, занимать должность консула и цензора; во-вторыхъ, онъ имѣетъ tribunicia potestas, т.е. власть трибуновъ со всѣми ея полномочіями и неприкосновенностью

личности. Кромѣ всего этого среди полномочій принцепса различается еще imperium proconsulare. И въ республиканское время, какъ мы знаемъ, высшимъ магистратамъ-консуламъ иногда продлялась власть и они получали imperium proconsulare для управленія провинціей. Такое imperium proconsulare дается и принцепсу. Естественно возникаетъ вопросъ, что же давала принцепсу эта власть. Въ силу своего imperium principis онъ, какъ мы знаемъ, имѣлъ право управлять только своими провинціями, но въ управленіе республиканскими провинціями вмѣшиваться не могъ; для того, чтобы имѣть это право вмѣшательства и надзора въ указанной области, онъ долженъ былъ обладать какою-н. республиканскою властію. Съ этою именно цѣлію онъ и получалъ imperium proconsulare, которая и давала ему право надзора за управленіемъ республиканскими провинціями.

Далѣе, между историками идетъ споръ о томъ, имѣлъ ли принцепсъ еще какую-н. спеціальную власть, кромѣ указанныхъ республиканскихъ и imperium proconsulare. Одни изъ нихъ ограничиваютъ его полномочія только этимъ, но другіе (Карлова) утверждаютъ, что кромѣ совокупности республи-

канскихъ властей принцепсъ обладалъ еще высшимъ военнымъ imperium principis, которое стояло выше всѣхъ республиканскихъ магистративныхъ полномочій. Это соображеніе имѣетъ то основаніе, что власть принцепса вручалась ему особымъ lex de imperio (одинъ изъ нихъ, касающійся Веспасіана, дошелъ до насъ въ подлинникѣ). Этотъ lex de imperio principis давалъ ему верховную власть для управленія въ качествѣ Императора его собственными провинціями. И дѣйствительно здѣсь его власть была гораздо шире и сильнѣе, нежели въ республиканской области. Въ силу lex de imperio principis (какъ можно судить по оставшемуся экземпляру) онъ, во-первыхъ, 1) являлся единственнымъ и полновластнымъ полководцемъ всего римскаго войска; во-вторыхъ, 2) ему принадлежало право единоличнаго рѣшенія международныхъ дѣлъ, которыя раньше находились въ вѣдѣніи сената; въ третьихъ, 3) наконецъ, онъ обладалъ въ своихъ провинціяхъ высшею судебною властію уголовною и гражданскою. А въ силу imperium proconsulare всё это принадлежало ему и въ республиканской части государства. Такимъ образомъ, принцепсъ, не имѣя въ сущности никакой особенной власти, былъ полновластнымъ распорядителемъ государства: но всѣ они старательно избѣгали титу-

ла, который бы указывалъ на эту ихъ власть, чтобы не вызывать оппозиціи республиканскихъ органовъ управленія.

Всѣ разсмотрѣнныя полномочія принцепса ясно отражались въ титулѣ его и особенно въ имени. Названіе princeps въ оффиціальныхъ актахъ почти не употреблялось. Какъ всякій римлянинъ принцепсъ имѣлъ сложное имя, состоящее изъ pronomen (личное), cognomen (имя колѣна, stirps) и nomen gentilicium (имя родовое). Напримѣръ, Tiberius Claudius Nero. Но сверхъ этихъ обычныхъ именъ онъ имѣлъ еще слѣдующее прибавленіе къ имени, которое однако не составляло титула, а входило въ составъ его личнаго имени: Imperator Caesar Augustus. Эти три наименованія, присоединяясь непосредственно къ его личному имени и составляя съ нимъ одно неразрывное цѣлое (напр. Tib. Cl. Nero Imperator Caesar Augustus), также отмѣчаютъ особенное высокое положеніе въ государствѣ. Первое названіе imperator (повелитель) указываетъ на его высшую власть - imperium. Второе наименованіе - Caesar для первыхъ императоровъ указывало на принадлежность ихъ къ роду Юліевъ, т. е. было обыкновеннымъ cognomen. Но всѣ дальнѣйшіе императоры принимаютъ также это имя, чѣмъ выражается та мысль, что власть свойственная

роду Юліевъ, перешли къ нимъ, и они являются теперь обладателями этой высшей власти. Наконецъ, имя Августъ по переводу значитъ неприкосновенный, священный. Это имя было поднесено Августу сенатомъ и затѣмъ перешло ко всѣмъ императорамъ. Такимъ образомъ, каждое изъ этихъ наименованій указываетъ на какую-л. особую черту положенія принцепса (первое - на его высшую власть, второе - династію и третье на его неприкосновенность). Вслѣдъ за именемъ въ официальныхъ актахъ и документахъ слѣдуетъ титулъ, въ которомъ содержатся указанія какъ на то положеніе, которое занимаетъ принцепсъ въ качествѣ республиканскаго магистрата. А такъ какъ онъ соединялъ въ своемъ лицѣ власть всѣхъ республиканскихъ магистратовъ, то поэтому въ титулѣ и перечисляются всѣ они, какъ составныя части власти принцепса. Титулъ этотъ таковъ: pontifex maximus, tribunicia potestate, consul, censor, proconsul, pater patriae. Это послѣднее наименованіе особаго значенія не имѣло, такъ какъ не указывало ни на какую реальную власть, а просто было почетнымъ наименованіемъ. Далѣе, часто въ титулѣ принцепса повторялось слово imperator, указывающее въ его имени, и притомъ иног-

да съ цифрами I, II, III, IV и т. д. Здѣсь, очевидно, этотъ терминъ означаетъ уже другое. Въ этомъ случаѣ титулъ имѣетъ то же самое значеніе, какое онъ имѣлъ въ республиканскій періодъ (см. § 32) и точно также давался принцепсу не сразу, а только послѣ крупной побѣды, причемъ отмѣчалось и число этихъ побѣдъ.

Наконецъ, часто въ титулъ входилъ еще рядъ прилагательныхъ (pius, felix и т. п.) но особеннаго значенія эти послѣднія не имѣли. Особенное положеніе принцепса въ государствѣ отмѣчалось и внѣшними знаками отличія его. Такъ, онъ, напримѣръ, имѣлъ особую пурпурную одежду (но первоначально они имѣли обыкновенную магистративную тогу); день его рожденія празднуется по всей имперіи и т. п.

Дворъ принцепса первоначально былъ обыкновеннымъ домомъ богатаго римскаго гражданина съ цѣлымъ штатомъ прислуги, но потомъ его устройство получаетъ государственное значеніе.

Что касается финансоваго положенія принцепса, то здѣсь прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что республиканскіе магистраты, какъ извѣстно, были зависимы въ этомъ отношеніи отъ сената, такъ какъ изъ государственной казны хранимой квесторами, нельзя было

получить денегъ безъ разрѣшенія сената. Но принцепсъ при его особенно высокомъ положеніи въ государствѣ, понятно не могъ оставаться въ такой зависимости отъ сената, поэтому первый же принцепсъ Августъ постарался освободиться отъ нея, для чего онъ поступилъ такъ: взявъ себѣ въ управленіе половину государства (провинціи), онъ устроилъ свою особую казну, которая идетъ на управленіе провинціями и на содержаніе войска, причемъ онъ распоряжался ей безконтрольно. Въ противоположность aerarium populi romani, или aerarium Saturni, т.е., государственной казнѣ, казна принцепса получаетъ названіе fiscus Caesaris. Образуется еще особое aerarium militare, но оно, находясь также въ распоряженіи принцепса скоро сливается съ fiscus. Эта казна принцепса слагалась изъ доходовъ съ его собственныхъ провинцій (т.е. налоговъ, таможенныхъ пошлинъ) и чрезвычайныхъ доходовъ (напр., отъ конфискаціи имущества и т.п.).

Такимъ образомъ, и въ организаціонномъ отношеніи принцепсъ оказывается ни отъ кого независимымъ, но вполнѣ самостоятельнымъ. Отъ собственно императорской казны - fiscus Caesaris слѣдуетъ отличать его частное имущество, называемое patrimonium Caesaris. Постепенно однако, по мѣрѣ того какъ у императоровъ нака-

лялись громадныя владѣнія и капиталы, превышавшіе владѣнія всѣхъ другихъ гражданъ, они пріобрѣтаютъ особый характеръ коронныхъ имуществъ и уже начинаютъ отличаться отъ частныхъ владѣній его, но не сливаются и съ государственной казной; они представляютъ изъ себя, такъ сказать, должностное имущество, которое идетъ на содержаніе и представительство даннаго органа государственной власти, т.е. императорскаго дома. Это коронное имущество слагается изъ разныхъ источниковъ и между прочимъ изъ имуществъ, завѣщаемыхъ принцепсу частными лицами. Частное же имущество его теперь получаетъ названіе res privata principis. Такимъ образомъ мы находимъ всего три составныхъ части владѣній принцепса: fiscus Caesaris - государственная казна принцепса, patrimonium Caesaris - должностное имущество его и res privata principis - частное имущество.

§65. Преемство власти.

До начала абсолютной монархіи т.е. до императора Константина принципатъ, какъ мы знаемъ, представляетъ лишь иныя, какъ высшей магистратурой государства. Отсюда понятно, что онъ могъ прекращаться по тѣмъ же са-

лись поводами, что и последняя. Первым таким поводом, как известно, явилось истечение срока службы магистрата, но здесь это совпадает со смертью принцепса, так как принципат был пожизненным. Abdicatio (отречение) теоретически, конечно, было возможно, но на практике никогда не применялось. (Принцепсы иногда только угрожали им сенату). Наконец, что касается abrogatio (т.е. лишение власти), то теоретически сенат и народ, давшие принцепсу власть всегда могли и отнять ее. И, действительно, случаи abrogatio бывали, но очень редко и притом только тогда, когда применение ея было не опасно, т.е., когда принцепс и без того уже потерял всякую власть.

Уже из самого строя принципата вполне понятно, что наследственного преемства этой власти быть не могло; принципат был выборным органом, и при том народ в каждом отдельном случае мог уже совсем не выбирать нового принцепса, а - возстановить старый республиканский строй.

По установившемуся обычаю выбор принцепса производился сенатом и затем уже утверждался народным собранием. Но в течение времени здесь начинает принимать участие (оказывая сильное давление) еще третий орган - войско. Хотя

это был органъ самовольный и незаконный, но такъ какъ на его сторонѣ была сила, то онъ часто являлся фактическимъ посадителемъ принцепса на престолъ. При этомъ нерѣдко разные отряды его выбирали каждый своего императора, такъ что въ государствѣ сразу являлось нѣсколько принцепсовъ. Но самое сильное вліяніе въ этомъ органѣ имѣла преторіанская гвардія, которая постоянно находилась въ Римѣ.

Съ другой стороны, и находящіеся у власти принцепсы, конечно, не могли не интересоваться тѣмъ, кто будетъ ихъ преемникомъ, и потому старались назначать такового, и обезпечить имъ престолъ. Для этого они прибѣгали къ слѣдующимъ мѣрамъ. Во-первыхъ, они назначали избранное ими въ преемники лицо наслѣдникомъ своего частнаго имущества, или чаще усыновляли его, однако избраніе такого является дѣйствительнымъ для народа не было. Во-вторыхъ, чтобы укрѣпить за своимъ кандидатомъ наслѣдованіе его власти, императоръ обыкновенно давалъ ему еще при своей жизни фактическое участіе въ управленіи государствомъ, напр., въ качествѣ проконсула и т. п. Впослѣдствіи же входила въ употребленіе еще болѣе сильное средство: наслѣдникъ при жизни принцепса облекался сотрудителемъ равнымъ ему, такъ что онъ самъ собой оставался

принцепсом по смерти перваго. Такимъ образомъ устанавливается нѣкоторый порядокъ преемства власти принципата, хотя обязательнымъ и твердо обезпеченнымъ онъ не былъ. Въ этой именно неопредѣленности и заключалась слабая сторона принципата, потому что нерѣдко послѣ смерти принцепса происходили большія волненія въ государствѣ, и престолъ въ концѣ концовъ доставался сильнѣйшимъ.

Послѣ смерти принцепса былъ обычай, что сенатъ высказывалъ мнѣніе объ всѣмъ правленіи умершаго. (Это былъ какъ бы посмертный судъ надъ нимъ). Когда сенатъ находилъ это правленіе заслуживающимъ одобренія, то онъ возводилъ умершаго правителя въ санъ боговъ (consecratio). Такіе императоры послѣ смерти получали названіе divus, т.е. божественный. Если же правленіе умершаго оказывалось нежостойнымъ, то въ такомъ случаѣ сенатъ употреблялъ одну изъ двухъ мѣръ: во-первыхъ, damnatio memoriae - проклятіе памяти значеніе котораго состояло въ томъ, что всѣ акты, совершенные умершимъ принцепсомъ признавались ничтожными; во-вторыхъ мѣра - болѣе слабая называлась rescissio actorum, и состояла въ лишеніи дѣйствительности отдѣльныхъ актовъ, совершенныхъ умершимъ, послѣ ревизіи ихъ. Первый актъ имѣлъ религіозный характ-

теръ, а второй - чисто свѣтскій, а заслуживаютъ они вниманія потому, что были единственнымъ моментомъ, когда сенатъ дѣйствительно контролировалъ дѣятельность принцепса.

Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что хотя принцепсъ и былъ de jure не болѣе какъ высшимъ магистратомъ, однако тѣ громадныя полномочія и сила, которыми онъ обладалъ на дѣлѣ и которыя все болѣе и болѣе увеличивались, были естественнымъ переходомъ къ абсолютной монархіи, къ которой и вели съ необходимостію. Это составляетъ самую характерную черту всей данной эпохи.

II Магистратура.

§66. Общій очеркъ.

Основная идея новаго государственнаго строя (раздѣлъ государственной власти между сенатомъ, какъ представителемъ народа, съ одной стороны и принцепсомъ съ другой) отразилась и на организаціи должностныхъ лицъ — этого періода.

Республиканскія магистратуры уничтожены не были. Онѣ, какъ и весь республиканскій строй, продолжали существовать и дальше, причемъ власть ихъ по прежнему основывается на выборѣ магистратовъ народомъ чер. сенатомъ.

Рядомъ съ этимъ, однако, появляется новый родъ должностныхъ лицъ, уполномоченныхъ принцепса и отъ него зависящихъ, свободно имъ назначаемыхъ и смѣняемыхъ.

А такъ какъ принцепсъ уже въ ранее время обезпечилъ себѣ вліяніе и на ту половину государства, которая была отведена въ управленіе сената и, въ частности, принялъ на себя завѣдованіе отдѣльными отраслями управленія столицей, то появилась и третья категорія должностныхъ лицъ, имѣвшая смѣшанный характеръ и занимавшая среднее мѣсто между старыми республиканскими магистратурами и императорскими должностными лицами.

Положеніе каждой изъ этихъ трехъ категорій должностныхъ лицъ и должно быть разсмотрѣно подробнѣе.

§ 67. Республиканскіе магистраты.

Первую категорію государственныхъ должностей въ періодъ принципата, какъ мы сказали, составляетъ старая республиканская магистратура. Но въ строѣ ея однако происходятъ теперь нѣкоторыя важныя перемѣны. Она сохраняетъ по внѣшности прежнее высокое положеніе положеніе, - замѣщаетъ она только лицами высшаго сенаторскаго сословія, но этотъ

внѣшній блескъ производится за счетъ ея внутренняго значенія и силы въ государствѣ. Это была общая политика принцепсовъ: окружая магистратуру внѣшнимъ блескомъ, они отбираютъ у нея почти всю власть въ свою пользу. Въ подтвержденіе этой общей мысли разсмотримъ по порядку положеніе въ частности каждой отдѣльной магистратуры.

Прежде всего, консульская должность повидимому значительно возвышается какъ по своему положенію въ государствѣ, такъ и по власти. Консулы дѣлаются предсѣдателями сената, получаютъ уголовную власть и право аппеляціи на низшіе гражданскіе суды. Наконецъ, на нихъ возлагается рѣшеніе цѣлаго ряда вновь возникшихъ судебныхъ дѣлъ. Но получая всѣ эти новыя права, консулы лишаются самаго главнаго, это-участія въ государственномъ управленіи, которое теперь переходитъ къ принцепсу. Избираются консулы de jure по прежнему на годъ, но на самомъ дѣлѣ они всегда слагаютъ съ себя власть скорѣе, самое большее чрезъ шесть мѣсяцевъ, послѣ же этого должностныя обязанности отправляются consules suffecti (см. §36). Это имѣло то значеніе, что консулы не успѣвали утвердиться во власти, что было въ интересахъ принцепсовъ, такъ какъ они при такихъ условіяхъ не могли быть сильными соперника-

ми имъ. Такимъ образомъ, должность сохраняетъ только почетный характеръ, реальная же власть ея и значеніе въ государствѣ совершенно падаютъ. Послѣдній консулъ избирается въ 541 г.; въ Византіи ихъ власть переходитъ уже къ императорамъ. Наконецъ, не лишне замѣтить, что, какъ извѣстно, самъ принцепсъ могъ, когда желалъ, сдѣлаться консуломъ и всегда принималъ это званіе на первый годъ своего управленія (§64).

Измѣняется теперь и положеніе преторовъ, но меньше, чѣмъ консуловъ. До Адріана преторы сохраняютъ прежнюю высшую судебную власть; этотъ же императоръ лишаетъ ихъ права издавать эдикты (jus edicendi) и переноситъ его на себя. Этимъ въ корнѣ подрывается ихъ верховное положеніе въ судебной области, которое они занимали до этого времени, и за ними остается теперь только мелкая судебная компетенція. Съ теченіемъ времени и эти права уходятъ отъ нихъ, и у нихъ остается одно право или вѣрнѣе тяжелая обязанность устроять на свой счетъ общественныя игры; поэтому, естественно, всѣ стараются избѣгать этой должности и считаютъ ее бременемъ сенаторскаго сословія. Однако она существуетъ во все время даннаго періода и даже

слѣдующаго до императора Юстиніана.

Народный трибунатъ въ періодъ принципата остается, но права его уменьшаются. Такъ какъ высшая judicia publica принадлежитъ теперь принцепсу, то трибуны становятся въ зависимость отъ него, и ничего не могутъ сдѣлать безъ его согласія, т. е. обращаются въ орудіе его воли. Сохраняется трибунатъ до IV вѣка по Р. Хр.

Эдилитетъ также сохраняется и по прежнему завѣдуетъ четырьмя частями города, но надъ ними ставится высшій начальникъ - praefectus urbi, зависимый отъ принцепса. Завѣдываніе продовольствіемъ (cura annonae см. § 38) у нихъ отнимается и передается особому лицу - praefectus annonae. За ними остается такимъ образомъ только мелкая полицейская власть.

Наконецъ, что касается квесторовъ, то у нихъ отнимается главная компетенція - завѣдываніе государственной казной, которое передается особому претору, назначаемому принцепсомъ.

Разсмотрѣніе положенія всѣхъ перечисленныхъ магистратуръ, какъ мы видимъ, подтверждаетъ высказанную въ началѣ общую мысль, что принцепсъ, окруженный внѣшнимъ блескомъ и почетомъ республиканскихъ отличій, отнялъ

у нихъ все реальное значеніе. Но кромѣ этого, они, наконецъ, пріобрѣтаютъ доминирующее вліяніе и на выборы магистратовъ. Хотя эти послѣдніе по прежнему избираются собраніемъ народа и сенаторовъ, но при этомъ обязательную силу имѣетъ указаніе принцепса, (въ силу особаго, принадлежащаго ему jus nominationis), такъ что въ сущности назначеніе на магистратуры переходитъ всецѣло въ руки принцепса.

§68. Должностной персоналъ принцепса и consilium principis.

Такъ какъ значительная часть государства, какъ мы знаемъ, находилась во всецѣломъ вѣдѣніи принцепса, то для помощи въ управленіи его онъ организуетъ цѣлый рядъ своихъ (отличныхъ отъ республиканскихъ) должностныхъ лицъ, которыя находятся подъ его непосредственнымъ начальствомъ.

Уже самыя названія этихъ должностныхъ лицъ указываютъ на то, что они получаютъ свои полномочія отъ принцепса и зависятъ отъ него, но не имѣютъ самостоятельной власти, даруемой республиканскимъ магистратурамъ. Всѣ эти названія можно свести къ тремъ главнымъ. Первое изъ нихъ заимствовано

ютъ, такъ называемые, praefecti, т.е. должностныя лица, поставленныя во главѣ (prae-facere) отдѣльныхъ отраслей управленія. Важнѣйшимъ изъ нихъ является praefectus praetorio - начальникъ преторіанской гвардіи, которая составляла почетную и охранную стражу императора. Должность эта по своему характеру была, такимъ образомъ, военная, но она имѣла большое значеніе и въ государственномъ управленіи. Praefectus praetorio, отъ вѣрности и опытности котораго зависѣла безопасность императора, естественно, стоялъ въ самыхъ близкихъ личныхъ отношеніяхъ къ нему. А это имѣло своимъ слѣдствіемъ то, что императоры давали этимъ префектамъ такія порученія, при которыхъ они являлись представителями императора и дѣйствовали вмѣсто него (напр. они посылали ихъ производить судъ вмѣсто себя). Съ теченіемъ времени это дѣлается все чаще и чаще, благодаря чему слагается такой общій порядокъ, что praefectus praetorio во всѣхъ случаяхъ является представителемъ принцепса, а это приводитъ къ тому, что постепенно эти префекты пріобрѣтаютъ почти такое же значеніе и власть въ государствѣ, какую имѣли и сами принцепсы. Были даже случаи,

что при слабости принцепса всѣмъ государствомъ правилъ praefectus praetorio. (Кромѣ этого префекта существовали и другіе, но о нихъ будетъ упомянуто послѣ).

Другую категорію должностныхъ лицъ принцепса составляютъ legati, т. е. уполномочные послы. Они также, какъ преторіанскіе префекты, были представителями принцепса и въ качествѣ таковыхъ управляли его провинціями.

Третья категорія - procuratores. Это названіе заимствовано изъ гражданскаго права. Такъ назывались повѣренные, или управляющіе дѣлами кого-либо. Въ данномъ случаѣ это были, конечно, повѣренные принцепса, которымъ поручались самыя разнообразныя дѣла (напр. завѣдываніе финансами, сборы налоговъ и податей, управленіе почтой и т. п.). Такимъ образомъ, procuratores были завѣдующими отдѣльными (мелкими) частями управленія.

Всѣ перечисленныя лица являются собственно государственными должностными лицами, но въ это же время начинаетъ организоваться и придворный канцелярскій персоналъ принцепса. Лица, принадлежащія къ этому послѣднему, особыхъ названій теперь пока еще не имѣютъ, а называются по имени ихъ

обязанностей (съ предлогомъ a). Таковые, напр., a libellis - личные секретари принцепса, завѣдующіе его перепиской; a-cognitionibus - секретари по судебнымъ дѣламъ, разбираемымъ принцепсомъ; a rationibus - завѣдующіе частной казной его; a memoriâ - ближайшіе личные секретари, отмѣчающіе и письменно формулирующіе устныя распоряженія принцепса. Такимъ образомъ, всѣ эти лица составляютъ домашнюю личную канцелярію принцепса; но чѣмъ болѣе возвышается съ теченіемъ времени власть принципата, тѣмъ болѣе всѣ они принимаютъ государственный характеръ, который окончательно и получаютъ въ періодъ абсолютной монархіи.

По своему положенію всѣ эти должностныя лица всецѣло зависѣли отъ принцепса: они назначались и смѣнялись по его личному усмотрѣнію, и сроки ихъ службы также зависѣли отъ него. Они получали жалованье, болѣе или менѣе крупное, смотря по важности отправляемыхъ ими обязанностей.

Весь должностной персоналъ принцепса набирался изъ сословія всадниковъ, которое служило ему главной опорой въ противовѣсъ сенаторскому сословію, въ которомъ были еще живы республиканскія традиціи.

л. XIX.

Кромѣ этого собственно императорскаго должностнаго персонала, существовали еще, какъ мы знаемъ, должности смѣшаннаго характера. Эти послѣднія образуются вслѣдствіе того, что принцепсъ принимаетъ участіе въ управленіи республиканскими областями государства и потому долженъ имѣть здѣсь своихъ представителей, которые такимъ образомъ, будучи зависимы отъ него, существуютъ однако въ республиканской части государства, чѣмъ и объясняется ихъ смѣшанный характеръ.

Такія должностныя лица носили названіе curatores (а самыя области (curae), потому что принцепсъ въ республиканской части государства не распоряжается полновластно, какъ въ своей, а только заботится о ея нуждахъ, при чемъ исполнителями этихъ его заботъ и являются указанныя должностныя лица - называемыя поэтому попечителями (curatores). Что касается компетенціи этихъ должностныхъ лицъ, то имъ поручались различныя отрасли, касающіяся благоустройства въ республиканской области государства (вѣсти, напр. curatores viarum и т. п.)

Наконецъ, слѣдуетъ остановиться на **совѣтѣ** принцепса (consilium principis). Какъ въ республиканское время каждый

магистрат, начиная съ самыхъ высшихъ, имѣлъ свой consilium, безъ совѣщанія съ которымъ не могъ рѣшить ни одного дѣла, ни сдѣлать какого бы то ни было распоряженія, такъ же точно и при принятіи имъ рѣшенія каждаго отдѣльнаго дѣла составлялся особый consilium изъ лично-приближенныхъ къ принцепсу и изъ спеціалистовъ въ данной области. Но постепенно этотъ consilium principis принимаетъ болѣе твердый характеръ и получаетъ особенное значеніе въ государственной жизни.

Такъ какъ принцепсъ былъ высшимъ магистратомъ въ государствѣ и между прочимъ судебнымъ, то въ силу этого къ нему приносились жалобы на рѣшенія низшихъ судебныхъ инстанцій. Такихъ жалобъ накопилось такъ много, что собирать consilium по каждому отдѣльному дѣлу оказалось уже неудобнымъ и, потому, онъ сдѣлался постояннымъ. Окончательно это совершилось при императорѣ Адріанѣ (въ концѣ II в. по Р.Х.). Такъ какъ задача этого органа была, главнымъ образомъ, судебная, то членами его и были по преимуществу юристы.

Послѣ Адріана при Діоклетіанѣ и Константинѣ consilium principis переходитъ уже въ высшій государственный совѣтъ не только по судебнымъ дѣламъ

но вообще по всѣмъ дѣламъ государственнаго управленія (consistorium).

Изъ всего сказаннаго о магистратурѣ этого принципата видно, что въ системѣ государственныхъ учрежденій замѣчается въ это время двойственность при чемъ одна сторона (республиканская) все болѣе и болѣе падаетъ, а другая, наоборотъ, возвышается и усиливается, подготовляя такимъ образомъ переходъ къ абсолютной монархіи.

III 869. Сенатъ.

Съ учрежденіемъ принципата Сенатъ теряетъ цѣлый рядъ правъ, причемъ они переходятъ на принцепса. Но, уступая часть своихъ правъ въ пользу принцепса, Сенатъ пополняетъ ихъ на счетъ народнаго собранія. Такимъ образомъ происходитъ новый разборъ власти между этими тремя органами, и при томъ такой, что въ конечномъ результатѣ онъ опять таки приводитъ къ полному господству принцепса, такъ какъ народныя собранія теряютъ значеніе, а сенатъ находится подъ сильнымъ вліяніемъ принцепса и является только орудіемъ въ его рукахъ, хотя de jure сенатъ и теперь еще имѣетъ высшія права даже по отношенію къ самому принцепсу (избирать его, низлагать, произносить судъ послѣ его смерти).

Что касается ограничений правъ сената, то они состоятъ въ слѣдующемъ. Во первыхъ, онъ теряетъ завѣдываніе внѣшними сношеніями государства; всю внѣшнюю политику теперь беретъ на себя принцепсъ. Во-вторыхъ, устраняется отъ всякаго религіознаго вліянія, такъ какъ онъ завѣдуетъ принцепсъ въ качествѣ pontifex maximus. Наконецъ, удаленъ изъ рукъ сената и общее управленіе внутренними государственными дѣлами, такъ какъ принцепсъ въ качествѣ проконсула пріобрѣтаетъ и здѣсь доминирующее вліяніе.

Но вмѣсто этихъ утраченныхъ правъ, сенатъ получаетъ новыя и повидимому болѣе важныя права, именно законодательную власть и (со времени имп. Тиберія) право выбора магистратовъ, о которомъ теперь только объявляется народному собранію. Эти права безъ сомнѣнія были бы важны, если бы и здѣсь сенатъ не находился подъ сильнымъ вліяніемъ со стороны принцепса. И, во-первыхъ, вся законодательная инициатива de facto захватывается принцепсомъ, сенатъ же является только орудіемъ въ его рукахъ, проводящимъ желательные для него и отъ него исходящіе законы. Такъ же призрачно было и право выбора магистратовъ, потому что и въ этой области принцепсъ имѣлъ такое же, если не большее, вліяніе. Онъ обладалъ, во-первыхъ, особымъ jus nominationis, въ силу котораго представлялъ сенату своихъ кандидатовъ на магистратуры. Правда, такихъ же кандидатовъ представляли и консулы, но кандидаты принцепса,

л. XIX

конечно, всегда имѣли перевѣсъ передъ ними. Во-вторыхъ, что еще важнѣе, принцепсъ имѣлъ jus commendationis (право рекомендаціи), въ силу котораго кандидатъ, рекомендованный принцепсомъ, обязательно долженъ былъ быть выбранъ на магистратуру. Понятно, что это вполнѣ передавало выборъ магистратовъ въ руки принцепса.

Кромѣ пріобрѣтенія сенатомъ указанныхъ новыхъ правъ увеличивается еще его судебная власть; онъ дѣлается высшей судебной инстанціей по гражданскимъ дѣламъ въ республиканской части государства и затѣмъ получаетъ право рѣшенія по уголовнымъ дѣламъ членовъ сенаторскаго сословія. Но и здѣсь сильное вліяніе имѣлъ принцепсъ; онъ постоянно вмѣшивался въ эти дѣла сената, и тотъ не могъ оказать ему противодѣйствія; только послѣ смерти принцепса сенатъ могъ осудить его за такое нарушеніе его правъ, случаи чего дѣйствительно и были. Наконецъ, сенатъ, какъ было уже упомянуто, обладалъ нѣкоторыми правами и по отношенію къ самому принцепсу; это, во-первыхъ, право выбора принцепса, судъ надъ нимъ послѣ его смерти и низложеніе, но и относительно этихъ правъ нужно сказать тоже самое, что и всѣхъ предшествующихъ, т. е. что они были совершенно призрачны. При выборѣ принцепса сенатъ находился подъ сильнымъ давленіемъ войска или партійныхъ интересовъ. При посмертномъ судѣ большое значеніе имѣло мнѣніе преемника умершаго принцепса. Правомъ же низложенія сенатъ могъ

пользоваться, какъ уже мы знаемъ (§65), только тогда, когда принцепсъ и безъ того уже самъ собой потерялъ власть; свергнуть же принцепса еще держащаго въ своихъ рукахъ власть сенатъ никогда не былъ въ состояніи.

Такимъ образомъ въ развитіи сената замѣчается ходъ обратный республиканскому: тамъ права его сокращались, а фактическая власть увеличивалась, а здѣсь наоборотъ права увеличиваются, а фактическая власть падаетъ.

Въ заключеніи слѣдуетъ замѣтить, что выборъ въ сенатъ по прежнему производится изъ высшихъ высшихъ магистратовъ (начиная съ квесторовъ), а пополненіе остальныхъ сенаторскихъ вакансій совершается цензорами по ихъ личному усмотрѣнію, т. е. опять таки принцепсомъ, какъ обладателемъ цензорской власти. — Число сенаторовъ императоръ Августъ довелъ до 600, но не окончательно, — оно и послѣ этого еще колебалось. Августъ же устанавливаетъ цензъ, необходимый для полученія сенаторскаго званія — милліонъ сестерцій (около ста тысячъ рублей).

IV. §70. Народное собраніе.

Относительно четвертаго и послѣдняго органа государственнаго управленія въ періодъ принципата — народнаго собранія слѣдуетъ прежде всего сказать, что Августъ, сдѣлавшись принцепсомъ, возстановилъ народныя собранія и повидимому со всѣми ихъ прежними правами въ полномъ объемѣ

л. XIX.

Однако необходимо замѣтить, что если бы принцепсы даже имѣли серьезное намѣреніе дать прежнія права народнымъ собраніямъ, то они не могли бы привести этого въ исполненіе, потому что съ расширеніемъ римскаго государства и измѣненіемъ состава его населенія старый строй оказывается непригоднымъ. Съ расширеніемъ государства на громадныя пространства народныя собранія въ строгомъ смыслѣ сдѣлались невозможными, такъ какъ на нихъ не могъ собираться весь народъ или по крайней мѣрѣ представители его изъ отдаленныхъ мѣстъ государства, вслѣдствіе чего они становятся только городскими собраніями черни и потому, конечно, уже не могутъ играть прежней важной роли въ государствѣ: значеніе ихъ необходимо падаетъ, и это паденіе выражается въ томъ, что постепенно императоры переносятъ ихъ права на сенатъ (такъ, напримѣръ, переносятъ законодательную власть, выборъ магистратовъ и судебную власть). Но все это совершается не сразу, а постепенно и народныя собранія въ первое время принципата фактически продолжаютъ функціонировать.

Въ частности, народныя собранія лишаются во-первыхъ, уголовно-судебной власти, которая переходитъ отъ нихъ частію къ [illegible] къ постояннымъ судамъ quaestiones perpetuae (см. §361 и) частію

л. XII.

къ сенату; во-вторыхъ выборъ магистратовъ переходитъ отъ нихъ къ сенату и принцепсу, имъ же объявляется только сообщеніе о совершившемся избраніи (renuntiatio).

Что касается законодательной власти ихъ, то въ первое время принципата (особенно при Августѣ) она имѣетъ сравнительно живые, чѣмъ другія отрасли государственнаго управленія, но всетаки голосованіе закона въ народномъ собраніи имѣетъ теперь болѣе характеръ формальности, чѣмъ реальное значеніе, потому что и здѣсь сильное доминирующее вліяніе оказываетъ принцепсъ. Однако процессъ разрушенія этого органа государственнаго управленія совершается быстро, и ко II вѣку народныя собранія перестаютъ уже и собираться, хотя теоретически законодательная власть находилась у нихъ до самыхъ временъ абсолютной монархіи.

Глава 2. Территорія и населеніе.

§ 71. Римъ.

Какъ извѣстно, территорія римскаго государства ко времени принципата разростается на громадные предѣлы. Во всемъ пространствѣ ея мы можемъ различать три главныя составныя части: это во-первыхъ, основное ядро государства — собственно Римъ

во-вторых Италію и, наконецъ, въ-третьихъ, всѣ остальныя провинціи. Разсмотримъ эти три перемѣны, которыя произошли въ изучаемую эпоху въ организаціи каждой изъ этихъ частей. Итакъ, прежде всего обратимся къ городу Риму. Въ республиканскую эпоху Римъ, какъ извѣстно, былъ правящимъ городомъ или главой государства; это же значеніе онъ сохраняетъ и въ первое время слѣдующаго періода - принципата (кромѣ только императорскихъ провинцій, на которыя его вѣдомство не простирается). Поэтому организація его держится на прежнихъ основахъ; тѣмъ и управляютъ магистраты, сенатъ и народъ. Но въ то же время теперь въ Римѣ живетъ высшій правитель государства - принцепсъ, который отчасти по побужденіямъ своей собственной безопасности, отчасти же вслѣдствіе неспособности республиканскихъ органовъ справиться съ новымъ сложнымъ управленіемъ разросшагося на громадные предѣлы города, начинаетъ все болѣе и болѣе вмѣшиваться въ это управленіе, принимая на себя нѣкоторыя (и очень важныя) отрасли его. Здѣсь принцепсъ такъ же, какъ и въ другихъ областяхъ управленія имѣетъ особыхъ помощниковъ. Первое мѣсто среди этихъ послѣднихъ занимаетъ praefectus urbi. Происхожденіе этой должности, какъ извѣстно, древнее даже республиканской эпохи (см. § 12.). Это былъ заступитель высшихъ магистратовъ

л. XIX.

на время его отсутствия из города. Но в период принципата при имп. Тиберии эта должность фактически делается постоянной, потому что этот император жил вне Рима (на острове Капри), а при последующих императорах она делается таковой уже de jure. Власть городского префекта слагается, во-первых, из высшей полицейской компетенции и, во-вторых, высшей уголовно-судебной, причем она распространяется не только на предместья города, но и дальше на сто миль кругом.

Далее, первый принцепс Август принимает на себя еще некоторые чисто полицейские обязанности по городу и пожарное дело и для этого учреждает особую когорту городских стражников, называемых vigiles, над которыми начальствует особый praefectus vigilum. Эти vigiles составляют преимущественно ночную стражу города. Кроме этого к принцепсу переходит заведывание городским продовольствием, которое для республиканских властей оказывается по своим размерам трудным. Для этого принцепс опять учреждает особую должность (praefectus annonae) с рядом низших помощников), к которому и переходит вся annona, принадлежавшая раньше эдилам (см. § 38).

Болѣе мелкую роль въ городскомъ управленіе играютъ curatores (о которыхъ упоминалось въ §63), Имъ поручался надзоръ-сича за постройкой городскихъ зданій, за дорогами, водопроводами, очисткой рѣки. Тибра и т. п. Для удобства исполненія всѣхъ этихъ обязанностей импер. Августъ производитъ новое дѣленіе города на участки. Вмѣсто прежнихъ четырехъ эдильскихъ участковъ Римъ дѣлится теперь на 14 regiones, которыми завѣдуютъ 14 отдѣльныхъ должностныхъ лицъ.

Изъ всего вышесказаннаго объ управленіи Римомъ видно что онъ теперь уже теряетъ свое прежнее господствующее положеніе въ государствѣ и дѣлается городомъ управляемымъ, какъ и всѣ другіе принципсомъ. Но окончательно это сравненіе его съ прочими городами государства, совершается въ періодъ абсолютной монархіи.

§72 Италія.

Положеніе этой составной части къ римскаго государства Италіи къ концу республиканскаго періода, какъ намъ извѣстно, представляется въ слѣдующемъ видѣ. Вся она получаетъ права римскаго гражданства, земля ея приравнивается къ городской

городской-римской; т. е. она может быть объектом частной собственности. Население ея имеет следующия привилегии: во-первых, свободу от военной службы и, во-вторых, - от податей земельных и подушных (оно платит только косвенные налоги).

Что касается управления Италией, то в этом отношении вся она распадалась на целый ряд отдельных общин, имеющих самоуправление; после lex Julia municipalis (см. § 49) в Италии уже не остается никаких колоний ни латинских, ни обыкновенных, и все они присоединяются к единообразному муниципальному строю. Таков был вид Италии ко времени принципата. В этом же периоде происходят здесь следующия перемены. Во-первых, импер. Август принимает по отношению к Италии следующую меру: он разделяет всю ее на 11 областей (regiones), причем город Рим с его территорией (на сто миль кругом) выделяется в особую 12-ю область. Этим делением Август и его преемники пользовались только для мелких административных целей (напр. для удобства управления путями сообщения, почтой, благотворительными учреждениями и т. п.), но крупного централь-

1. XX.

наго управленія оно не касалось; это послѣднее по прежнему находилось въ рукахъ Рима. Въ частности юрисдикція, или завѣдываніе судебной частью находилось въ прежнемъ состояніи, т. е. судъ по мелкимъ дѣламъ гражданскимъ (до извѣстной суммы) принадлежалъ мѣстнымъ муниципальнымъ властямъ, крупныя же гражданскія дѣла (свыше 15.000 сестерцій), а также уголовныя рѣшались римскими магистратами. Но такой порядокъ, конечно, имѣлъ большое неудобство, потому что для рѣшенія каждаго болѣе важнаго дѣла приходилось отправляться въ Римъ. Противъ этого, именно, неудобства и была направлена первая болѣе важная мѣра, принадлежащая импер. Адріану. Онъ кромѣ римскаго судебнаго магистрата-претора учреждаетъ еще четыре высшихъ судебныхъ магистрата, по числу коихъ вся Италія раздѣляется на четыре участка, въ которыхъ они дѣйствуютъ. (Такимъ образомъ, всего образуется пять судебныхъ округовъ: городской-римскій и четыре италійскихъ). Эти должностныя лица первоначально назывались consulares, такъ какъ они назначались изъ бывшихъ консуловъ. Но импер. Маркъ Аврелій даетъ имъ новое наименованіе - juridici; причина этого та, чтобы уничтожить

л. XX.

напоминаніе о республиканскомъ строѣ, которое находилось въ первоначальномъ названіи - consulares. Juridici избирались императоромъ, но власть ихъ была та же, что и римскихъ преторовъ.

За этой реформой импер. Адріана послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ мѣръ относительно администраціи Италіи. Такъ, назначаются принцепсомъ особыя должностныя лица, называемыя curatores reipublicae въ отдѣльныя городскія общины для надзора за дѣятельностію этихъ самоуправляющихся единицъ. Позднѣе производятся радикальная реформа управленія Италіей, которая состояла въ томъ, что въ каждую изъ италійскихъ областей назначается особый corrector civitatis, положеніе и значеніе котораго совершенно таково же, какъ провинціальнаго управителя, а надъ всей Италіей поставляется corrector totius Italiae. Этой реформой, очевидно, производится полное уравненіе управленія Италіей со всѣми другими провинціями; политическое же значеніе ея таково, что мало-по-малу принцепсъ пріобрѣтаетъ власть и надъ республиканской частью государства (каковой была Италія) и приводитъ въ единство управленіе всей государственной территоріей.

Л. XX.

§ 73. Провинціи.

Приступая къ описанію положенія рим-
скихъ провинцій въ періодъ принципата, прежде
всего слѣдуетъ отмѣтить то, что, (какъ
~~уже замѣчено~~) первый принцепсъ (Августъ)
берегъ себѣ въ управленіе: пограничныя и не-
вполнѣ еще умиренныя провинціи, которыя
находятся на военномъ положеніи, мирныя
же провинціи передалъ въ вѣдѣніе республи-
канскихъ властей. Такимъ образомъ различаются два вида провинцій: республикан-
скія - сенатскія и императорскія; но управ-
леніе тѣми и другими въ сущности было
одинаково (оно оставалось то же, что и въ
республиканское время) и все различіе ихъ
состояло собственно въ имени управи-
телей. Въ сенатскія провинціи назна-
чались правители изъ бывшихъ рим-
скихъ магистратовъ - проконсулы или
преторы, въ рукахъ которыхъ сосредо-
точивалась вся власть по управленію
провинціей. На помощь имъ по прежне-
му давался квесторъ, завѣдующій глав-
нымъ образомъ провинціальной кассой,
и свита изъ прикомандированныхъ къ
нимъ лицъ, которыя назывались cohor-
tes; или поручалось различныя мелкія
отрасли управленія (главнымъ образомъ
судебныя дѣла), распредѣленіе которыхъ

между ними всецѣло зависитъ отъ управленія провинціи (см. §57). Хотя de jure правители сенатскихъ провинцій имѣли военное imperium, но войска въ дѣйствительности они не имѣли, такъ какъ все оно находилось въ рукахъ принцепса.

Совершенно такой же строй имѣютъ и императорскія провинціи, съ тѣмъ только различіемъ, что ихъ высшіе правители называются не проконсулами или преторами, а legati Caesaris или legati Augusti. Далѣе, вмѣсто республиканскихъ legati, при правителѣ императорской провинціи состоятъ comites-спутники, но власть ихъ и значеніе совершенно тѣ-же, что и legati; наконецъ, вмѣсто квесторовъ здѣсь имѣются procuratores.

Что касается, наконецъ, положенія императора по отношенію ко всѣмъ этимъ провинціямъ, то ему принадлежитъ здѣсь верховная неограниченная власть; онъ назначаетъ и смѣняетъ по своему личному усмотрѣнію провинціальныхъ правителей и наблюдаетъ за ихъ управленіемъ. Сенатскія провинціи подчиняются въ вѣдѣніи сената, и здѣсь принцепсъ положительной власти de jure не имѣетъ, но онъ скоро захватываетъ право верховнаго надзора за ходомъ дѣлъ въ этихъ провинціяхъ—

на основаніи imperium proconsulare, что, конечно, приводитъ въ сущности къ тому же полному и неограниченному господству принцепса, какое онъ имѣлъ и въ своихъ собственныхъ провинціяхъ. Эта власть принцепса надъ провинціями была очень полезна для этихъ послѣднихъ, а также и выгодна для самихъ императоровъ. Республиканское управленіе провинціями, какъ мы знаемъ (изъ §51), вслѣдствіе ничѣмъ не стѣсняемаго произвола провинціальныхъ магистратовъ, было совершенно неудовлетворительно и вело къ разоренію провинцій; теперь же этотъ произволъ мѣстныхъ правителей находитъ себѣ сильную сдержку въ верховной власти принцепса, который наблюдаетъ за ихъ управленіемъ. Это уничтоженіе магистратнаго произвола или по крайней мѣрѣ его ограниченіе, конечно, очень благотворно отзывается на благосостояніи провинцій, которое поэтому со времени принципата быстро поднимается. Но съ другой стороны эти же самыя провинціи, обязанныя своимъ благосостояніемъ принцепсамъ, составляютъ главную опору для ихъ все болѣе и болѣе возрастающаго могущества, не смотря на постоянную партійную борьбу, происходящую въ Римѣ.

§74. Городской строй.

Городской (муниципальный) строй

Л. XX.

со времени принципата начинаетъ играть видную роль въ государственной жизни: онъ становится фундаментальнымъ основаніемъ всего государственнаго строя, такъ какъ городская община съ приписаннымъ къ ней сельскимъ округомъ (municipia 549) принимается за основную единицу государственнаго организма, чрезъ которую проходятъ какъ всѣ мѣропріятія, исходящія отъ государства къ народу, такъ и наоборотъ всѣ доходы, идущіе отъ народа къ государству. Естественно, поэтому, что то или иное состояніе этихъ общинъ отражается на всемъ ходѣ государственныхъ дѣлъ.

Въ республиканскій періодъ, какъ мы знаемъ, образовалось и существовало нѣсколько различныхъ видовъ городскихъ общинъ, каковы, напр., municipia, колоніи римскихъ гражданъ и колоніи латинскія, при чемъ эти послѣднія подраздѣлялись еще на два вида: колоніи, имѣвшія jus latii majus, и jus latii minus. Всѣ эти виды общинъ сохраняются и теперь, и кромѣ того въ провинціяхъ остается еще значительное число городовъ, имѣющихъ мѣстное общинное устройство, а не римское.

Но уже къ концу республиканскаго періода (окончательно въ 709 году по lex Julia municipalis) во всей Италіи

44.

вводится однообразный муниципальный строй. Такой же процесс приведения всего управления къ единообразному виду происходитъ теперь и во всѣхъ испанскихъ провинціяхъ. Это совершается такимъ путемъ, что провинціальнымъ городамъ въ видѣ особой привилегіи дается jus Latii (т. е. ограниченная гражданская правоспособность и италійское городское устройство). Нѣкоторыя же провинціальныя общины (въ качествѣ большей привилегіи) получаютъ jus Italicum, въ силу котораго населеніе получаетъ права римскаго гражданства, а земля приравнивается къ италійской, т. е. она можетъ быть объектомъ частной собственности. Первоначально эти права давались провинціямъ редко, какъ особое преимущество, но въ позднѣйшее время императоры начинаютъ прибѣгать къ этой раздачѣ чаще, какъ удобному средству для романизаціи населенія и введенія единообразія въ государственное управленіе. Окончательный шагъ въ этомъ направленіи дѣлаетъ Антонинъ Каракалла (Антонинъ); онъ даетъ всему населенію имперіи права римскаго гражданства, вслѣдствіе чего по всему пространству римской имперіи распространяется муниципальный строй, и такимъ образомъ окончательно достигается полное единообразіе въ городской, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общегосударственной

Л. Х.

строй. Что касается причинъ, побуждавшихъ къ этому, то таковыми были: во-первыхъ, удобство и облегченіе административнаго управленія, а во-вторыхъ, то, что муниципальный строй представлялъ нѣкоторыя финансовыя выгоды для государства, такъ какъ многіе расходы слагались съ государственной казны на городскую.

Муниципальный строй, который такимъ образомъ оказывается въ концѣ-концовъ единственною основною формою государственнаго строя, въ сущности представляетъ изъ себя уменьшенную копію со стараго государственнаго строя Рима, съ тою только разницею, что теперь онъ не имѣетъ политическаго значенія, а ограничивается жизнью городской общины. Населеніе муниципальнаго города такъ же, какъ и древняго Рима, раздѣляется на группы, называемыя трибами или куріями; имѣются такъ же и народныя собранія (comitia curiata или c. tributa, смотря по тому, какъ раздѣляется населеніе). Компетенція этихъ собраній сводится главнымъ образомъ къ выбору городскихъ магистратовъ, другія же дѣла, подлежащія имъ, не имѣютъ особаго значенія. Каждая городская община имѣетъ свой сенатъ, который называется или Senatus, или чаще curia, а членъ его decurio (мн. decuriones). Списокъ декуріоновъ (album decurionum) составляется

на пять лѣтъ особыми должностными лицами, называемыми duo viri quinquennales, и въ него входятъ прежде всего бывшіе городскіе магистраты, а затѣмъ болѣе почетные граждане. Въ компетенцію этого городскаго сената входятъ всѣ городскія дѣла (налоги, благоустройство и т. п.).

Кромѣ народнаго собранія и сената городская община имѣетъ еще и своихъ магистратовъ, стоящихъ во главѣ отдѣльныхъ отраслей городскаго управленія. Названія этихъ магистратовъ различны, но только нѣкоторые изъ нихъ сохранили тѣ названія, которыя они носили, когда еще стояли во главѣ самостоятельнаго государства; такъ, встрѣчаются въ италійскихъ городахъ консулы, преторы и диктаторы. Съ распространеніемъ же муниципальнаго строя по всей Италіи эти названія замѣняются новыми: во главѣ городскаго управленія становятся duo viri jure dicundo, компетенція которыхъ главнымъ образомъ судебная; за ними слѣдуютъ duo viri aediles, исполняющіе полицейскія обязанности въ городѣ; Наконецъ, имѣются въ городахъ квесторы (ф.о. или [illegible]), которые завѣдуютъ городской казной.

Чрезъ каждыя пять лѣтъ вмѣсто duo viri jure dicundo избираются duo viri quinque annales, которые имѣютъ

Л. Я. Д.

комиссию первых, но сверх этого получают еще полномочие произвести перепись городского населения и составить списки сената или курии.

Наконец, для надзора за управлением городских властей в каждый город назначается принцепсом особое должностное лицо, называемое curator civitatis, а надо всей областью — corrector civitatis totius Italiae.

В таком именно виде муниципальный строй и распространился в эпоху принципата по всему пространству римского государства.

Но вместе с распространением этого городского устройства начинается постепенное падение благоустройства и благосостояния городов. Причиною этого было то, что на них возлагалось непосильное бремя административных и финансовых повинностей; первые оказывались их совершенно не по силам, вследствие чего благоустройство городов приходит в упадок, а вторые ведут их к разорению. Окончательно, однако, этот упадок городов совершается уже в период абсолютной монархии.

§ 75. Сословная и классовая рознь.

Старое сословное деление на патрициев и плебеев, потерявшее значение еще

къ концу республиканскаго періода (§52), въ изучаемую эпоху никакого реальнаго значенія не имѣетъ, хотя патриціатъ по имени все еще существуетъ, и званіе его дается императорами въ качествѣ почетной привиллегіи. Вмѣсто этого устарѣвшаго сословнаго дѣленія все большее и большее значеніе получаютъ новыя сословія, образованіе которыхъ началось въ концѣ республиканскаго періода (§52), и главнымъ образомъ сословія: сенаторское и всадническое; теперь происходитъ ихъ окончательная организація, какъ отдѣльныхъ сословныхъ единицъ. Такъ, импер. Августъ дѣлаетъ сенаторское званіе потомственнымъ и даетъ ему особыя преимущества - (тога съ широкой пурпурной каймой, право занимать первыя мѣста на зрѣлищахъ, подсудности только одному сенату и т.п.), благодаря чему окончательно слагается организованное и замкнутое сословіе, для котораго Августъ установляетъ опредѣленный цензъ въ одинъ милліонъ сестерцій. Всѣ члены этого сословія носятъ титулъ clarissimi.

Съ политической точки зрѣнія сенаторское сословіе является участникомъ въ государственномъ суверенитетѣ и потому считаетъ себя самостоятельнымъ и даже до нѣкоторой степени равноправнымъ съ императоромъ, по дѣйствіи

Л.Ю.Х.

тельное значеніе его состоитъ только въ томъ, что члены его имѣютъ доступъ къ республиканской магистратурѣ. Между этимъ сословіемъ и принципомъ замѣчается извѣстный антагонизмъ, которымъ и объясняется рядъ мѣръ, направленныхъ противъ этого сословія и вообще республиканскаго строя, представителемъ котораго оно является.

Второе сословіе — всадниковъ, начавшее слагаться также еще въ республиканское время, окончательно обособляется во время принципата, благодаря дарованнымъ ему императорами преимуществамъ и привилегіямъ (§ 52). Со времени Августа въ этомъ сословіи начинаютъ различаться двѣ отдѣльныя группы его членовъ: во-первыхъ, просто equites, которыми могутъ быть всѣ свободорожденные, имѣющіе незапятнанную репутацію и обладающіе имуществомъ не ниже 400,000 сестерцій, и, во-вторыхъ, особо избранные всадники, называемые equites equo publico. Эти послѣдніе имѣютъ то преимущество, что состоятъ приближенными императора. Политическое значеніе этого сословія состоитъ въ томъ, что принцепъ всѣ свои должности замѣщаетъ исключительно лицами именно этого сословія (equites equo publico).

Кромѣ двухъ указанныхъ высшихъ сословій, въ періодъ принципата образуется еще третье сословіе, которое однако актив-

наго участія въ государственной жизни не имѣетъ; оно является пассивнымъ членомъ этого строя. Это новое сословіе составляется изъ членовъ городскаго сената или куріи, аналогично тому, какъ ранѣе образовалось сенаторское сословіе. Это вновь образовавшееся сословіе декуріоновъ (названное такъ по имени членовъ городской куріи), представляетъ высшій классъ городскаго населенія, но роль его въ государственномъ строѣ, какъ уже было замѣчено, болѣе пассивная, чѣмъ активная: при нѣкоторыхъ незначительныхъ преимуществахъ оно несетъ тяжелые повинности, и, во-первыхъ, члены его назначаются на городскія безплатныя должности, которыя влекутъ за собой большіе расходы (напр. на устройство общественныхъ игръ, которое лежало на ихъ обязанности); во-вторыхъ, что еще тяжелѣе, декуріоны по круговой порукѣ являются отвѣтственными своимъ имуществомъ въ случаѣ неисправной уплаты общиной государственныхъ налоговъ. Эти двѣ обязанности по мѣрѣ того, какъ увеличивались требованія государства къ городскимъ общинамъ, становились все болѣе и болѣе тяжелыми, вели къ окончательному разоренію сословія, положеніе котораго, такимъ образомъ, изъ привиллегированнаго обращается въ тяжелое податное, вслѣдствіе чего его всячески стараются избѣгнуть. Это послѣднее

обстоятельство вызывает целый рядъ мѣръ, направленныхъ къ удержанію лицъ въ этомъ сословіи и привлеченію въ него новыхъ членовъ. Съ одной стороны ему даются нѣкоторыя привилегіи, но очень незначительныя, такъ что они никого не удерживаютъ; а съ другой стороны это сословіе какъ бы закупоривается: кто обладаетъ извѣстнымъ имущественнымъ, тотъ обязательно включается въ него и принужденъ безъ всякаго права выхода. Для увеличенія же этого сословія принимается еще рядъ гражданскихъ мѣръ, напр., для декуріоновъ установляется усыновленіе по особымъ (очень стѣснительнымъ) условіямъ, выдаются награды за выдачу дочерей за-мужъ за членовъ сословія декуріоновъ и т. п.

Наконецъ, въ періодъ же принципата образуется еще четвертое сословіе - августалювъ, которое, правда, особеннаго значенія въ государственной жизни не имѣетъ. Происхожденіе его таково: Со временъ принципата, какъ мы знаемъ, начинается культъ императоровъ, которые сначала только послѣ смерти, а потомъ и при жизни возводились въ сонмъ боговъ; имъ посвящались особые храмы, при которыхъ состояли особые жрецы, называвшіеся augustales. Эти со своимъ потомствомъ получаютъ нѣкоторыя особыя привилегіи и этимъ самымъ

§ XX.

самымъ.

выдъляются въ особое сословіе, занимающее второе мѣсто послѣ декуріоновъ. Составлялось это сословіе по большей части изъ богатыхъ вольноотпущенныхъ рабовъ. Все остальное населеніе, не входящее въ составъ перечисленныхъ сословій, какъ и въ республиканскомъ періодѣ, называется plebs.

Можно упомянуть еще объ одномъ классовомъ дѣленіи, но уже основанномъ на совершенно иномъ принципѣ, именно на суммѣ политическихъ и гражданскихъ правъ, принадлежащихъ данному лицу. Это-дѣленіе на римскихъ гражданъ, латиновъ и перегриновъ, — (peregrini, т.е. иностранцы). Особенное значеніе это дѣленіе имѣетъ въ гражданскомъ правѣ.

Глава 3. Источники права.

§76. Общій очеркъ. Ius civile и jus honor.

Приступая къ вопросу объ источникахъ права въ періодъ принципата слѣдуетъ прежде всего высказать то общее положеніе, что такъ какъ въ эту эпоху римскій республиканскій государственный строй сохраняется, то естественно, что и факторы образованія и развитія права, дѣйствовавшіе въ эту эпоху, остаются и теперь. Мы встрѣчаемъ здѣсь, какъ и тамъ, постановленія народныхъ собраній — leges, senatus consulta, эдикты магистратовъ и дѣятельность юристовъ. Но къ этимъ факторамъ правообразованія теперь присоединяется

еще новый, - это постановления императоров - constitutiones principum. Однако и съ каждымъ изъ прежнихъ факторовъ теперь приходятъ весьма крупныя и существенныя перемѣны. Какъ во всѣхъ вообще областяхъ государственной жизни, такъ и въ развитіи права, главной дѣйствующей пружиной является теперь власть принцепса, благодаря чему все вновь слагающееся въ эту эпоху правомѣрно носитъ свой особенный характеръ, отличающій его отъ права сложившагося въ предшествующій періодъ. Эта отличительная характерная черта права этой принципата состоитъ въ томъ, что оно, благодаря вліянію принцепсовъ, получаетъ болѣе широкій и всеобъемлющій характеръ, какъ того и требовала быстро развивавшаяся въ то время жизнь. Разницу въ правѣ этой принципата отъ права республиканскаго времени отмѣтили еще римскіе юристы, давши вновь образовавшемуся въ этотъ періодъ праву названіе jus novum, при чемъ оно прилагалось не только къ праву вырабатываемому новыми органами - принципатомъ, но и къ тѣмъ старымъ органамъ, которые вырабатывали цивильное право, потому что и въ ихъ произведеніяхъ замѣчается духъ новой эпохи. Этому jus novum противополагается jus civile, которое въ этомъ противопоставленіи получаетъ новое значеніе, какъ названіе всего стараго республиканскаго права, а не только права, вырабатываемаго собственно римскими законодательными органами (самимъ народомъ), какъ понималось оно ранѣе

Сдѣлавъ общій очеркъ факторовъ правообразованія и его общаго характера, мы должны перейти теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ явленій, которыя были внесены въ изучаемый періодъ въ каждый изъ органовъ правообразованія.

§ 77. I. Законы (leges).

Относительно состоянія законодательства въ періодъ принципата, слѣдуетъ сказать, что въ первое время этого періода, когда импер. Августомъ были возстановлены народныя собранія со всѣми ихъ правами и между прочимъ законодательною властію, замѣчается особенное оживленіе ихъ дѣятельности въ этомъ направленіи; чрезъ народное собраніе проводится цѣлый рядъ важныхъ законовъ. Однако необходимо замѣтить, что это оживленіе законодательной дѣятельности народныхъ собраній было только привычнымъ, такъ какъ оно исходило не отъ самихъ ихъ, а отъ принцепса, въ рукахъ котораго эти собранія составляли пассивное орудіе. Такъ, импер. Августъ проводитъ чрезъ народныя собранія слѣдующіе законы. Прежде всего, въ виду крайняго упадка нравовъ римскаго общества въ это время Августъ издаетъ рядъ законовъ, направленныхъ къ поднятію народной нравственности. Такъ, во-первыхъ, чтобы поднять число браковъ, которое въ это время дошло до minimum'а проводится рядъ законодательныхъ мѣръ, которыми

лицамъ, состоящимъ въ бракѣ и имѣющимъ дѣтей, даются различныя привилегіи во всѣхъ областяхъ права (напр. освобожденіе отъ нѣкоторыхъ повинностей, привилегіи въ наслѣдованіи и т. п.). Эти законы Августа встрѣтили однако упорное сопротивленіе въ народномъ собраніи и прошли только послѣ упорной борьбы и компромиссовъ. Къ числу ихъ относятся:

1, lex Julia de adulteriis 736 года. 17

Въ этомъ законѣ кромѣ наказаній за прелюбодѣяніе содержится и нѣкоторое поощреніе брака, что составляетъ особый отдѣлъ этого закона, имѣющій свое наименованіе: lex Julia de fundo dotale (но это не отдѣльный законъ); здѣсь ограждается недвижимое приданое жены отъ растратъ со стороны мужа.

2., lex Julia de maritandis ordinibus - о положеніи различныхъ сословій по отношенію къ браку (брачное право). Первая редакція этого закона вышла въ 736 году, но черезъ 17
10 лѣтъ Августъ на основаніи опыта вноситъ нѣкоторыя измѣненія и дополненія въ этотъ законъ, который однако встрѣтилъ упорное сопротивленіе, такъ что даже когда онъ прошелъ, то было постановлено, что онъ вступитъ въ дѣйствіе только
83 черезъ три года, но по прошествіи ихъ потребовалась еще двухлѣтняя отсрочка; на- 19
конецъ, въ 762 г. этотъ законъ съ новыми дополненіями вноситъ консуломъ Папіемъ и Поппеемъ, почему онъ послѣ утвержденія

л. XXI.

и получает название lex Julia et Papia Poppaea.

Кроме этих двух законов, касающихся брака, при Августе выходит еще в 752 году lex Julia vicesimaria, устанавливающий налоги на наследство в размере 5% со всей его суммы.

Затем, двумя другими законами: lex Aelia Sentia 769 года и lex Fufia Caninia 771 года ограничивается право отпуска рабов на волю, потому что они увеличивали собой пролетариат.

При Августе же издаются еще законы о судопроизводстве (leges Juliae judiciariae): во-первых, lex Julia de judiciis privatis и во-вторых de judiciis publicis. Наконец выходят два закона о наказаниях за насилие и самоуправство; это lex Julia de vi privata и lex Julia de vi publica.

Таким образом мы видим, что при императоре Августе чрез народное собрание проводится целый ряд важных законов, но при этом необходимо отметить, что все они издаются по инициативе императора (потому большинство и носит его имя); при чем по большей части он сам вносит их в собрание, иногда же бывают это консулы.

При преемниках Августа законодательная деятельность народных собраний прекращается, но постепенно начинается ее упадок. При Тиберии издаются, во-первых, несколько законов касательно вольноотпущенных (lex Junia Vellea 27 г. по Р.Х., lex Junia Norbana 19 г.,

lex Visellia 24 г.)

Затѣмъ при Тиверіи же проходитъ lex Iunia Petronia 19 г. Онъ касался положенія рабовъ, именно, запрещалъ господамъ подвергать рабовъ безъ суда уголовнымъ наказаніямъ (т. е. тяжкимъ тѣлеснымъ и смерти). Обо всѣхъ этихъ законахъ Тиверія извѣстно, что они были внесены не самимъ лично императоромъ, но магистратами по его приказанію.

Наконецъ при импер. Клавдіи также проводится нѣсколько законовъ чрезъ народное собраніе, но не въ силу необходимости, а единственно по привязанности этого императора (бывшаго археологомъ) къ древнимъ формамъ государственнаго строя.

Послѣ Клавдія законодательная дѣятельность народныхъ собраній сразу падаетъ. Послѣднимъ закономъ, прошедшимъ чрезъ народное собраніе, былъ lex agraria императ. Нервы, послѣ котораго, уже неизвѣстно ни одного закона. Однако de jure народныя собранія и ихъ законодательная дѣятельность уничтожены не были, но de facto никогда не собирались. Это объясняется тѣмъ, что ихъ участіе въ законодательствѣ было исключительно только формальностью.

§78. II. Постановленія сената. (Senatus consulta)

Значеніе втораго фактора развитія права - сената - въ изучаемый періодъ, повидимому, увели-

чивается, такъ какъ онъ получаетъ теперь прямую законодательную власть, и постановленія его, senatus consulta, имѣютъ теперь силу закона. Но совершается это не законодательнымъ путемъ, а путемъ практическимъ и, именно, слѣдующимъ образомъ. Законодательная власть народныхъ собраній, какъ мы только что видѣли, падаетъ, но сразу взять эту власть въ свои руки принцепсы не рѣшаются, такъ какъ республиканскія традиціи еще были сильны въ народѣ. Поэтому они переносятъ ее на сенатъ, что даетъ имъ въ сущности всю власть въ этой области, такъ какъ сенатъ почти всецѣло находился въ ихъ рукахъ. Но разъ постановленіямъ сената по волѣ принцепса дается такое значеніе, то очевидно, что фактически они получаютъ силу равную закону, такъ какъ сопротивленія, при согласіи двухъ главныхъ органовъ государственной власти, новому порядку дѣла никто оказать не можетъ. Единственно у кого возникаютъ сомнѣнія относительно этого (т. е. имѣютъ ли senatus consulta силу закона) - это у юристовъ ближайшаго къ этому событію времени, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ Гай (senatus consultum est, quod senatus jubet atque constituit, idque legis vicem obtinet, quamvis fuerat quaesitum); но черезъ 50 лѣтъ (въ началѣ III вѣка) Ульпіанъ уже говоритъ, что никто не сомнѣвается въ законодательной власти сената (nemo dubitat, senatum jus facere posse).

Л. XX

Таким образом и юристы уже принимаются и признают совершившийся факт. (Здесь не лишне отметить точность языка римских юристов; ни один из них не говорит, что senatus consultus есть lex, но что они legis vicem obtinent т. е. имеют силу равную закону).

По своему содержанию senatus consulta этого принципата имеют важное значение в развитии права; но и здесь однако необходимо заметить, что роль собственно сената была при этом совершенно пассивна; она, как и все прочия области государственнаго управления, парализовалась подавляющею силою принцепса. Senatus consulta постановлялись не иначе как по предложению принцепса, которое он делал или чрез своих магистратов или лично посредством особаго послания к сенату, в котором предлагал правильные вопросы на его рассмотрение. Это обращение принцепса называлось oratio principis, так как первоначально оно было устным (речь в сенате), но потом уже облекается письменным. Сенат только обсуждал предложение принцепса и постановлял решение, понятно, всегда согласное с ним. Все дело, таким образом, сводилось к голосованию oratio principis, при чем основное значение, конечно, имеет уже не постановление сената, а это последнее (oratio principis). Наконец, в III веке значение senatus consulta уже совершенно падает.

л. 51.

§ 79. III. Эдикты магистратовъ.

Реформа Адріана (edictum perpetuum).

Какъ извѣстно, въ періодъ принципата республиканскіе магистраты сохраняютъ со всѣми своими правами въ полномъ объемѣ, и слѣдовательно, они по прежнему обладаютъ jus edicendi, которое является третьимъ источникомъ образованія и развитія права. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что судебные магистраты, эдикты которыхъ, какъ извѣстно, имѣли особенно важное значеніе въ области правообразованія (см. §57), больше всѣхъ другихъ сохраняли фактическое значеніе въ государственной жизни. Это объясняется тѣмъ, что принцепсы, интересуясь главнымъ образомъ политикой, мало вмѣшивались въ эту область. За это время судебные магистраты успѣли издать своими эдиктами въ области права много важныхъ нововведеній и измѣненій.

Но чѣмъ дальше шло развитіе принципата, тѣмъ болѣе это jus edicendi магистратовъ оказывалось несоотвѣтствующимъ общему ходу государственныхъ дѣлъ: во-первыхъ, оно оказывалось нежелательнымъ для принцепсовъ, открывая магистратамъ слишкомъ сильное вліяніе на развитіе права, и во-вторыхъ, оно имѣло то недостатство, что эдикты издавались только на годъ,

а между тѣмъ теперь jus honorarium (образующееся изъ эдиктовъ) выдвигается на первое мѣсто и дѣлается въ собственномъ смыслѣ дѣйствующимъ правомъ, оттѣсняя на задній планъ jus civile; такой важности jus honorarium не соотвѣтствуетъ то, что съ формально юридической точки зрѣнія оно имѣетъ силу лишь на время должности эдицирующаго магистрата. Этими двумя соображеніями и объясняется крупная реформа принятая по отношенію къ эдиктамъ императоромъ Адріаномъ. Въ чемъ состояла реформа Адріана, въ точности за отсутствіемъ современныхъ свѣдѣній сказать нельзя. Существуетъ же ея сводится къ тому, что Адріанъ поручилъ знаменитому юристу его времени, Сальвію Юліану собрать и привести въ одну систему все, накопившееся отъ предшествующаго времени, jus honorarium. Такимъ образомъ была составлена новая сводная редакція эдикта судебныхъ магистратовъ, которая по предложенію императора была разсмотрѣна и утверждена сенатомъ.

Однако этимъ jus edicendi судебныхъ магистратовъ совершенно не ограничивалось, и теперь преторы ежегодно при вступленіи въ должность издаютъ эдиктъ, но онъ всегда является лишь повтореніемъ эдикта Адріана, который поэтому получаетъ названіе edictum perpetuum (но, слѣдуетъ замѣтить, не въ томъ смыслѣ, въ какомъ это названіе употреблялось

л. XXI

раньше см. §57/. Дополнения же и изменения этого эдикта, которыя магистраты считали необходимыми могли быть сделаны или только съ согласія принцепса, къ которому, такимъ образомъ, и здѣсь переходитъ вся реальная власть.

Теперь возникаетъ вопросъ, какихъ же магистратовъ коснулась эта реформа Адріана. Мы знаемъ, что особенно важное значеніе имѣли эдикты судебныхъ магистратовъ и изъ нихъ преимущественно преторовъ, курульныхъ эдиловъ и провинціальныхъ магистратовъ. Несомнѣнно, что эта реформа прежде всего касалась эдиктовъ городского претора и курульныхъ эдиловъ, при чемъ эдикты этихъ послѣднихъ были редактированы въ качествѣ приложенія къ основному edictum perpetuum.

Что касается эдиктовъ другихъ магистратовъ, то это вопросъ темный; не извѣстно, вошли ли въ edictum perpetuum Адріана эдикты претора перегриновъ и провинціальныхъ магистратовъ. Можно предполагать, что оба эти вида эдиктовъ продолжали существовать и дальше самостоятельно. Но такъ какъ они по своему содержанію отличались отъ эдикта городского претора очень мало, то послѣ дарованія Каракаллой всему населенію имперіи правъ римскаго гражданства этотъ послѣдній получаетъ всеобщее значеніе, а другіе эдикты теряютъ его, такъ какъ все населеніе, получивъ право

римскаго гражданства, стало руководиться нормами эдикта городскаго претора - qui inter cives ius dicit. Но во время реформы Адріана и вследствіе особаго строя провинцій еще существовали, и потому эдикты претора перегриновъ и провинціальныхъ магистратовъ имѣли свое значеніе и только послѣ указанной реформы Каракаллы, съ которой его они исчезаютъ и остается въ дѣйствіи одинъ edictum perpetuum Адріана. Такой ходъ дѣла ричетъ одна гипотеза. Другая же говоритъ, что edictum perpetuum Адріана касался эдиктовъ всѣхъ судебныхъ магистратовъ, и что провинціальнымъ правителямъ и преторамъ перегриновъ позволялось съ согласія императора вносить нѣкоторыя измѣненія въ этотъ эдиктъ.

То же самое отсутствіе точныхъ свѣдѣній затрудняетъ и возстановленіе текста edictum perpetuum Адріана и его системы. Въ подлинникѣ онъ до насъ не дошелъ; мы имѣемъ изъ него только то, что передали римскіе юристы; но они въ подлинномъ текстѣ приводили изъ эдикта очень немного, въ комментаріяхъ же мы можемъ найти почти весь содержаніе эдикта, но подлинныя выраженія его іуже утрачены, такъ какъ ихъ трудно отличить отъ словъ автора комментарія. Въ виду всего этого возстановленіе текста эдикта представляетъ дѣломъ очень труднымъ, хотя попытки въ этомъ всегда были. Такъ германскіе ученые Rudorff и Lenel насколько возможно возстановили этотъ текстъ (его можно найти въ книгѣ Bruns'a л. XL).

Fontes juris romani antiqui).

Что касается системы эдикта Адріана, то о ней можно сказать, что все содержаніе его распадается на двѣ большія части. Первая содержитъ правила обыкновеннаго судопроизводства (jurisdictio), а вторая касается мѣръ чрезвычайныхъ, принимаемыхъ магистратами на основаніи ихъ дискреціонной власти (imperium). Но и это опять такъ не имѣетъ подъ собой твердо обоснованной почвы, потому что въ обѣихъ указанныхъ частяхъ можно найти правила и иного характера, это также только предположеніе. Важнѣе замѣтить, что эдиктъ къ этому времени разросся въ такую громадную массу правилъ и нормъ, что представлялъ изъ себя нѣкую кодификацію, которая притомъ содержала дѣйствующее право, оттѣснившее на второй планъ старое цивильное право XII таблицъ. Это обстоятельство имѣло два слѣдствія: во-первыхъ къ эдикту, какъ дѣйствующему праву пишется множество комментарій, каковы, напр., комментаріи Ульпіана въ 83 книгахъ и Павла въ 80 книгахъ (изъ которыхъ и почерпаются теперь всѣ свѣдѣнія объ эдиктѣ); во-вторыхъ: эдиктъ полагается въ основаніе школьнаго изученія права (или его преподаванія). Онъ изучался въ нѣсколько лѣтъ, для чего онъ дѣлился на опредѣленныя части. Наконецъ, такъ же, какъ слѣдствіе указаннаго значенія эдикта, является то, что всѣ позднѣйшіе законодательные кодексы составляются по плану

л. XXI

эдикта и придерживаются его системы. Такимъ образомъ edictum perpetuum отражается на всѣхъ областяхъ права: и на юриспруденціи и на преподаваніи права, и на законодательствѣ.

§80. IV. Constitutiones principum.

Подъ constitutiones principum, по точному переводу этого слова, разумѣются постановленія принцепсовъ (con-statuo). Эти постановленія въ изучаемую эпоху являются важнымъ источникомъ права. Римскіе юристы перечисляютъ четыре вида императорскихъ постановленій: 1, edicta principum, 2, decreta 3., rescripta - или epistolae и 4, mandata - Этотъ четвертый видъ подвергается сомнѣнію, одни юристы приводятъ его въ числѣ constitutiones principum, другіе - нѣтъ. Первый изъ этихъ видовъ - edicta - представляетъ ничто иное, какъ обыкновенные эдикты принцепса, какъ магистрата; decreta - суть рѣшенія его по судебнымъ дѣламъ (Судебные магистраты, какъ извѣстно еще отъ республиканскаго періода, рѣшали всѣ дѣла своими постановленіями, которыя и назывались - decreta, отъ decernere). Rescripta представляютъ изъ себя отвѣты принцепса по разнымъ юридическимъ вопросамъ, весьма часто и вопросамъ судебнымъ, съ которыми къ нему обыкновенно обращались какъ магистраты, такъ и частныя лица. Здѣсь принцепсъ высказывалъ

свое мнѣніе по данному спорному вопросу и это, такимъ образомъ, было ничѣмъ инымъ, какъ консультаціей принцепса, подобной консультаціямъ юристовъ (responsa см. §58). Если эта консультація давалась подробно въ письменной формѣ, то она называлась epistola. Наконецъ, послѣдній видъ 4) mandata - представляютъ инструкціи принцепса подчиненнымъ ему должностнымъ лицамъ, которыя вручались имъ при отправленіи къ мѣсту служенія. Этимъ и объясняется между прочимъ то, что нѣкоторые юристы не упоминаютъ ихъ въ числѣ конституцій императора, потому что они имѣли большею частью административный характеръ, а не юридическій. Но въ нихъ принцепсъ могъ давать не только административныя правила, но и болѣе общія юридическія нормы, почему другіе юристы, обращая вниманіе на эту сторону мандатовъ, причисляютъ ихъ къ конституціямъ принцепсовъ. (Примѣромъ того, какимъ образомъ въ mandata, имѣющихъ вообще административный характеръ, могутъ проводиться нормы общеюридическаго значенія, можетъ служить слѣдующій случай: со времени Цезаря солдаты получаютъ особыя права по составленію завѣщаній, состоящія въ освобожденіи ихъ отъ нѣкоторыхъ формальностей этого акта; это, очевидно, составляетъ новую юридическую норму; но однако она проведена была не законодательнымъ путемъ, а административнымъ порядкомъ; т.е. народ[illegible] инструк

ций (mandata) военным и гражданским властям/

Что касается значения всех этих видов императорских конституций, то по общему принципу ни один из них не может считаться законом, так как законодательной власти принцепс не имеет; это видно и из самых названий этих конституций. Значение же constitutiones principum как источников права таково. Те распоряжения принцепса, которые заключаются в edicta по общему правилу действуют в пределах компетенции магистрата и только на время его должности, но принцепс распространяет свою власть на все области государственного управления, и должность его пожизненна, поэтому и эдикты его имеют такое же значение. После смерти принцепса эдикты его собственно теряют силу, но по большей части они подтверждались в эдиктах преемников и таким образом действовали непрерывно. Впоследствии же путем практики выработалось правило, что для продолжения действия эдиктов предшественников принцепсов не требуется даже подтверждения со стороны находящегося у власти, но только не отменение его. Таким образом сила эдиктов принцепсов распространяется на все государственное управление и на все времена, что приближает их к закону.

То же самое следует сказать и относительно decreta principum. Каждое судебное решение собственно ограничивается в своих

фактический данным фактом, по которому оно состоялось, но они кромѣ этого всегда служатъ сильнымъ прецедентами и для послѣдующихъ однородныхъ рѣшеній, такъ какъ судьи, что вполнѣ естественно, вообще склонны сообразоваться въ своихъ рѣшеніяхъ съ прежними. Эту же силу и даже въ особенности, такъ какъ авторитетъ его выше другихъ привилегированной права, имѣютъ и рѣшенія принцепсовъ, заключающіяся въ ихъ декретахъ; они служатъ хотя de jure и новазательнымъ, но de facto въ высокой степени авторитетнымъ руководствомъ для судей во всѣхъ послѣдующихъ случаяхъ. Такимъ образомъ, и тѣ нормы и правила, которыя находятся въ декретахъ принцепсовъ также приближаются по фактической силѣ къ закону. Въ своихъ декретахъ принцепсъ можетъ или придавать извѣстное толкованіе старой нормѣ или создавать новую, благодаря чему decreta получаютъ большое значеніе въ развитіи права.

Третья форма - rescripta представляютъ разъясненія императора по частнымъ юридическимъ вопросамъ и обязательны въ сущности только для даннаго случая и лица; но въ силу высокаго авторитета его это толкованіе дѣлается обязательнымъ руководствомъ для всѣхъ однородныхъ дѣлъ. Если предложеніемъ принцепсу на разрѣшеніе случай не предусмотрѣнъ закономъ, то онъ, очевидно, могъ создавать въ своемъ разъясненіи новую

См. стр. 138

Эта именно сторона была главнымъ средствомъ ихъ вліянія на народъ, то на нее принцепсы обращаютъ особенное вниманіе и стараются подчинить ее своему авторитету. Съ этою цѣлію импер. Августъ прибѣгаетъ къ слѣдующей мѣрѣ. Онъ устанавливаетъ особое jus respondendi (право давать консультаціи), которое дается по усмотрѣнію императора нѣкоторымъ юристамъ. Понятно, что они давали это право только тѣмъ изъ юристовъ, которые были преданы имъ. Но право давать консультаціи само по себѣ принадлежитъ каждому не только юристу, но и человѣку, не имѣющему юридическихъ познаній; очевидно, поэтому, что это jus respondendi нужно понимать въ какомъ-нибудь иномъ смыслѣ. Оно было особенной привиллегіей, даваемой императоромъ, въ силу которой высказываемыя такимъ привиллегированнымъ юристомъ мнѣнія по различнымъ судебнымъ дѣламъ дѣлаются обязательными для судьи, рѣшающаго эти дѣла. Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь не простую дачу юридическихъ совѣтовъ, право которой принадлежитъ всякому, а процессуальныя мнѣнія нѣкоторыхъ юристовъ, имѣющія обязательную силу. Поэтому еще римскіе юристы въ числѣ источниковъ права указывали responsa et sententiae eorum, quibus permissa est jura condere, очевидно, разумѣя здѣсь консультаціи привиллегированныхъ юристовъ. Здѣсь возникаетъ вопросъ,

какимъ образомъ долженъ поступить судья или вообще примѣнитель права, если ему будетъ предложено нѣсколько различныхъ респонсовъ привиллегированныхъ юристовъ. На это нужно сказать, что въ такомъ случаѣ судья освобождался отъ обязательности ихъ и могъ рѣшить дѣло уже по своему усмотрѣнію.

Что касается формы, въ которой давались этими привиллегированными юристами ихъ обязательныя responsa, то къ описываемому времени во избѣжаніе подлоговъ для нихъ устанавливается закрытая форма за печатями самого юриста и свидѣтелей. Относительно силы и значенія респонсовъ слѣдуетъ сказать, что безъ сомнѣнія они прежде всего имѣли обязательность для даннаго случая; но простиралась ли ихъ сила и на всѣ послѣдующіе однородные, это-вопросъ спорный. Существуетъ въ литературѣ и положительный отвѣтъ на него, но едва ли бы Августъ далъ юристамъ такую силу, потому что это равнялось бы дарованію имъ законодательной власти, что, конечно, было противно его интересамъ. Другое мнѣніе (Пухты) говоритъ, что не только responsa, даваемыя по опредѣленной формѣ, имѣли обязательность, но такую силу имѣли вообще всѣ мнѣнія привиллегированнаго юриста, высказанныя имъ устно или письменно въ своихъ авторскихъ трудахъ. Въ подтвержденіе этого Пухта приводитъ то соображеніе, что если обязательно мнѣніе юриста, высказанное въ одной формѣ (въ responsum),

См. 340

важенъ вопросъ, въ какое отношеніе они станутъ другъ къ другу. Слѣдуетъ замѣтить, что они стали въ отношенія дружественныя; правда, были единичные случаи столкновеній между ними, но они не имѣли послѣдствій. Юристы сознавали силу новаго строя и потому, хотя съ строго правовой точки зрѣнія и не могли признать его законнымъ, не протестовали противъ него. Такія мирныя отношенія между этими главными силами права были очень полезны для этого послѣдняго. Въ республиканскія времена лучшія силы государства привлекались къ государственной дѣятельности, теперь, когда она всецѣло подпала подъ произволъ принцепсовъ, эти лучшія силы естественно отвратились отъ нея и обратились къ слѣдующей почетной дѣятельности – практическо-юридической. Благодаря происшедшему такимъ образомъ напливу лучшихъ силъ, юриспруденція быстро развивается и достигаетъ въ это время колоссальныхъ успѣховъ. Но съ другой стороны и принцепсы нуждались въ талантливыхъ людяхъ и, не имѣя основаній не довѣрять этому классу, начинаютъ замѣщать всѣ должности людьми съ юридическимъ образованіемъ. Поэтому всѣ крупные юристы эпохи принципата, какъ напр. Павелъ, Ульпіанъ и др., занимаютъ государственныя должности: юристы проникаютъ въ сферы, администрацію, совѣтъ принцепсовъ и т. п., что, конечно, весьма благотворно

отражается на государственномъ управленіи и составляетъ блестящую сторону принципата. Таковы были отношенія, которыя установились между принцепсами и юристами въ интересахъ обѣихъ сторонъ и которыя, какъ мы видѣли, имѣли большое значеніе и для государства, и для права.

Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что порядокъ прохожденія служебной карьеры въ періодъ принципата былъ таковъ же, какъ и ранѣе, т. е. начинался съ военной службы (§33), но чѣмъ больше падалъ съ теченіемъ времени республиканскій строй, тѣмъ болѣе гражданская карьера отдѣлялась отъ военной и, наконецъ, образуетъ особую область чисто гражданской службы, мѣста которой и занимаются юристами.

§82. а. Дѣятельность юристовъ практическая. Jus respondendi.

Практическая дѣятельность юристовъ въ періодъ принципата въ общихъ чертахъ остается такой же, какой она была и въ предшествующее время. Извѣстныя намъ четыре формы этой дѣятельности: responsa, cavere, agere и scribere (см. §58) существуютъ и теперь. Важная перемѣна происходитъ только относительно первой формы дѣятельности юристовъ - responsa, состоящей въ дачѣ юридическихъ консультацій. Такъ какъ

см. стр. 342 (работа писать)

норму, что увеличивало значение императорских рескриптов для развития права. Такъ же точно, какъ мы уже видѣли, и mandata могли иногда устанавливать новыя юридическія нормы.

Такимъ образомъ всѣ эти формы constitutiones principum, хотя de jure и не были законами, но фактически имѣли силу, равную закону. Quod principi placuit, legis habet vigorem, говорятъ римскіе юристы, указывая на значеніе constitutiones principum. Благодаря этому, вмѣстѣ съ возрастающимъ авторитетомъ принцепсовъ къ концу даннаго періода получается то, что всѣ другія формы права, какъ постановленія сената, народныя собранія и эдикты (приведенные теперь въ неофициальный видъ), теряютъ свое значеніе и все развитіе права совершается конституціями принцепсовъ. Такимъ образомъ и въ области источниковъ права, какъ и во всѣмъ государственномъ управленіи, принцепсъ пріобрѣтаетъ доминирующее значеніе и въ концѣ концовъ остается единственнымъ факторомъ развитія права. При этомъ вся его дѣятельность въ области права принимаетъ такое направленіе, что стремится уравнять въ правахъ все населеніе имперіи и ввести единообразіе въ государственное управленіе. Благодаря такому вліянію принципата, развитіе гражданскаго права получаетъ прогрессивный характеръ, но въ публичномъ правѣ замѣчается теченіе къ деспотіи.

1

V. Юриспруденція.

§81. Общій очеркъ положенія юристовъ во время принципата.

Юриспруденція является послѣднимъ и, можно сказать, самымъ важнымъ источникомъ образованія и развитія права въ данный періодъ. Но прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію значенія ея въ этомъ отношеніи весьма важно сдѣлать общій очеркъ положенія юристовъ въ описываемую эпоху и этимъ предоставить тотъ важный вопросъ, въ какое отношеніе становятся другъ къ другу юристы и принцепсы, этотъ главнѣйшій, но вмѣстѣ съ тѣмъ различный по характеру силы въ области права.

Еще въ республиканскій періодъ римскіе юристы пріобрѣли громадное вліяніе на право и широкую популярность въ народѣ: къ нимъ обращаются по самымъ разнообразнымъ вопросамъ не только юридическимъ, но и семейнымъ и по вопросамъ, касающимся управленія имѣніемъ и т. п. Эта популярность служила посредствующимъ звѣномъ къ государственной дѣятельности. Но и послѣ государственной дѣятельности юристы обыкновенно обращались къ практической юридической дѣятельности. Въ виду такого сильнаго авторитета юристовъ, и для нихъ и для императоровъ важно

то нѣтъ основанія лишать его этой обязательности и въ томъ случаѣ, если оно высказано въ сочиненіи. Противъ этого мнѣнія можно возразить, во-первыхъ то, что по нему необходимо признать за юристами самую широкую законодательную власть, что едва-ли возможно, и во-вторыхъ, это связывало бы и самихъ юристовъ: каждое его слово, каждое мнѣніе должно высказываться съ строгою осмотрительностію, такъ какъ оно принимается за законъ. Поэтому естественнѣе рѣшить данный вопросъ въ томъ смыслѣ, что responsa были обязательны только для даннаго случая; на послѣдующіе же ихъ обязательность не простирается, хотя безъ сомнѣнія они служатъ важными прецедентами и для этихъ послѣднихъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что этой мѣрой, т. е., дарованіемъ нѣкоторымъ юристамъ описаннаго jus respondendi, очевидно, принцепсы старались обезпечить свое вліяніе на судебную область, такъ какъ они давали это право только юристамъ, преданнымъ имъ, которые въ силу своихъ преимуществъ, привлекая къ себѣ большее количество кліентовъ, отвлекали народъ отъ юристовъ непривиллегированныхъ. 1X

§83. в. Литературная дѣятельность юристовъ.

16б.

Вторая сторона дѣятельности юристовъ состоитъ въ ихъ научно-литературныхъ трудахъ

л. XXII.

Научная разработка права, какъ мы знаемъ, началась еще въ предшествующій республиканскій періодъ; первый шагъ въ этомъ направленіи сдѣлалъ К. М. Сцевола и особенно много потрудились на этомъ поприщѣ С. С. Руфъ и его послѣдователи (с. 158). Юристы же императорскаго періода новаго внесли въ эту область немного — имъ оставалось только идти по указанному предшественниками пути. Но всетаки въ дѣятельности этихъ юристовъ можно указать нѣкоторую особенность, отличающую ихъ отъ предшественниковъ. Особенность эта состоитъ въ томъ, что всѣ представители юридической науки съ импер. Августа раздѣляются на двѣ школы или секты: прокуліанцевъ и сабиніанцевъ, названныя такъ по-имени основателей ихъ (но, какъ увидимъ ниже, не первоначальныхъ): Proculus и Sabinus. Вторая школа сабиніанская иногда называется еще кассіанской по имени другого выдающагося представителя ея Кая Кассія Лонгина. Существованіе этихъ школъ продолжалось до временъ импер. Адріана. Что касается происхожденія ихъ, то о немъ Помпоній разсказываетъ такъ. При импер. Августѣ жили два знаменитыхъ юриста Marcus Antisteus Labeo и Cnejus Atejus Capito. Оба они были одинаково крупными авторитетами, но по своимъ научнымъ и политическимъ убѣжденіямъ

него другимъ источникомъ служатъ сохранившіеся до насъ спорные пункты между этими школами. Но эти послѣдніе показываютъ, что всѣ споры и разногласія этихъ школъ касались только мелкихъ частныхъ вопросовъ. Однако сказать на основаніи этого, что принципіальной разницы въ направленіяхъ между ними совсѣмъ никакой не было, было бы слишкомъ поспѣшно, потому что наши свѣдѣнія объ отдѣльныхъ спорныхъ пунктахъ нельзя признать совершенно полными.

Для правильнаго рѣшенія постановленнаго вопроса слѣдуетъ обратить вниманіе и даже особенное на обстоятельства государственной жизни, при которыхъ возникаетъ раздѣленіе между школами. Какъ мы знаемъ, оно относится ко времени импер. Августа, т. е. къ началу принципата. Поэтому, естественно, возникаетъ вопросъ, не стоятъ-ли эти два явленія въ связи другъ съ другомъ, тѣмъ болѣе что существованіе этой связи подтверждается еще и тѣмъ, что какъ только окончательно закрѣпляется этотъ новый государственный строй (при имп. Адріанѣ), такъ исчезаетъ и противоположность между школами. Важно замѣтить здѣсь, какая же изъ этихъ школъ беретъ перевѣсъ при этомъ сліяніи? Самый замѣчательный юристъ времени

Адріана - Юліанъ, хотя онъ уже въ значительной степени освободился отъ школьныхъ различій и держался собственныхъ своеобразныхъ убѣжденій, къ которымъ уже и примыкаютъ всѣ послѣдующіе юристы, всетаки по крайней мѣрѣ по имени принадлежалъ къ сабиніанской школѣ, которая поэтому, естественно, беретъ перевѣсъ надъ другой. Политика новаго государственнаго строя, какъ извѣстно, стремилась къ тому, чтобы уравнять въ правахъ все населеніе имперіи, уничтоживъ основныя на узкомъ націонализмѣ особенныя привилегіи Италіи. Эта основная идея политики принципата по всей вѣроятности и служила главнымъ пунктомъ разногласій между данными школами: одна изъ нихъ держалась въ области гражданскаго права старыхъ національныхъ взглядовъ, а другая, наоборотъ, самыхъ широкихъ общенародныхъ и понятно, что этой послѣдней была школа сабиніанская, благодаря чему именно она и одержала верхъ надъ другой (прокуліанской), которая держалась старыхъ національно-республиканскихъ идей, противныхъ новому государственному строю и общему теченію жизни. Такимъ образомъ различіе между этими школами сводится къ политическимъ убѣжденіямъ ихъ, систематической же разницы въ разработкѣ

началу этими школами один (Лабео) быль более крупным талантом, чем Capito. Из последующих за ними юристов одни всецело шли по его следам, т. е. были въ собственномъ смыслѣ его послѣдователями, но нѣкоторые относились къ нему критически и не соглашались съ нимъ въ нѣкоторыхъ частныхъ пунктахъ. Когда такая разница образовалась, то юристы, не согласившіеся во всемъ съ Лабеономъ, стали искать себѣ главу, каковаго и нашли въ лицѣ Катона. Въ подтвержденіе этого мнѣнія обыкновенно указываютъ на то, что всѣ споры между этими школами касаются не основныхъ, принципіальныхъ, а мелкихъ частныхъ вопросовъ.

Другое мнѣніе (Бремера) утверждаетъ, что эти школы слѣдуетъ понимать не какъ только научное направленіе, но, именно, какъ двѣ отдѣльныя, научныя школы для преподаванія права, и разница между ними есть обычный антагонизмъ двухъ конкурирующихъ другъ съ другомъ школъ. Къ этому времени, говорятъ защитники указаннаго мнѣнія, образуются отдѣльныя школы для преподаванія права и изъ нихъ особенно выдаются двѣ указываемыхъ Помпоніемъ учителей (т. е. Лабеона и Капитона), которыя конкурируютъ другъ съ другомъ, чѣмъ и объясняется ихъ разница въ мелкихъ вопросахъ при полномъ однако согласіи основныхъ направленій

Чтобы разобраться во всей этой массе самыхъ разнорѣчивыхъ мнѣній и составить наиболѣе правильное понятіе о данномъ вопросѣ, необходимо обратить вниманіе главнымъ образомъ на первыя источники. Главнымъ такимъ источникомъ является уже извѣстное намъ сочиненіе Помпонія. А онъ, говоря о Лабеонѣ и Капитонѣ, какъ основателяхъ двухъ сектъ въ юриспруденціи, указываетъ и главныя ихъ направленія, что одинъ былъ реформаторомъ и прогрессистомъ, а другой консерваторомъ, а затѣмъ перечисляетъ послѣдователей того и другого. Очевидно такимъ образомъ, что онъ говоритъ о школахъ въ смыслѣ различія научнаго направленія, а не о школахъ преподавательскихъ. Помпоній сдѣлалъ уже нѣкоторый намекъ на разницу между этими школами, указывая направленіе ихъ основателей. Неизвѣстно только, насколько сохранили это направленіе ихъ приемники и даже сохранили ли совсѣмъ, такъ какъ и послѣдователи новатора могли строго держаться его мнѣній и такимъ образомъ стать консерваторами и, наоборотъ, послѣдователи консерватора могли сдѣлаться прогрессистами. Въ этомъ именно пунктѣ, касательно направленія послѣдователей Лабеона и Капитона и заключается трудность даннаго вопроса. Помпоній объ этомъ ничего не говоритъ, а кромѣ

л. XXII.

фалеко находились другъ съ другомъ. Лабеонъ принадлежалъ къ старой республиканской семьѣ и по политическимъ убѣжденіямъ былъ чистымъ республиканцемъ. Capito напротивъ происходилъ изъ незнатной семьи (его дѣдъ былъ центуріономъ въ войскѣ Суллы); онъ ничѣмъ не былъ связанъ съ республиканскимъ строемъ, такъ какъ не могъ ожидать себѣ карьеры въ республиканской магистратурѣ, и потому, естественно, сталъ на сторону новаго строя и былъ привязанцемъ принцепсовъ. Характеризуя направленіе дѣятельности этихъ двухъ юристовъ, Помпоній говоритъ: ex his Labeo plurima innovare instituit, Capito autem in his, quae ei tradita fuerant, perseverabat; hi primi quasi duas sectas condiderunt: т. е. Лабеонъ былъ новаторомъ въ области права, а Капитонъ консерваторомъ, и они положили начало раздѣленію римской юриспруденціи на двѣ секты или школы. Но различія между ними рѣзко обозначались при ихъ непосредственныхъ преемникахъ, по именамъ которыхъ и стали называться школы. Прокулъ былъ преемникомъ Лабеона, Сабинъ и Кассій преемниками Капитона.

Первый вопросъ, возникающій относительно этихъ школъ, долженъ заключаться въ томъ, какія же основанія были для раздѣленія ихъ, или каково было направленіе той и другой? Относительно этого вопроса существуютъ

множество различныхъ мнѣній, которыя всѣ могутъ быть раздѣлены на двѣ основныя группы. Одни ищутъ глубокаго принципіальнаго различія между этими школами, другіе же говорятъ, что все различіе между ними состояло въ мелочахъ, но коренной принципіальной разницы не было. Въ каждой изъ этихъ группъ въ свою очередь можно различать нѣсколько частныхъ мнѣній касательно даннаго вопроса. Такъ изъ первой группы одно мнѣніе утверждаетъ, что различіемъ между школами является идеализмъ и реализмъ въ правѣ; другіе сводятъ это различіе къ тому, что одна школа была прогрессивная, а другая реакціонная, но которая именно была такой или иной разногласятъ; третьи, наконецъ, говорятъ, что различіе между ними національное, что прокуліанцы держались старыхъ національныхъ традицій, а сабиніанцы имѣли новые широкіе международные взгляды. Но такъ какъ нельзя твердо доказать ни одного изъ этихъ принципіальныхъ различій, то вслѣдствіе этого и является другая группа мнѣній, отрицающихъ принципіальную разницу между этими школами и указывающихъ мелкія различія въ частныхъ вопросахъ. Такъ одно изъ этого рода мнѣній говоритъ, что противоположность между школами объясняется случайными причинами и именно тѣмъ, что изъ юристовъ, положившихъ

или права между ними не было; потому как та, так и другая, имея на своей стороне знаменитых представителей юридической науки, были одинаково полезны для развития права.

Разрешив таким образом первый вопрос относительно направлений научно-литературной деятельности юристов изучаемой эпохи, мы должны перейти теперь ко второму вопросу о том, в каких же формах проявлялась эта деятельность представителей того или другого направления? В этом отношении всю литературные труды юристов этого времени можно разбить на несколько групп. Так, во-первых, они составляют учебную литературу, т. е. руководства для начинающих изучать право. К ней относятся, во-первых, несколько видов систематических работ. Таковы:
1, Institutiones - первоначальные элементарные руководства по праву исторического характера (история права). Много таких руководств было написано лучшими юристами, как Ульпиан, Флорентин, Марциан и др. Наиболее важны из них по древности и по полноте дошедшего до нас материала институций Гая в 4-х книгах, относящиеся к половине II века. (Они найдены в 1816 году в Веронской библиотеке). 2, Libri ad edictum, имеющие такой же элементарный характер, но уже представляющие изложение догматических правил;

л. XXII.

3. „libri sententiarum - уже съ болѣе подробнымъ содержаніемъ, это и 4. „libri opinionum - сборники мнѣній, содержащіе болѣе подробное изложеніе догматическихъ правилъ сравнительно съ заключавшимся въ libri regularum.

Во-вторыхъ къ учебной же литературѣ относятся комментаріи. Они представляютъ изъ себя систематическія толкованія къ различнымъ областямъ права: и къ цивильному праву XII таблицъ, и къ jus honorarium, заключающемуся въ эдиктахъ, и, наконецъ, къ отдѣльнымъ законамъ (въ видѣ отдѣльныхъ монографій). Такіе комментаріи писали, напр. Ульпіанъ, Гай и друг. Первый комментарій къ цивильному праву былъ написанъ Сабиномъ, и къ нему впослѣдствіи стали писаться особые комментаріи. Такимъ образомъ, мы въ этихъ трудахъ римскихъ юристовъ имѣемъ все содержаніе дѣйствовавшаго въ то время права, что и даетъ имъ важное историческое значеніе

Кромѣ учебной систематической литературы вторую группу трудовъ римскихъ юристовъ составляютъ сочиненія практическаго характера, которыя являются результатомъ ихъ практической дѣятельности. Сюда относятся, во-первыхъ, libri responsorum. Responsa, какъ извѣстно (см. 158 и 82), были ничто иное, какъ юридическія консультаціи

по разным частным вопросам. Многие юристы записывали свои консультации и, когда таким образом накопилось известное количество материала, выпускали его в свет, при чем иногда придавали ему систематический вид. Такие книги остались, напр., Юлиана, Павла и др. Далее, так как responsa иногда давались в письменной форме, при чем они назывались epistolae, то их собрания этих письменных образцов дали особый вид юридических сочинений libri epistolarum. В-третьих, существовали еще особые libri disputationum, содержащие ответы юристов по частным спорным вопросам гражданского права. От предшествующих видов они отличаются тем, что здесь каждое мнение юриста имеет подробную мотивировку, почему и выделяются в особую группу. Наконец, в-четвертых, существовали еще libri quaestionum, которые также содержали спорные вопросы права, но только одной определенной категории, именно, те, которые разбирались в образовавшихся к данному времени школах в Риме для изучения права. Здесь часто публично обсуждались различные спорные вопросы, по преимуществу, такие, которые почему-либо в данную минуту особенно интересовали общество. Эти развлечения, называвшиеся quaestiones, по большей части записывались, благодаря чему и составились libri quaestionum.

Отличительной чертой всех перечисленных практических литературных трудов римских юристов является то, что все они представляют рассмотрение отдельных частных вопросов права, т.е. имеют казуистический характер.

Наконец, существовал еще особый вид литературных трудов юристов этого принципата, известный под названием digesta (это именовалось еще в республиканский период см. 358). Сочинения с этим названием писали многие юристы напр. Ульпиан, Павел и др. Это же название Юстиниан дает своему законодательству. Что касается характера содержания этих работ, то уже по самому названию их (digesta от dicere) можно догадаться, что они содержали в себе материал более или менее переработанный и систематизированный. В digesta обыкновенно юрист сводил в одну систему все то, что он делал в области права в течение всей своей научной деятельности. Это был таким образом свод результатов всей деятельности юриста, но не в смысле только полного собрания всех сочинений автора, представляющего простое механическое соединение отдельных трудов его; этот свод имел систематическую переработку всего материала. Digesta писались обыкновенно на склоне лет, когда юрист находил, что пора уже подвести итоги своей деятельности. Главное значение их состояло в том, что служили самым лучшим средством для определения характера деятельности известного юриста.

л. XXXII.

Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что кромѣ перечисленныхъ крупныхъ юридическихъ трудовъ существовало еще множество отдѣльныхъ монографій по разнымъ частнымъ правовымъ вопросамъ.

§84. с. Преподаваніе права.

Преподаваніе права въ изучаемый періодъ претерпѣваетъ незначительныя перемѣны сравнительно съ состояніемъ его въ республиканское время. По прежнему все обученіе состоитъ изъ трехъ послѣдовательныхъ ступеней: instituere, т. е., первоначальное наставленіе, для котораго теперь издаются особые учебники - institutiones (см. §83); instruere - болѣе подробное изученіе права и, наконецъ, audire - практическое ознакомленіе съ нимъ. Перемѣна происходитъ, во-первыхъ, въ томъ, что, тогда какъ ранѣе преподаваніе права имѣло частный характеръ, и юридическихъ школъ для этого не было, теперь образуются специальныя публичныя школы правовѣдѣнія, называемыя stationes или scholae iuris publice docentium. Эти юридическія школы въ первое время еще не имѣли государственнаго характера, а составляли частное предпріятіе отдѣльныхъ юристовъ (по большей части выдающихся), которые читали за извѣстную плату для всѣхъ желающихъ систематическіе курсы права. Относительно преподавателей этихъ школъ въ исторической литературѣ существуетъ споръ. Одни (Пухта) высказываютъ то мнѣніе, что наиболѣе выдающіеся юристы

L. XXIII.

не занимались преподаваніемъ въ этихъ юридическихъ школахъ. Но это мнѣніе не имѣетъ достаточныхъ основаній. Извѣстно, что нѣкоторые замѣчательные юристы, какъ Сабинъ, Лабеонъ, Ульпіанъ и др., занимались преподавательской дѣятельностію, доказательствомъ чего служатъ оставшіяся послѣ нихъ, какъ результатъ этой дѣятельности, institutiones и libri quaestionum.

Что касается способовъ преподаванія, то здѣсь происходитъ та перемѣна, что при громадномъ наплывѣ слушателей частный домашній способъ преподаванія дѣлается неудобнымъ, и онъ становится публичнымъ; но еще не государственнымъ, къ которому онъ составляетъ только переходъ. Наконецъ, поднимается еще вопросъ о продолжительности времени обученія въ этихъ школахъ и объемѣ учебнаго года. Точнаго отвѣта на эти вопросы дать нельзя. Продолжительности курса этихъ школъ предполагаютъ, что въ первый годъ проходился элементарный исторический курсъ по institutiones, а затѣмъ начинался догматическое изученіе права, которое (какъ было уже ранѣе замѣчено въ §79) совершалось въ порядкѣ эдикта имп. Адріана, при чемъ онъ раздѣлялся на части (partes edicti). Сколько времени продолжалось это изученіе положительно сказать нельзя; вѣроятно два, три года, при чемъ въ послѣдній учащіеся принимали уже участіе и въ практическихъ занятіяхъ. Такимъ образомъ весь курсъ былъ четырехлѣтній.

Л. XXIII

Что касается дѣленія учебнаго курса, по отношенію этого сохранилось только извѣстіе, что Лабеонъ шесть мѣсяцевъ проводилъ въ Римѣ съ учениками и шесть жилъ въ загородномъ имѣніи, гдѣ занимался литературными трудами; отсюда заключаютъ, что курсъ былъ полугодичный (одно полугодіе учебное, другое каникулярное). Другіе же говорятъ, что годъ раздѣлялся на двѣ половины, въ каждую изъ которыхъ занимался особый юристъ-преподаватель.

Извѣстно еще, что судебная дѣятельность правительственныхъ органовъ раздѣлялась на два полугодія съ нѣкоторыми праздниками (лѣтними и зимними); предполагаютъ, что къ этимъ приноравливалось и распредѣленіе занятій въ юридическихъ школахъ.

3. Отдѣльные юристы.

§85. Раздѣленіе юристовъ по эпохамъ и общая характеристика ихъ.

При разсмотрѣніи дѣятельности отдѣльныхъ юристовъ періода принципата, всѣхъ ихъ можно раздѣлить на три отдѣльныя группы, или, вѣрнѣе, эпохи, въ которыхъ каждая имѣетъ свои характерныя отличія. Эпохи эти слѣдующія: первая съ начала принципата до Юліана (Сабина); вторая - Юліанъ и примыкающіе къ нему юристы времени Адріана и Антониновъ (до половины III вѣка); третья - юристы времени Северовъ (до начала IV вѣка) и послѣдніе классическіе

юристы. Первая изъ этихъ эпохъ характеризуется совмѣстной дѣятельностью школъ Сабиніанцевъ и Прокуліанцевъ. Наиболѣе талантливые юристы этой эпохи относятся къ началу ея (Labeo, Capito, Sabinus, Proculus и др.). Далѣе идетъ уже нѣкоторый упадокъ юриспруденціи, выражающійся въ томъ, что послѣдующіе юристы только перерабатываютъ идеи предшествующихъ выдающихся представителей юридической науки. Наконецъ, въ концѣ этой эпохи снова выдвигаются крупные юридическіе таланты, во главѣ которыхъ стоитъ Юліанъ. Онъ соединяетъ двѣ, дотолѣ разрозненныя, школы и перерабатываетъ все, созданное ими; даетъ юриспруденціи новое направленіе и такимъ образомъ открываетъ новую эпоху. Послѣдующіе юристы идутъ по пути, проложенному Юліаномъ и развиваютъ его идеи. Такъ продолжается до времени Северовъ, когда являются три крупныхъ юриста: Папиніанъ, Ульпіанъ и Павелъ, которые и полагаютъ начало новой эпохѣ. Они перерабатываютъ результаты научныхъ работъ всѣхъ предшествующихъ юристовъ. Эта ихъ работа обнимаетъ всѣ отрасли права. Время этихъ юристовъ было эпохою высшаго развитія юриспруденціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и заключительнымъ моментомъ; съ него начинается уже окончательный упадокъ ея; послѣдній проблескъ римской классической юриспруденціи мы находимъ въ лицѣ юристовъ (конца III вѣка и начала IV) Модестина и Гермогеніана.

Послѣ этой общей характеристики юристовъ трехъ указанныхъ эпохъ, мы должны перейти теперь къ разсмотрѣнію дѣятельности каждаго изъ нихъ въ частности.

Л. XXIII.

§89. Общая оценка деятельности юристов времен принципата.

Приступая к оценке деятельности юристов времен принципата, мы прежде всего должны поставить тот общий вопрос, какое влияние оказала деятельность этих юристов на развитие и обработку права, а затем уже перейти к более частным вопросам о достоинствах и недостатках их научно-литературных трудов.

Что касается первого вопроса, то на него можно сказать, что роль юриспруденции этой эпохи в развитии права была настолько велика, что с ней не могут идти в сравнение все другие источники, взятые вместе (т. е. законодательство, эдикты и проч.). Кроме своего прямого научного влияния на право, юриспруденция влияла на него еще косвенно, благодаря тому, что ее представители-юристы принимали участие и в законодательной и в административной деятельности государства и проводили здесь свои научные познания и воззрения. Как мы уже знаем, ни одно распоряжение государственных властей не выходило без участия его юристами, которые специально для этого находились при них; они придавали всем законодательным и административным актам самую тщательную и точную формулировку. Но это, повторяем, было только косвенное влияние юристов и их школ юриспруденции на право, главное же значение

шла собственно научная деятельность нач. Чтобы выяснить эту последнюю, необходимо прежде решить вопрос, какова же была задача ея, чтобы потомъ тре разсмотрѣть и то, какъ она справилась съ этой задачей. Здѣсь нужно сказать, что это была та самая задача, которая въ другую позднѣйшую эпоху (въ средніе вѣка) оказалась не по силамъ германскимъ юристамъ, которые, сознавая свое безсиліе предъ нею, не нашли ничего лучшаго, какъ заимствовать то, что было сдѣлано въ этомъ отношеніи ранѣе римскими юристами (см. введеніе §2). Задача эта состояла въ слѣдующемъ. Въ концѣ республики и въ началѣ принципата Римъ, какъ извѣстно, становился міровымъ политическимъ и торговымъ центромъ. Возникающая отсюда сложность гражданскихъ отношеній и системы государственнаго управленія вызываетъ необходимость въ новыхъ правовыхъ нормахъ, которыя бы регулировали отношенія этого новаго обширнаго оборота. Выработка такихъ нормъ въ эту эпоху совершается въ трехъ различныхъ формахъ: во 1-хъ, ius civile, примѣняющееся только къ римскимъ гражданамъ; во 2-хъ обширное ius honorarium (эдиктальное право), которое преимущественно и касается новыхъ отношеній; наконецъ, въ 3-хъ съ начала періода принципата вырастаетъ еще новая группа юридическихъ нормъ, - такъ называемое ius gentium. Такимъ образомъ слагается къ founding времени три совершенно различныхъ по духу и цѣли населенія права, и государству приходится позаботиться о переработкѣ всѣхъ ихъ въ одно стройное цѣлое, чтобы устранить вредныя для государства и самого права различія.

л. XXIII

и противоречия, существовавшия ранее въ указанныхъ частяхъ его. Эта важная и трудная задача и была выполнена не законодательствомъ, а именно трудами самихъ юристовъ въ чемъ и заключается ихъ заслуга предъ государствомъ и исторiей.

Указавъ такимъ образомъ общую систему римской классической юриспруденцiи, мы должны разсмотрѣть теперь частныя достоинства ея, которыя объясняются высокимъ общимъ уровнемъ юридическихъ талантовъ Рима. Къ такимъ достоинствамъ прежде всего слѣдуетъ отнести ту черту, что во всѣхъ юридическихъ трудахъ этой эпохи мы находимъ соединенiе теорiи права съ юридической практикой. Въ современной юриспруденцiи эта черта утрачена, и указанныя области развиты между юристами-теоретиками и юристами-практиками. Находясь въ разныхъ рукахъ эти двѣ области развиваются отдѣльно другъ отъ друга, отъ чего нерѣдко происходятъ несогласiя и даже противорѣчiя между ними. Въ трудахъ же римскихъ юристовъ теорiя тѣсно связывается съ практикой, и кромѣ того сюда присоединяется еще третья сторона — преподаванiе права. Это объясняется тѣмъ, что всѣ римскiе юристы начинали свою карьеру съ государственной службы, т. е. съ практической юридической дѣятельности; затѣмъ они переходили къ дѣятельности преподавательской, въ которую вносили свой практическiй опытъ и интересъ къ правовымъ явленiямъ жизни, за которыми они не переставали слѣдить и теперь. Это направленiе они сохраняли и въ послѣдующей научной дѣятельности (теоретической). Эта черта трудовъ римскихъ юристовъ имѣетъ значенiе не только для науки права, но для

исторіи, потому что, благодаря ей, въ нихъ произведеніяхъ мы находимъ полную картину современной или общественной жизни.

Другія собственно юридическія достоинства произведеній римскихъ классическихъ юристовъ дѣлаютъ ихъ образцомъ даже для настоящаго времени, благодаря чему именно римское право и занимаетъ такое высокое мѣсто среди юридическихъ наукъ современныхъ. Къ такимъ достоинствамъ слѣдуетъ отнести, во 1-хъ, тотъ острый и глубокій анализъ каждаго отдѣльнаго юридическаго случая, которымъ отличались эти юристы. Важность и даже необходимость этого анализа открывается изъ того, что отношенія дѣйствительной жизни всегда сложны, и юридическій элементъ въ нихъ не всегда выдвинутъ на первый планъ; по большей части его необходимо еще открыть, отдѣлить отъ неюридическаго элемента и затѣмъ уже возвести къ общему правилу. Все это и лежитъ на обязанности юриста, которому въ готовомъ видѣ дается только фактъ, какъ сырой матеріалъ, а орудіемъ для разработки его въ указанномъ отношеніи является, именно, юридическій анализъ. Тѣмъ глубже и проницательнѣе будетъ этотъ послѣдній, тѣмъ выше достоинство работы юриста. Этимъ-то важнымъ орудіемъ римскіе юристы и обладали въ совершенствѣ, что составляетъ ихъ вторую заслугу, которая можетъ быть названа педагогическою.

Справедливость и стремленіе къ возможной полнотѣ изслѣдованія заслоняютъ наряду съ крупными достоинствами произведеній классическихъ

юристовъ указать и нѣкоторые недостатки ихъ. Первая слабая сторона, которую слѣдуетъ указать здѣсь, оказывается стоящей въ связи съ только что указанными достоинствами ихъ, заключающимися въ тонкомъ юридическомъ анализѣ. Необходимо замѣтить, что этотъ ихъ анализъ былъ направленъ только на отдѣльныя частныя юридическія явленія; онъ имѣлъ казуистическій характеръ; общихъ же опредѣленій и сведенія всего матеріала въ одну систему римскіе юристы намѣренно избѣгали, опасаясь впасть при этомъ трудности въ ошибку, которая могла бы послужить основаніемъ къ новому ряду новыхъ затрудненій. Первую попытку дать такія опредѣленія сдѣлали С.С. Руфъ и Сабинъ, но, какъ первая, она естественно, оказалась неудачною, и послѣдующіе юристы (напр. Павелъ) указывали ихъ ошибки; но вмѣсто того, чтобы постараться исправить ихъ, они установили правило, что общія опредѣленія въ правѣ опасны, потому что смыслъ ихъ всегда легко можетъ быть понятъ неправильно и извращенъ. Однако эти обобщенія необходимы, такъ какъ безъ нихъ невозможна и научная систематизація матеріала. Правда, у классическихъ юристовъ этотъ недостатокъ въ силу ихъ особеннаго таланта сказывался еще не такъ сильно; но онъ обнаружился со всею силою тотчасъ же, какъ только кончилась эпоха крупныхъ юридическихъ талантовъ. Юристы практики и теоретики этого позднѣйшаго времени были подавлены массой накопившагося юридическаго матеріала и не могли справиться съ нимъ. Всѣ труды предшествующихъ великихъ юристовъ нисколько не облегчали ихъ, такъ какъ они не дали

одной стройной системы всего этого матеріала.

Если подвести итогъ всему сказанному, то мы увидимъ, что достоинства произведеній римскихъ классическихъ юристовъ сводятся, во-первыхъ, къ тонкому юридическому анализу, способности точно различать въ каждомъ данномъ случаѣ юридическіе моменты отъ неюридическихъ; во-вторыхъ, къ постоянному соотвѣтствію ихъ работъ требованіямъ жизни и принципамъ справедливости и доброй совѣсти (aequitas и bona fides), ради которыхъ они не задумывались даже измѣнять буквѣ закона.

Единственный же крупный недостатокъ ихъ состоялъ въ сознательномъ уклоненіи отъ общихъ опредѣленій изъ опасенія впасть въ ошибку, откуда вытекало еще то, что они не дали (да и не могли дать) общей системы права, основанной на какихъ-либо общихъ философскихъ принципахъ. Эта задача разрѣшена только въ послѣднее время подъ вліяніемъ натуральной школы права и философіи Гегеля.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать о языкѣ классическихъ юристовъ, который также необходимо отнести къ числу достоинствъ ихъ. Онъ отличался замѣчательною точностію, и вмѣстѣ съ тѣмъ краткостію, такъ что многія слова римскихъ юристовъ впослѣдствіи становятся общеупотребительными пословицами или афоризмами. Затѣмъ римскіе юристы никогда не входили въ своихъ произведеніяхъ въ полемику другъ съ другомъ, они только отмѣчали въ нихъ согласіе или несогласіе съ ними другихъ авторовъ.

Школа строгой точной формулировки, которую проходили римскіе юристы, имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что они дольше всѣхъ другихъ писателей (историковъ, реториковъ и др. п.) сохранили чистый классическій латинскій языкъ

Отдѣлъ 4. Періодъ абсолютной монархіи.

Глава 1. Переходъ къ новому строю.

§35. Послѣднія времена принципата и переходъ къ абсолютной монархіи.

Государственный строй принципата, какъ мы знаемъ, имѣлъ значительныя отличія отъ чисто римскаго республиканскаго строя; но тѣмъ не менѣе организація его была всетаки пробуждала римскаго національнаго духа, и національная идея проведена была въ немъ съ чисто римскою послѣдовательностію. На этой почвѣ, напр., вполнѣ были построены отношенія между существовавшими въ этомъ строѣ двумя равнозначными видами органовъ государственнаго управленія, не смотря на всю ихъ искусственность. Благодаря этому принципатъ оказался въ состояніи въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ управлять государствомъ и даже придать ему внѣшній блескъ и внутреннее благосостояніе. Однако, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ болѣе обнаруживались и отражались на всемъ ходѣ государственной жизни слабыя стороны этого строя, которыя такимъ образомъ и подготовляли переходъ отъ принципата къ новому строю - абсолютной монархіи.

Къ числу такихъ слабыхъ сторонъ прежде всего слѣдуетъ отнести то, что идея равенства двухъ властей (магистратовъ республиканскихъ съ одной

стороны и новых - принципата, съ другой, которая имѣла въ основѣ этого строя и потому должна бы была проводиться съ строгою послѣдовательностію, съ теченіемъ времени все слабѣетъ и слабѣетъ: принципатъ, какъ болѣе живой по своей идеѣ органъ сравнительно съ отжившими республиканскими, постепенно стягиваетъ къ себѣ власть, иногда даже противъ своей воли, что, очевидно, составляло самый естественный и близкій къ тому необходимый переходъ къ абсолютной монархіи.

Вторая черта перехода къ новому строю заключалась въ томъ обстоятельствѣ, что Римъ и Италія въ республиканскій періодъ и далѣе въ первыя времена принципата имѣли перевѣсъ надъ другими частями государства, римско-италійское населеніе занимало господственное положеніе по отношенію къ населенію этихъ послѣднихъ и жило почти исключительно на его счетъ; но въ продолженіе періода принципата этотъ перевѣсъ постепенно уничтожается, потому что политика принципата склоняется къ тому, чтобы сравнять положеніе и управленіе италійскаго населенія съ другими частями государственной территоріи и все государство одинаково подчинить своей власти. Это, очевидно, также составляетъ одну изъ ступеней перехода къ абсолютному единовластію.

Двѣ указанныя черты принципата составляли, такъ сказать, подготовительныя ступени перехода къ новому строю; самый же переходъ обусловливался главнымъ образомъ тою (третьей) чертой принципата, что

римскій народъ въ это время теряетъ способность и интересъ къ активному участію въ политическихъ дѣлахъ. Раньше, когда все государство и его управленіе сосредоточивались въ Римѣ, каждый гражданинъ принималъ дѣятельное участіе въ политической жизни его. Но ко времени принципата народъ, утративъ интересъ къ политикѣ и замкнувшись въ своихъ частныхъ интересахъ, передаетъ всю активную власть должностнымъ лицамъ и преимущественно принцепсу, что опять-таки ведетъ къ единовластію этого послѣдняго. Для самого принцепса всѣ эти черты составляютъ слабыя стороны его организаціи, такъ какъ характеризуютъ его неустойчивость и значеніе лишь въ качествѣ переходной ступени отъ республики къ монархіи. Но особенно опасной чертой его было то, что принципатъ, какъ органъ государственной власти, по своей идеѣ былъ не болѣе, какъ высшей магистратурой, и потому порядокъ преемства его власти не имѣлъ твердости и обезпеченности. Выборный характеръ его открывалъ широкій просторъ для партійной борьбы и происходящихъ изъ нея государственныхъ волненій и неурядицъ. Принцепсы, какъ мы знаемъ, принимаютъ мѣры противъ этой необезпеченности преемства ихъ власти (см §65), но онѣ мало помогаютъ дѣлу. Избраніе намѣченнаго принцепсомъ наслѣдника его власти было необязательнымъ, и, кромѣ этого, возможна была напр. случайная гибель императора, еще неуспѣвшаго назначить себѣ преемника.

Л. XXIII

Такимъ образомъ, выборы принцепса не устранялись совершенно, а при нихъ всегда играла главную роль та сторона, на которой была сила, и такой всегда оказывалось войско, которое поэтому къ концу періода совершенно захватываетъ выборъ принцепсовъ въ свои руки, и сенатъ оказывается вынужденнымъ утверждать его. Какъ естественное слѣдствіе такого порядка начинается рядъ междоусобныхъ войнъ между различными частями войскъ, изъ которыхъ каждая выбирала своего императора, что, конечно, крайне вредно отражалось на всемъ государственномъ строѣ. Между тѣмъ въ это время государству начинаютъ угрожать внѣшнія опасности со стороны новыхъ воинственныхъ племенъ (германскихъ и славянскихъ), принцепсы же, занятые междоусобной борьбой другъ съ другомъ, не имѣютъ силы отразить ихъ. При такихъ обстоятельствахъ, естественно, все болѣе и болѣе открывалась необходимость въ единой сильной власти, которая могла бы привести государство въ порядокъ. Съ Северовъ начинается весьма быстрое теченіе въ эту сторону; предпринимаются даже административныя мѣры въ пользу единовластія. Послѣдняя попытка возстановить старый строй (т. е. сенатъ, народныя собранія и т. п.), сдѣланная Александромъ Северомъ, оказывается совершенно неудачной и кончается гибелью его. Послѣ этого начинается уже полнѣйшій безпорядокъ въ государствѣ: принцепсы, возводимые

и низлагаемые войскомъ, смѣняются едва-ли не ежегодно. Чтобы возстановить окончательно такимъ образомъ угравшій государственный порядокъ, необходимо было появленіе особенно даровитой и энергичной личности, которая бы могла подавить всѣ эти безпорядки. Таковымъ, именно, и явился императоръ Діоклетіанъ, бывшій талантливымъ полководцемъ и выбранный на престолъ совѣтомъ всѣхъ полководцевъ. Онъ положилъ начало новой организаціи государственнаго строя, проведя въ него нѣкоторые монархическіе принципы; но кончить всего дѣла, т. е. окончательно закрѣпить этотъ новый строй, онъ не успѣлъ. Это сдѣлалъ его ближайшій преемникъ Константинъ, который также былъ крупнымъ политическимъ талантомъ.

Со времени этихъ императоровъ и начинается новый періодъ, называемый періодомъ константино-діоклетіановской или абсолютной монархіи.

§96. Общая характеристика новаго строя.

Діоклетіанъ, вставши во главѣ государственнаго управленія римской имперіи, не сосредоточиваетъ еще всей власти въ однихъ своихъ рукахъ; онъ беретъ себѣ въ соправители выдающагося полководца его времени Максиміана. Далѣе, чтобы обезпечить порядокъ престолонаслѣдія, какъ Діоклетіанъ, такъ и Максиміанъ усыновляютъ себѣ по наслѣднику; первый - Галерія, а второй

Констанція Хлора. Въ 305 году Діоклитіанъ и Максиміанъ отрекаются отъ престола, и на-го вступаютъ ихъ приемники - Галерій и Констанцій Хлоръ. Послѣ смерти Діоклитіана сынъ К. Хлора Константинъ былъ объявленъ войсками въ Галліи императоромъ и послѣ нѣкоторой борьбы съ соперниками оказывается единоличнымъ властителемъ имперіи. Заняв престолъ, Константинъ проводитъ нѣсколько мѣръ, направленныхъ къ упроченію заложенна-го Діоклитіаномъ новаго строя. Первою и-самою важною изъ этихъ мѣръ, безъ сомнѣнія, является переходъ его на сторону христіанства, которое до этого времени считалось непризнанной и даже преслѣдуемой общиной, которая однако, не смотря на это, къ этому времени сильно развилась и пріобрѣла значительную политическую силу. Предшествующіе Константину императоры обыкновенно старались подавить ее гоненіями и преслѣдованіями, и Діоклитіанъ, уже хорошо понявшій, что необходимо или подавить эту общину, или стать на ея сторону, поднялъ самое жестокое гоненіе на христіанъ, но онъ ошибся въ своихъ расчетахъ: силы христіанской Церкви были уже настолько крѣпки, что гоненія при всей ихъ жестокости и упорности не могли ослабить ее. Константинъ, руководясь этимъ неудачнымъ примѣромъ, принимаетъ обратную политику по отношенію къ христіанству, т. е.,

становится на его сторону. Этимъ онъ привлекъ на свою сторону массы христіанъ, чему и былъ обязанъ своимъ торжествомъ надъ противниками.

Таковъ былъ внѣшній ходъ событій, при которыхъ утверждается новый монархическій строй государства. Что же касается общаго характера этого строя, то относительно его слѣдуетъ сказать, что вся государственная жизнь и власть въ этомъ строѣ сосредоточивается въ лицѣ императора; онъ есть единственный самостоятельный носитель государственной власти, всѣ же другіе органы ей подчинены имъ; въ немъ воплощается вся государственная идея. Но на сколько былъ простъ этотъ строй въ своей идеѣ, настолько, наоборотъ, сложна система государственнаго управленія, въ виду чего мы должны ограничиться лишь общими схематическими очерками его.

Глава 2. Государственная власть

§97. I. Императоръ.

Положеніе императора въ періодъ абсолютной монархіи въ общемъ было таково, что онъ является центромъ всего государственнаго управленія и единственнымъ обладателемъ власти. Кромѣ этого, во взглядахъ на императора замѣчается теперь еще восточный элементъ, именно на него смотрятъ не какъ на простого обладателя высшей

власти, но какъ на существо высшее и даже божественное, не понимая только, что онъ получаетъ свою власть отъ Бога, но онъ самъ есть какъ-бы божество. Въ силу такого взгляда императоръ считается стоящимъ выше закона. Это уже не высшій магистратъ, какимъ были раньше принцепсъ, а верховный и полновластный владыка государства - dominus, каковаго титула принцепсы, какъ мы знаемъ, избегали.

Соотвѣтственно такому положенію императора измѣняется и окружающая его обстановка; при дворѣ его вводится восточная пышность и строгій церемоніалъ императорскихъ пріемовъ.

Однако при всемъ этомъ по положенію, которое придалъ императорской власти Діоклетіанъ, имѣло и свои слабыя стороны. Прежде всего въ числѣ своихъ первыхъ мѣръ онъ произвелъ раздѣленіе верховной власти между нѣсколькими лицами. Онъ сдѣлалъ Максиміана совершенно равнымъ себѣ сотрудникомъ и кромѣ того далъ еще власть усыновленнымъ имъ наслѣдникамъ, которые получаютъ титулъ Цезарей. Цѣль этого раздѣленія была во-первыхъ та, что посредствомъ его Діоклетіанъ хотѣлъ урегулировать порядокъ преемственности, т.е. устранить одну изъ слабыхъ сторонъ принципата. Вторая цѣль - административная. Такъ какъ римская имперія достигла къ этому времени громадныхъ размѣровъ, и одному лицу трудно было справляться со всѣми управленіями

го, то поэтому она и дѣлится на двѣ половины: восточную и западную, изъ которыхъ въ свою очередь выдѣляются еще двѣ области для наслѣдниковъ императоровъ. Такимъ образомъ, получается четыре отдѣльныхъ части государства, и во главѣ каждой изъ нихъ стоитъ одинъ изъ представителей верховной монархической власти. (Себѣ Діоклетіанъ беретъ Грецію, Иллирію и Египетъ, Максиміанъ передаетъ Италію и Африку; Галерій получаетъ Азію, а Констанцій Хлоръ - Галлію, Британію и Испанію.

Но первой изъ этихъ цѣлей Діоклетіанъ не достигъ: порядокъ преемственности въ Римѣ никогда не былъ обезпеченъ. Строго юридически, наслѣдникъ, назначаемый императоромъ, правъ на престолъ послѣ его смерти не имѣлъ; онъ, правда, почти всегда получалъ его, но только при помощи силы. Престоломъ распоряжалось войско и придворная партія.

Вторая цѣль - облегченіе управленія оказывалась достижимой посредствомъ этой мѣры (т. е. дѣленія имперіи на 4 части), почему она и была сохранена Константиномъ. Но эта мѣра съ другой стороны имѣла своимъ отрицательнымъ послѣдствіемъ то, что въ концѣ концовъ привела къ совершенному раздѣленію государства на двѣ половины: восточную и западную имперіи. Слѣдуетъ замѣтить однако, что съ точки зрѣнія государственнаго права эти двѣ раздѣленныя части никогда не составляли

совершенно самостоятельныхъ государствъ; императорская власть всегда считалась единой, и существовало только два носителя этой власти. Поэтому, если, напр., одинъ изъ императоровъ издастъ какой-либо законъ, то онъ получаетъ силу не только въ его части имперіи, но также и въ другой. Это дѣленіе, такимъ образомъ, оказывается только фактическимъ и по своей цѣли административнымъ, но не юридическимъ, чѣмъ между прочимъ объясняется тотъ фактъ, что когда западно-римская имперія пала, права ея властителей перешли на восточныхъ императоровъ.

II. Должностныя лица.

§98. Общій очеркъ организаціи должностнаго персонала.

Какъ уже было замѣчено, общій государственный строй въ періодъ абсолютной монархіи представляется крайне простымъ, но организація государственнаго управленія, наоборотъ, становится чрезвычайно сложной. Является множество должностныхъ лицъ, которыя въ своей совокупности представляютъ цѣлую славную и при томъ крайне странную систему. Поэтому далѣе, пропустивъ нѣкоторыя подробности, обращать вниманіе на основныя идеи организаціи главнѣйшихъ правительственныхъ органовъ.

Основная реформа Діоклетіана касательно этихъ органовъ состояла въ томъ, что онъ,

во-первыхъ, строго отдѣлить гражданскія должности отъ военныхъ (dignitates civiles и dignitates militares). Причина этого вполнѣ понятна: соединеніе гражданской и военной власти въ одномъ лицѣ было опасно для императорской власти. Во-вторыхъ въ систему государственныхъ должностей строго проводится принципъ централизаціи управленія, въ силу котораго каждое должностное лицо подчинено другому, стоящему выше его, причемъ это соподчиненіе, восходя все выше и выше, заканчивается властію императора. Такимъ образомъ, каждое должностное лицо подчиняется, во 1-хъ своему непосредственному начальнику и во-2хъ, императору, въ которомъ всѣ безъ исключенія государственныя должности находятъ свое сосредоточіе и зависимость. Далѣе, закрѣпляется въ строго опредѣленныхъ рамкахъ и самая форма управленія; организуются по опредѣленнымъ правиламъ канцеляріи при должностныхъ лицахъ (officia или scrinia). Наконецъ, въ это же время выработывается титулатура должностныхъ лицъ. Первое мѣсто занимаютъ illustres, а за ними слѣдуютъ по порядку: spectabiles, clarissimi, perfectissimi и egregii. Всего, такимъ образомъ, было 5 классовъ или ранговъ. Эта титулатура важна потому, что положеніе лица въ извѣстномъ рангѣ ставило его въ начальственное положеніе надъ всѣми лицами низшихъ классовъ, не зависимо отъ рода ихъ службы, т. е. къ какому бы вѣдомству они не принадлежали. Это, очевидно, вводитъ въ государственное управленіе широкій контроль и затѣмъ производитъ частыя столкновенія властей, которыя выгодны для верховной власти въ томъ отношеніи, что не даютъ имъ усиливаться, а вдругъ къ усиленію самой центральной власти.

§99. Consistorium. Высшія должностныя лица центральныхъ органовъ управленія.

На первое мѣсто изъ центральныхъ органовъ государственнаго управленія въ періодъ абсолютной монархіи слѣдуетъ поставить consistorium (называемый еще иногда sacrum consistorium). Это былъ верховный „священный" совѣтъ императоровъ. Свое происхожденіе consistorium ведетъ, очевидно, отъ consilium principis, который, какъ мы знаемъ (изъ §68), изъ частнаго и временнаго при императ. Адріанѣ дѣлается постояннымъ и затѣмъ, пріобрѣтая постепенно все бо́льшее и бо́льшее значеніе, наконецъ дѣлается формальнымъ высшимъ государственнымъ совѣтомъ. Члены его называются comites consistoriani и дѣлятся на три класса, различающіеся присвоенной каждому изъ нихъ офиціозной и жалованьемъ. Въ совѣтъ этотъ входятъ всѣ высшія должностныя лица государства.

Компетенція consistorium'а очень сложна и разнообразна. Говоря вообще, въ немъ обсуждаются всѣ вопросы высшаго государственнаго управленія (законодательные, административные, военные, судебные и т. д.). Всѣ вопросы, восходящіе на рѣшеніе императора, предварительно поступаютъ въ consistorium и только послѣ обсужденія ихъ здѣсь идутъ уже на утвержденіе императора. Слѣдуетъ замѣтить, что въ тѣхъ случаяхъ, когда consistorium дѣйствуетъ въ качествѣ высшаго судебнаго органа, онъ получаетъ особое названіе sacrum auditorium.

Что касается отдельных должностных лиц центральных органов управления, то все они могут быть разделены на две группы: с одной стороны, именуются dignitates palatinae – придворные должности, и с другой, непридворные, а так как еще ранние должности были разделены на военные и гражданские (militares и civiles), то вследствие этого каждая из двух указанных групп распадается в свою очередь на две категории, и получаются с одной стороны, dignitates palatinae (civiles и militares), и с другой, dignitates non palatinae civiles и militares.

Если мы обратимся к первой группе должностей и рассмотрим первую категорию их, т. е. dign. palat. civiles, то увидим, что первое место среди них занимает praefectus praetorio. В период принципата, как мы знаем (см. § 68), это был ближайший заместитель императора, почти равный ему по силе, а часто фактически даже и превышающий его в этом отношении. Естественно, что первой задачей императора Диоклетиана, поставившего своей задачей возвысить императорскую власть, было ослабить эту опасную для императора силу praefectus praetorio. С этой целью, прежде, во-первых, у него отнимается военная власть и, во-вторых, вместо одного praefectus praetorio мы видим четыре по числу четырех частей государства, которые вследствие этого получают название praefecturae. (Первая praefectura orientis обнимала Малую Азию, Египет и северный берег Средиземного, вторая Illirica – северные побережья Черного моря, Балканский полуостров

л. XXIV.

и Далмацію, третья Utatica - Италію и Африку, и четвертая Gallica - Галлію, Испанію и Британію). Изъ этихъ четырехъ префектовъ тѣ два, которые состояли при Августахъ, назывались praefecti praesentales и имѣли права присутствовать въ государственномъ совѣтѣ (consistorium); префекты же Цезарей этого права не имѣли.

Вторая должность - magister officiorum. Уже изъ названія видно, что онъ былъ начальникомъ государственной канцеляріи, но должность его на самомъ дѣлѣ была гораздо шире, чѣмъ указывается въ ея названіи. Magister officiorum былъ, во-первыхъ, начальникомъ трехъ officia или scrinia, т.е. канцелярій, находящихся при императорѣ; во-вторыхъ онъ былъ главнымъ церемоніймейстеромъ императорскаго двора; въ 3-хъ, наконецъ, онъ надзиралъ за управленіемъ провинціями, а также за границами государства и находящимися на нихъ заставами. Вообще magister officiorum былъ главнымъ довѣреннымъ лицомъ императора. 2

Далѣе слѣдуетъ quaestor sacripalatii, который завѣдывалъ всѣми судебными дѣлами, восходящими къ императору. На его обязанности лежало также (leges dictare, т.е. составлять законопроекты, которые исходили отъ императорскаго имени. Въ то же время онъ вмѣстѣ съ magister officiorum былъ главнымъ начальникомъ государственной канцеляріи. На эту должность обыкновенно назначались лица, имѣющія юридическое образованіе и отличающіяся литературными талантами. 3

Сенаторское мѣсто занимаетъ comes sacrarum 4

largitionum = largitionum, который завѣдуетъ финансовымъ управленіемъ, т. е. государственными доходами и расходами.

5 За этимъ слѣдуетъ comes rerum privatarum, завѣдующій всѣми государственными имуществами.

Наконецъ послѣднее мѣсто въ ряду гражданскихъ придворныхъ должностей занимаетъ praepositus sacri cubiculi. Это былъ начальникъ всего придворнаго персонала и между прочимъ дворцовой стражи, что ставило его въ близкія отношенія къ императору, благодаря чему лица, занимавшія эту должность часто играли важную роль не только при дворѣ, но и въ государствѣ. Занимали эту должность по большей части евнухи.

Изъ числа военныхъ придворныхъ должностей слѣдуетъ указать главнѣйшую, это должность magister militum. Такихъ должностныхъ лицъ, какъ и praefectus praetorio, было четыре, и два изъ нихъ, состоящіе при Августахъ, также назывались magistri militum praesentales, а два другіе, находившіеся при Цеваряхъ, были по положенію нѣсколько ниже первыхъ.

Всѣ перечисленные придворные чины стояли во главѣ государственнаго управленія и являлись центральными органами его; всѣ прочія должности были подчинены имъ.

§ 100. Должностныя лица гражданскаго и военнаго вѣдомства въ отдѣльныхъ частяхъ имперіи. Низшій служебный персоналъ: adsessores, officia.

Положеніе должностнаго персонала въ

отдѣльныя части имперіи стоятъ въ связи съ новымъ территоріальнымъ дѣленіемъ государства, почему мы и разсмотримъ его въ связи съ этимъ послѣднимъ.

Въ отношеніи къ территоріальному дѣленію государства въ изучаемый періодъ произошли значительныя перемѣны. Раньше, какъ мы знаемъ, все государство раздѣлялось на провинціи сенаторскія и императорскія, при чемъ Римъ и Италія занимали особенное положеніе среди нихъ. Теперь же вся имперія дѣлится на четыре большихъ части по числу четырехъ носителей верховной власти, но называющіяся по имени ихъ главныхъ помощниковъ преторіанскихъ префектовъ-praefecti. Префектуры въ свою очередь дѣлятся на діоцезы (число ихъ въ каждой префектурѣ было равное), во главѣ которыхъ стоятъ намѣстники префектовъ - vicarii, подчиненные имъ. Наконецъ, уже діоцезы дѣлятся на провинціи, которыми завѣдуютъ по прежнему провинціальные правители съ различными наименованіями (proconsul, propraetor rector, praeses и т. п.); но по власти всѣ они равны и подчинены непосредственно викарію. - Цѣль этого новаго дѣленія государства составляетъ контроль надъ провинціальнымъ управленіемъ и ослабленіе власти отдѣльныхъ правителей провинцій.

Мѣстное военное управленіе организуется такъ. Въ каждой префектурѣ, какъ мы знаемъ, состоитъ magister militum, которымъ

и завѣдуетъ всѣмъ находящимся въ ней войскомъ; подъ его начальствомъ находятся duces (вожди), завѣдующіе отдѣльными частями или корпусами мѣстныхъ войскъ. За этими въ свою очередь слѣдуетъ еще рядъ низшихъ подчиненныхъ имъ военныхъ чиновъ.

Кромѣ этой системы собственно мѣстныхъ должностныхъ лицъ въ провинціяхъ находилось еще много различныхъ чиновниковъ (судебныхъ, финансовыхъ и т. п.) центральнаго вѣдомства опять-таки съ тою же самою цѣлію - установить и усилить контроль надъ мѣстными должностными лицами и свести всю ихъ систему къ одному общему центру - императору. Для этой же цѣли между прочимъ мѣстное управленіе организовалось такъ, что военная и гражданская области не совпадали; это, конечно, вносило спутанность въ отношенія тѣхъ и другихъ правителей и не давало имъ соединиться противъ центра.

Кромѣ перечисленныхъ должностныхъ лицъ центральнаго и мѣстнаго управленія существовалъ еще многочисленный низшій служебный персоналъ, который составлялся, во-первыхъ, изъ лицъ, находящихся при каждомъ высшемъ должностномъ лицѣ для особыхъ порученій. Эти лица назывались adsessores (или assessores); обязанности между ними распредѣлялись по усмотрѣнію ихъ патрона. Съ положенія ассессора при какомъ-либо должностномъ лицѣ и начиналась служебная карьера каждаго.

Низшій же служебный персоналъ составляли

такъ называемыя officia; это были канцелярии должностныхъ лицъ, подобныя тѣмъ, которыя находились при императорѣ и надъ которыми начальствовалъ magister officiorum (§99).

§101. III. Сенаты римскій и константинопольскій и старыя республиканскія магистратуры.

И въ окончательной перемѣнѣ государственнаго строя, совершившейся при установленіи абсолютной монархіи, старый республиканскій органъ - сенатъ не только сохранился въ Римѣ, но даже и въ новой столицѣ Константинополѣ учреждается вторичный такой же органъ и съ тѣмъ же самымъ названіемъ. Однако невозможно сказать, что теперь сенатъ уже не имѣетъ совершенно никакого реальнаго значенія въ государственномъ управленіи. Роль его чисто формальная и пассивная; ему объявляются сообщенія о распоряженіяхъ и мѣрахъ, объявленныхъ императоромъ. Правда, нѣкоторые императоры (напр., Феодосій) дѣлали попытки поднять его значеніе, поручая ему обсужденіе дѣлъ, поступающихъ въ государственный совѣтъ; но это были частныя и при томъ безуспѣшныя попытки. Составляется сенатъ, какъ и прежде изъ высшихъ должностныхъ лицъ; назначеніе въ сенатъ послѣ дѣйствительной службы было какъ бы почетной отставкой отъ должности. По рангу сенаторы занимали третье мѣсто

и носили титулъ clarissimi.-

Но не имѣя опредѣленныхъ служебныхъ обязанностей, сенаторы несли нѣкоторыя тяжелыя повинности. Во-первыхъ, они обязаны были занимать старыя республиканскія магистратуры, изъ которыхъ въ это время сохранялись консулатъ и претура. Это были почетныя должности безъ всякой власти, но съ тяжелою обязанностію устраивать на свой счетъ общественныя игры и выдавать изъ своихъ средствъ извѣстныя суммы на постройку общественныхъ зданій. Естественно, поэтому, что всѣ старались избѣжать этихъ должностей, но противъ этого правительствомъ принимались нѣкоторыя мѣры, напр., еще за десять лѣтъ объявлялось сенатору, что онъ долженъ будетъ нести извѣстную магистратуру, и расходы по ней, хотя бы онъ и не принялъ ея, взыскивались съ него или въ случаѣ его смерти съ наслѣдниковъ.

Во-вторыхъ, сенаторы платили особый налогъ (follis senatorius) со всѣхъ своихъ недвижимыхъ имуществъ, при чемъ онъ распредѣлялся по классамъ; высшій классъ - 12 золотыхъ монеты и низшій - 20; кто былъ не въ состояніи платить этой суммы, тотъ вносилъ только 7 монетъ, въ противномъ же случаѣ исключался изъ сенаторскаго званія.

Наконецъ, третья тяжелая обязанность сенаторовъ состояла въ томъ, что они должны были по торжественнымъ днямъ (новый годъ и день рожденія императора и императрицы) подносить подарки (5 золотыхъ монетъ, называвшіяся aurum adlatitium) императорской фамиліи. Эти подарки были обязательны, и если они не подносились даннымъ лицамъ, то сумма ихъ взыскивалась изъ его имущества.

Л. XXIV

Глава III. Территорія и населеніе.

§102. Территоріальное дѣленіе имперіи. Управленіе Римомъ и Константинополемъ. Городской строй.

Новое территоріальное дѣленіе имперіи, уже разсмотрѣнное нами въ §100, имѣетъ слѣдующій общій видъ: имперія дѣлится, во-первыхъ, на префектуры, эти въ свою очередь на діоцезы, и діоцезы на провинціи, которыя состоятъ по прежнему изъ самоуправляющихся городскихъ общинъ. Что касается самаго крупнаго дѣленія на восточную и западную имперіи, то это было дѣленіе только фактическое, но не имѣвшее юридическаго характера; императорская власть и при различныхъ носителяхъ по существу была едина. Изъ этого общаго дѣленія имперіи выдѣляются двѣ особенныя территоріальныя единицы: это столицы Римъ и Константинополь, о строѣ и управленіи которыхъ необходимо сказать особо. Доминирующее значеніе въ государствѣ Римъ, какъ мы знаемъ, утратилъ еще въ періодъ принципата и въ положеніи его отъ стараго времени сохранилася теперь только та, именно, черта, что онъ имѣетъ особенное самостоятельное управленіе. Черты этого строя были перенесены и на

новую столицу Константинополь и его управление было организовано по образцу римского, но дошедшия до насъ свѣдѣния о немъ очень скудны и недостаточны для возстановления полной картины его административнаго строя. Что же касается управления Рима, о которомъ сохранилось больше свѣдѣний, то оно было организовано такъ. Городъ и прилегающими къ нему окрестностями находится подъ главнымъ начальствомъ praefectus urbi, въ рукахъ котораго сосредоточивается вся власть въ предѣлахъ города, т.е. власть военная, судебная, административная и полицейская. По рангу однако praefectus urbi занимаетъ второе мѣсто послѣ praefectus praetorio (illustres). Подъ его начальствомъ состоятъ: praefectus vigilum, praefectus annonae, comes rationalis (завѣдующій городской казной) и т.д. По своей судебной власти praefectus urbi является высшимъ уголовнымъ и гражданскимъ судьей; на его рѣшения не допускается даже апелляции на имя императора, такъ какъ онъ дѣйствуетъ vice sacris, т.е. вмѣсто императора. Такимъ образомъ, все городское управление Рима съ его округомъ было сосредоточено въ однихъ рукахъ praefectus urbi.

То же самое было и въ Константи-

нополь. Должность городского префекта была введена здесь въ 359 году. Разница заключается только въ томъ, что должность praefectus annonae является здесь самостоятельной и независимой отъ городского префекта. (Продовольствіе доставлялось въ Константинополь изъ Египта, для чего въ Александріи находился особый praefectus annonae, состоящій подъ начальствомъ Константинопольскаго).

Городской строй всѣхъ прочихъ городовъ имперіи (кромѣ столицъ) остается прежній; это былъ муниципальный строй, который, какъ мы видѣли, уже къ концу принципата распространился по всей имперіи. Сохраняется прежняя городская магистратура съ duo viri jure dicundo во главѣ (см. §74). За магистратами слѣдуетъ городская curia или сенатъ, и за тѣмъ все остальное населеніе составляетъ городское народное собраніе. Перемѣна происходитъ лишь въ томъ, что согласно общему ходу эпохи и здѣсь народныя собранія утрачиваютъ свое значеніе и наконецъ совершенно уничтожаются, и все городское управленіе сосредоточивается въ куріи.

Печальное экономическое положеніе городовъ уже замѣчавшееся, какъ мы знаемъ, въ послѣдніе время принципата, нисколько не улучшается и процессъ

постепеннаго паденія городовъ продолжается и теперь. Кромѣ прежнихъ причинъ, вызывавшихъ этотъ процессъ, теперь присоединяется еще та, что отъ городовъ отнимаются нѣкоторыя земли, составлявшія источникъ ихъ доходовъ, въ пользу христіанскихъ церквей. Наконецъ, съ упадкомъ городскаго самоуправленія начинается еще расхищеніе городской земли представителями администраціи и даже самими императорами. Государственные налоги на города между тѣмъ нисколько не уменьшаются, а напротивъ все увеличиваются; а такъ какъ населеніе не имѣло возможности уплачивать ихъ, то по круговой порукѣ ихъ должны были платить члены высшаго городского класса - декуріоны, что вело къ разоренію и этого послѣдняго состоятельнаго класса городскаго населенія. Такъ какъ этотъ окончательный упадокъ городовъ необходимо отражался и на государственной казнѣ крайнимъ истощеніемъ ея, то въ виду этого правительство принимало мѣры для удержанія населенія отъ бѣгства изъ городовъ и для закрѣпощенія декуріоновъ въ ихъ классѣ. Упадокъ римскихъ городовъ продолжается очень долго и далеко переживаетъ саму римскую имперію; объясняется онъ не столько политическими сколько

экономическими причинами.

§103. Сословныя различія.

Всѣ сословія, существовавшія въ періодъ абсолютной монархіи, какъ мы уже отчасти знаемъ, начали складываться еще въ періодъ принципата. Первое мѣсто занимаютъ сенаторское и всадническое (equites) сословія. Они сохраняютъ прежній общегосударственный характеръ. За этими слѣдуютъ городскія сословія: декуріоновъ и августаловъ, но послѣднее съ введеніемъ христіанства исчезаетъ. За декуріонами идетъ все остальное населеніе, которое раздѣляется теперь на двѣ группы: possesores (землевладѣльцевъ) и plebs. Съ землевладѣніемъ соединяются нѣкоторыя привилегіи и обязанности, которыя и выдѣляютъ этотъ классъ населенія въ особое сословіе.

Но кромѣ этихъ чисто сословныхъ дѣленій, можно указать съ различныхъ точекъ зрѣнія еще нѣсколько классовыхъ различій населенія. Такъ, можно дѣлить населеніе по религіи на христіанъ, которые пользуются полнаго правоспособностію, язычниковъ (pagani, gentiles) и іудеевъ, имѣвшихъ ограниченныя права. Среди христіанъ въ свою очередь различались

православные (ortodoxi) и еретики. Права послѣднихъ были болѣе или менѣе ограничены смотря по роду секты; самое низкое положеніе среди ересей занимали манихеи.

По отношеніямъ къ государству можно дѣлить населеніе на римскихъ гражданъ (cives), латинянъ и перегриновъ (peregrini). Это дѣленіе съ различіемъ правоспособности существовало до Юстиніана, когда было сравнено все населеніе имперіи.

Среди сельскаго населенія необходимо отличать особый классъ крѣпостнаго населенія - Coloni, положеніе которыхъ отличалось отъ рабскаго.

(Всѣ эти дѣленія подробнѣе будутъ разсмотрѣны въ исторіи гражданскаго права.

Источники права.

§104. Общій очеркъ положенія источниковъ права.

Въ состояніи права въ изучаемый періодъ можно отмѣтить тотъ-же самый процессъ, который мы отмѣчали и во всѣхъ другихъ областяхъ государственной жизни - какъ въ періодъ принципата такъ и абсолютной монархіи. И въ эту область проводится теперь принципъ уравненія всего права подобно тому,

как управлялось, напр., население или управление государства. Как мы знаем, в общем составе права существовал целый ряд различий и противоположений. Так jus civile противополагалось jus gentium: первое имело национальный, а второе широкий общенародный характер. Такое же противоположение составляло и jus honorarium (право эдиктальное), отличающееся от других своим происхождением. Со времени принципата является еще новое противоположение: право, образующееся из императорских конституций: jus novum.

В течение времени эти противоположения все больше и больше сглаживаются. Одной из главных причин этого было то обстоятельство, что имп. Каракалла дает всему населению империи права римского гражданства и, следовательно, всему населению становится доступным jus civile, вследствие чего противоположность между ним и jus gentium сглаживается.

Точно также сглаживается и различие jus civile от jus honorarium после того, как имп. Адриан должен приводится в неподвижное состояние и переходит в руки императора, который сосредоточивает в своих руках всю законодательную инициативу.

дѣятельность всѣхъ другихъ законодательныхъ органовъ парализуется этимъ сильнѣйшимъ и все законодательство сосредоточивается въ одних рукахъ - императора, вслѣдствіе чего, естественно, въ общемъ составѣ права перестаютъ развиваться отдѣльныя части: образуется одно общее jus rotanum, которое дѣйствуетъ на всемъ пространствѣ римской имперіи. Этотъ процессъ образованія одного всеобщаго права заканчивается къ началу періода абсолютной монархіи.

Что касается источниковъ, изъ которыхъ развивалось право послѣ завершенія этого процесса, то они сами собой опредѣляются, когда мы разсмотримъ каждый изъ извѣстныхъ намъ отъ прежняго времени факторовъ развитія права. Во-первыхъ, дѣятельность народныхъ собраній, результатомъ которой явились leges, совсѣмъ прекратилась и этотъ источникъ, слѣдовательно, отпадаетъ. Далѣе, эдиктальная дѣятельность магистратовъ, какъ извѣстно, также еще со времени Адріана прекращается (дѣйствуетъ одинъ неподвижной edictum perpetuum Адріана). Senatus consulta, какъ было отмѣчено, падаютъ въ III вѣкѣ. 4й источникъ права - дѣятельность юристовъ претерпѣваетъ радикальную перемѣну. Послѣдніе классическіе

юристы, во главѣ которыхъ стояли Папиніанъ, Ульпіанъ и Павелъ, закончили важнѣйшую работу римской юриспруденціи — переработку и приведеніе всего права въ одну систему, чѣмъ и заканчивается ея классическая эпоха. Послѣдніе ея представители, Модестинъ, Гермогеніанъ и Флорентинъ жили въ концѣ III-го и началѣ IV в. Послѣ нихъ мы уже не встрѣчаемъ ни одного выдающагося имени. Правда, въ эпоху Діоклетіана юриспруденція если не научная, то, по крайней мѣрѣ, практическая стояла еще высоко: объ этомъ свидѣтельствуетъ масса оставшихся послѣ Діоклетіана рескриптовъ по судебнымъ дѣламъ, которые отличаются еще классическою ясностью и точностью изложенія. Но какъ только кончается царствованіе Діоклетіана, юриспруденція сразу быстро падаетъ и притомъ — не только наука, но и самое законодательство; форма его становится все несовершеннѣе и несовершеннѣе: вмѣсто прежней краткости и точности выраженій развивается обильное многословіе, которое не украшаетъ, а, напротивъ, затемняетъ законодательныя нормы. Естественно возникаетъ вопросъ: чѣмъ же объясняется такое быстрое паденіе юридической науки? Если даже допустить, что произошло

оскудѣніе юридическихъ талантовъ, то и этимъ нельзя объяснить такого быстраго и крайняго упадка юриспруденціи, такъ какъ къ этому времени она уже успѣла выработать серьезную школу, откуда могли выходить люди, хотя и безъ таланта, но съ солидной научной подготовкой къ юридической дѣятельности. Причины этого историческаго явленія вполнѣ еще не разработаны. Объясняютъ его вліяніемъ деспотизма императоровъ, которые будто-бы намѣренно препятствовали развиваться юридической наукѣ. Въ подтвержденіе этого указываютъ на законъ Константина, запрещающій пользоваться нѣкоторыми сочиненіями Ульпіана и Павла (notae ad Papinianum) возраженія на Папиніана. Въ законѣ это запрещеніе было мотивировано желаніемъ прекратить споры (контроверзы) въ юридической области; сторонники указаннаго мнѣнія и видятъ въ этомъ стѣсненіе, направленное противъ юридической науки. Не смотря на этотъ доводъ, мнѣніе не можетъ быть признано справедливымъ: научный духъ, разъ онъ есть, нельзя подавить и уничтожить административными мѣрами, и абсолютная монархія можетъ быть освобождена отъ этого нареканія на нее. Разбираемое явленіе го-

разро естественные может быть объяснено иными причинами - именно тем, что научныя силы въ это время вместо юриспруденціи, гдѣ онѣ сосредоточивались раньше, направляются въ другую сторону въ область богословія и религіи. При Константинѣ христіанство становится господствующей религіей и церковная карьера начинаетъ привлекать къ себѣ способныхъ и талантливыхъ людей, научныя силы которыхъ. такимъ образомъ, направляются въ богословскую область, благодаря чему эта послѣдняя быстро достигаетъ высокаго развитія.

Такова была судьба юриспруденціи - этого прежде столь могущественнаго фактора развитія права. Очевидно, что и ея вліяніе на развитіе права въ изучаемую эпоху уничтожается.

Остается дѣйствующимъ теперь, слѣдовательно, только одинъ факторъ - это императорская законодательная власть. И дѣйствительно, здѣсь замѣчается весьма сильное развитіе, выражающееся въ изданіи императорскихъ законовъ.

Что касается формъ законодательной дѣятельности императоровъ, то ихъ можно поставить въ связь съ формами сложившимися и существовав-

чиліи въ предшествовавшій періодъ принципата. Какъ и тогда вся эта дѣятельность (или вѣрнѣе-результаты ея) называется общимъ именемъ constitutiones principum или imperatorum, но изъ извѣстныхъ намъ (см. §80) прежнихъ видовъ ея не всѣ оказались вполнѣ пригодными при измѣнившемся государственномъ строѣ; остались въ силѣ только нѣкоторые изъ нихъ. Во-первыхъ,- decreta, представлявшія, какъ извѣстно, рѣшенія принцепса въ качествѣ судьи по извѣстному дѣлу, исключаются какъ непригодныя для роли законодательной формы, потомучто не устанавливаютъ общихъ нормъ.

Такая же участь и по той же причинѣ постигаетъ и mandata, бывшія, какъ опять таки мы знаемъ, инструкціями отдѣльнымъ должностнымъ лицамъ и, слѣдовательно, имѣвшимъ вообще частный административный характеръ, хотя иногда, какъ исключенія, они и устанавливались общія нормы.

Далѣе слѣдуютъ rescripta и epistolae. Они, какъ мы знаемъ, содержали мнѣнія императора по сомнительнымъ вопросамъ административнаго, гражданскаго и уголовнаго права, предлагаемымъ ими частными или должностными

лицами. Въ этихъ рескриптахъ устанавливались уже общія рѣшенія по данному юридическому вопросу (множество рескриптовъ касалось судебныхъ дѣлъ).

Такимъ образомъ, эта форма оказывалась пригодной для законодательства. Опасность была только та, что правилами, установленными применительно къ условіямъ и обстоятельствамъ даннаго случая, могли придаваться слишкомъ широкое примѣненіе: они могли распространяться и на не совсѣмъ подходящіе случаи. Поэтому относительно императорскихъ рескриптовъ замѣчается двойное теченіе. Сначала ихъ издается весьма много, что, понятно, увеличиваетъ указанную опасность, а это вызываетъ уже противоположное явленіе: чѣмъ больше растетъ количество рескриптовъ, тѣмъ больше императоры употребляютъ усилій противъ злоупотребленія ими (т. е. слишкомъ широкаго обобщенія ихъ). Противъ этого принимаются различныя мѣры. Такъ, впервыхъ, императоры неоднократно объявляютъ, что ихъ рескрипты могутъ имѣть общее значеніе лишь тогда, когда они содержатъ общія нормы. Но, очевидно, что это правило было слишкомъ неопредѣленно: различать общіе рескрипты отъ частныхъ предоставлялось опять

таки самыхъ приближенныхъ. Поэтому императоры затѣмъ объявляютъ, что только тѣ ихъ рескрипты должны приниматься за общій законъ, въ которыхъ самихъ есть указаніе, что они содержатъ общія нормы и должны приниматься за законъ. Такого рода рескрипты получаютъ особое названіе sanctio pragmatica (отъ πράγμα-дѣло).

Что касается порядка изданія императорскихъ рескриптовъ, то, мы уже знаемъ, что они издавались по просьбѣ отдѣльныхъ какъ должностныхъ, такъ и частныхъ лицъ. Составлялись рескрипты въ государственной канцеляріи и затѣмъ утверждались императоромъ, послѣ чего они поступали въ scrinia memoriae для регистраціи и затѣмъ уже при особомъ указѣ подписанные самимъ императоромъ, отправлялись по назначенію.

Четвертую форму законодательной дѣятельности императоровъ въ періодѣ принципата составляли edicta. Это были эдикты принцепса какъ государственнаго магистрата. Но, согласно особому положенію принцепса, они, какъ мы знаемъ, были подписаны и распространялись на все государство. Извѣстно также и то, что преемники обыкновенно утверждда-

ли изданные предшественниками эдикты, которые, такимъ образомъ, получали непрерывное дѣйствіе. Въ видѣ всего этого эдиктъ, очевидно, былъ самою удобною формою законодательной дѣятельности императоровъ періода абсолютной монархіи. Законы, изданные этимъ путемъ, получаютъ названіе leges edictales и составляютъ вторую форму императорской законодательной дѣятельности послѣ sanctio pragmatica. Leges edictales, въ свою очередь, раздѣлялись на двѣ группы. Одни изъ нихъ прямо отъ лица императора адресовались къ народу (почему въ заглавіи ихъ говорилось: ad populum) и публиковались на форумѣ. Иногда же эдикты адресовались къ какому нибудь высшему должностному лицу (напр. prefectus praetorio или magister officiorum) съ приказаніемъ обнародовать ихъ во всеобщее свѣдѣніе, тогда они публиковались отъ имени этого послѣдняго.

Наконецъ, существовала еще третья форма императорской законодательной дѣятельности, которая произошла отъ прежнихъ orationes principum (рѣчь принцепса въ сенатѣ). Съ усиленіемъ императорской власти oratio principis, какъ мы знаемъ, получаетъ все большее и большее и, наконецъ, даже первенству-

ющее значение предъ самымъ постановленіемъ сената, такъ какъ это послѣднее всегда утверждаетъ его. Въ концѣ концовъ ко времени абсолютной монархіи отъ этого стараго порядка остается только то, что исходящіе отъ императора законы адресуются сенату (римскому или константинопольскому), а онъ принимаетъ мѣры къ распространенію его во всеобщее свѣдѣніе. Особаго названія эта форма законодательной дѣятельности императоровъ не имѣетъ, но ее можно назвать прежнимъ именемъ oratio principis или imperatoris. Результаты всѣхъ этихъ видовъ императорской законодательной дѣятельности имѣютъ одно общее названіе leges generales (т. е. общіе законы).

Послѣ того какъ мы разсмотрѣли законодательную дѣятельность императоровъ, возникаетъ вопросъ: къ чему же свелась эта дѣятельность, каковы были ея результаты для развитія права?

Мы знаемъ, что вся масса юридическихъ нормъ (независимо отъ ихъ происхожденія) въ концѣ періода принципата была переработана юристами времени Северовъ и Антониновъ (средины и конца III вѣка) въ одну общую систему. Послѣ этого дѣятельность

Нк

юристовъ падаетъ и все послѣдующее развитіе права находится всецѣло въ рукахъ императоровъ и создаваемыя ими нормы никѣмъ не перерабатываются. Такимъ образомъ, все право изучаемой эпохи распадается на двѣ большія группы: древнее право, заключающееся ~~съ одной стороны~~ въ сочиненіяхъ юристовъ классиковъ, и съ другой стороны новое право, содержащееся въ массѣ императорскихъ конституцій. Каждая изъ этихъ частей получаетъ особое названіе: первая называется jus, а вторая - leges. Все дальнѣйшее развитіе права съ IV вѣка очевидно совершается во второй формѣ - leges, такъ какъ первая (jus) остается неподвижной. Этимъ состояніемъ источниковъ права и объясняется вся дальнѣйшая исторія развитія его. - Мы разсмотримъ судьбу каждаго изъ этихъ двухъ источниковъ отдѣльно.

20б

17б. §105. Jus vetus и отношеніе къ нему императорскаго законодательства.

Подъ общимъ наименованіемъ jus разумѣются сочиненія юристовъ трехъ или даже четырехъ вѣковъ (начиная съ конца республики и кончая началомъ абсолютной монархіи). За такой продол-

л. XXV.

ожительный срокъ къ періоду абсолютной монархіи этихъ сочиненій накопилась громадная масса. Между тѣмъ, въ нихъ, какъ мы знаемъ, заключалось все дѣйствующее право и при рѣшеніи дѣлъ необходимо приходилось обращаться къ нимъ; вполнѣ понятно, что пользованіе ими, въ виду ихъ громаднаго количества, было крайне затруднительно и даже прямо не посильно человѣку (нельзя было не только изучить эти книги, что необходимо для примѣненія, но даже и имѣть всѣхъ ихъ). Первоначальный выходъ изъ этого критическаго положенія совершился практическимъ путемъ: изъ всей массы юридическихъ сочиненій выдѣлялось нѣсколько излюбленныхъ книгъ, которыя и употреблялись на практикѣ, а вся прочая масса ихъ оставлялась безъ вниманія. Такимъ образомъ, одно затрудненіе, происходящее отъ слишкомъ большого количества сочиненій, устранялось, въ дѣйствіи находятся труды лишь нѣсколькихъ излюбленныхъ юристовъ. Но и послѣ этого остается еще другое затрудненіе: и въ сочиненіяхъ избранныхъ юристовъ было не мало и контроверзъ, среди которыхъ необходимо было разобраться. Это послѣднее и вызываетъ принятіе

л. XXVI.

императорскими правительствами нѣкоторыхъ мѣръ касательно области ума, направленныхъ къ облегченію пользованія имъ. Во-первыхъ, императоры заботятся о сокращеніи числа контроверзъ, т.е. споровъ пунктовъ между различными юристами. Законъ имп. Константина 321 г. запрещаетъ пользоваться сочиненіями Павла и Ульпіана, въ которыхъ содержатся замѣчанія на Папиніана (notae ad Papinianum), потому что здѣсь именно и заключалось много контроверзъ. Необходимо замѣтить, что этотъ законъ Константина, будучи несправедливъ по своей сущности, имѣлъ и нежелательныя для него послѣдствія. Сочиненія Павла пользовались большимъ уваженіемъ и популярностью (особенно его "Sententiarum ad filium libri quinque"); когда Константинъ запретилъ notae ad Papinianum, то среди юристовъ возникло сомнѣніе въ позволительности всѣхъ другихъ сочиненій Павла. Волненіе было настолько сильно, что оказалось необходимымъ издать особый законъ (327), который объявлялъ, что кромѣ notae ad Papinianum всѣ остальныя сочиненія Павла и между прочимъ Sententiae ad filium имѣютъ полную силу.

Въ 421 году выходитъ другой законъ относительно пользованія сочиненіями

юристовъ. Это былъ знаменитый законъ Валентиана III, который указывалъ порядокъ пользованія древними юридическими сочиненіями. (особаго названія этотъ законъ не имѣлъ, но у германцевъ онъ называется „Citirgesetz" или lex allegatoria). Онъ говоритъ, что впредь силу закона будутъ имѣть сочиненія слѣдующихъ пяти юристовъ: Ульпіана, Павла, Гая, Папиніана и Модестина, ссылки на нихъ допускаются во всѣхъ судебныхъ дѣлахъ. Но сверхъ этого тѣже самую силу имѣютъ и мнѣнія всѣхъ тѣхъ юристовъ, которыя приводятся въ сочиненіяхъ пяти указанныхъ. Далѣе, если встрѣтится разногласіе во мнѣніяхъ разныхъ авторовъ, то законъ повелѣваетъ рѣшать вопросъ большинствомъ голосовъ: принимается то рѣшеніе, въ пользу котораго высказывается большинство юристовъ. При равенствѣ же голосовъ дается предпочтеніе тому рѣшенію, на сторонѣ котораго стоитъ Папиніанъ. Если же этотъ послѣдній не касается даннаго вопроса, а остальные голоса дѣлятся поровну, то выборъ рѣшенія предоставляется на усмотрѣніе судьи. Этотъ законъ Валентиніана обращаетъ на себя вниманіе странностью своего содержанія. Цѣль его очевидно было желаніе облегчить и

упростить пользование jus. Этого они стараются достигнуть во первых сокращением изложения его, во вторых простым арифметическим подсчетом, как средством решения юридических коллизий.

Но возникает вопрос: почему же при этом отдается предпочтение именно пяти указанным юристам, это объясняется тем, что эти авторы еще ранее были особенно распространены и популярны в судебной практике. Это были первоклассные юристы и самые плодовитые авторы. Сочинения Ульпиана и Павла отличались замечательною полнотою: они обнимали все право. Гай замечателен краткостью, но в то же время и самою строгою точностью изложения. Папиниан все по своему научному авторитету является главою всех классических юристов. Наконец, Модестин является последним, а, следовательно, и новейшим представителем классической юрисприденции. Но закон давал силу не исключительно только этим юристам, а и всем другим, которые цитируются у пяти указанных, так что сочинения и других юристов не лишаются совершенно силы; закон только указывает минимальные требования от приемлемых правил: они обязательно должны

знать пять перечисленныхъ авторовъ, но по желанію могутъ пользоваться и другими.

Вторая мѣра, направленная къ облегченію пользованія jus въ законѣ Валентиніана состоитъ въ установленіи легкаго способа разрѣшенія контроверзъ между авторами (путемъ простого подсчета голосовъ). Но само собою понятно, что этотъ способъ рѣшенія поставленной задачи, по своей формальности, былъ крайне неудаченъ.

§ 106. Императорскія конституціи. Первыя кодификаціонныя попытки. (Codex Gregorianus, Hermogenianus и Theodosianus. Novellae leges).

Вторая половина дѣйствовавшаго въ императорскій періодъ права, извѣстная подъ общимъ наименованіемъ leges и состоящая изъ императорскихъ конституцій, такожде какъ и только что разсмотрѣнное jus, представляла большія затрудненія при практическомъ пользованіи ею. Пока продолжалась дѣятельность юристовъ, то императорскія конституціи перерабатывались и систематизировались ими. Но теперь, быстро накопляясь, они представляли массу сырого, никѣмъ непереработаннаго ма-

теріала. Въ этому присоединилось еще то, что публикація императорскихъ законовъ, при отсутствіи надлежащихъ способовъ ея была очень несовершенна, вслѣдствіе чего законы, при обширномъ пространствѣ имперіи не могли распространяться такъ, чтобы быть извѣстными всѣмъ и каждому. Въ виду этихъ обстоятельствъ въ изучаемую эпоху начинаются заботы о приведеніи императорскаго законодательства въ болѣе совершенный видъ. Трезъ составленіе сборниковъ лихъ конституцій. Начинается это движеніе рано и первоначально по инициативѣ частныхъ лицъ, какъ естественно и предположить, юристовъ того времени. Такимъ именно образомъ появляются два знаменитые сборника: codex Gregorianus (Грегорія, или Григоріана, жившій въ концѣ III в., около 296 г.) и codex Hermogenianus (Гермогена, или Гермогеніана, жившій въ послѣдней четверти IV вѣка). Въ первый вошли императорскія конституціи, начиная съ Севера до Діоклетіана, а второй дополняетъ его, заключая въ себѣ конституціи отъ Діоклетіана до Валентиніана II. Но оба эти сборника были неоффиціальные. Императорское правительство въ это время еще не заботится принять это дѣло въ свои руки. Но чѣмъ дальше идетъ время и вмѣстѣ

съ тѣмъ быстро растетъ число конституцій, тѣмъ больше у правительства возникаетъ сознаніе необходимости въ официальномъ сборникѣ ихъ. Реальное осуществленіе этой задачи начинается съ V вѣка. Въ 429 г. императоръ Феодосій Великій издаетъ указъ о предпріятіи официальнаго изданія императорскихъ законовъ. Для этого учреждается особая комиссія изъ девяти лицъ (высшихъ должностныхъ лицъ и юристовъ-практиковъ). Этой комиссіи императоръ ставитъ двѣ задачи: во первыхъ, собрать полный хронологическій сводъ императорскихъ конституцій и, во-вторыхъ, на основаніи этого сборника составить второй, въ который должны войти уже не всѣ конституціи, а только тѣ нормы ихъ, которыя не потеряли жизненнаго значенія и дѣйствуютъ въ настоящее время. (Первый сводъ долженъ имѣть значеніе болѣе научное, для школъ, а второй - практическое, для судовъ). Комиссія работала шесть лѣтъ, но безъ всякихъ результатовъ. Въ виду этого въ 435 г. императоромъ издается новый указъ, которымъ, во-первыхъ, увеличивается число членовъ комиссіи до 16 ти, во-вторыхъ, упрощается задача изъ тѣмъ, что изъ всей массы конституцій повелѣвается выбрать только дѣйствующія

въ настоящее время и затѣмъ изъ нихъ выбрать только юридическій элементъ, вступленія же и заключенія, - которыя, слѣдуетъ замѣтить, были въ императорскихъ конституціяхъ очень обширны, позволялось опускать. Сверхъ этого Коммисіи предоставлялось дѣлать въ конституціяхъ сокращенія и измѣненія! Все собранное такимъ образомъ должно быть расположено по опредѣленному плану, именно: по книгамъ и главамъ (титуламъ), а въ каждой главѣ матеріалъ располагался въ хронологическомъ порядкѣ, при чемъ у каждой конституціи отмѣчался годъ изданія ея, императоръ-издатель и кому она адресована. Эта работа была исполнена въ три года и въ 438 году (19 Февр.) эта первая оффиціальная кодификація leges была опубликована съ тѣмъ, чтобы изданный кодексъ вступилъ въ силу съ января слѣдующаго (439) года. Этотъ кодексъ извѣстенъ подъ названіемъ codex Theodosianus. (По нѣкоторымъ отрывкамъ можно думать, что Ѳеодосій II имѣлъ намѣреніе кодифицировать не только leges (что онъ и сдѣлалъ), но и другую половину права - jus, но

выполнено это или не было).

Издавши кодексъ, императоръ Осодосій не могъ не предвидѣть, что и послѣ него leges будутъ быстро накопляться и требовать новой кодификаціи. Поэтому онъ постановилъ, чтобы и впредь издавались оффиціальные сборники императорскихъ законовъ. Эти новые законы, издаваемые императорами теперь (послѣ кодификаціи) получаютъ общее названіе novellae leges или просто novellae. Ихъ одного такого сборника новеллъ издано не было.

При тѣхъ раздѣленіи, которое существовало между восточной и западной половинами имперіи, весьма важно было сохранить единство законодательства и въ той и другой половинѣ. Поэтому Осодосій, издавъ свой кодексъ, принялъ мѣры къ введенію его въ дѣйствіе и на западѣ. Тамъ правилъ въ это время Валентиніанъ III и Осодосій побудилъ его опубликовать изданный имъ кодексъ въ своей половинѣ. Но такъ какъ при дальнѣйшемъ существованіи раздѣленія имперіи, законодательство въ равныхъ частяхъ ея снова могло разойтись, то, для

предупрежденія этого, Осодосій входитъ въ согласіе съ Валентиніаномъ, чтобы о каждой законодательной мѣрѣ, принимаемой въ одной половинѣ имперіи, сообщалось правительству другой и здѣсь публиковалось. На условіе это почти никогда не соблюдалось и потому, естественно, законодательство обѣихъ половинъ разошлось другъ съ другомъ. Однако не сообщеніе законодательныхъ мѣръ однимъ правительствомъ другому не могло еще сильно разъединить состояніе права въ обѣихъ половинахъ имперіи. Но чрезъ полвѣка послѣ изданія кодекса Осодосія наступаетъ важное событіе, которое окончательно разрываетъ связь двухъ половинъ римской имперіи. Въ 476 году совершилось паденіе западной имперіи (послѣднимъ императоромъ ея былъ Ромулъ Августулъ, а покорителемъ явился вождь Одоакръ, низвергшій Ромула). На развалинахъ ея возникаютъ три германскія королевства: остготское, вестготское и бургундское. Этимъ событіемъ и устанавливается равличная судьба римскаго права на западѣ и на востокѣ.

§107. Судьба римского права на западе.

Разрушение западной империи и водворение на ея мѣстѣ различныхъ германскихъ королевствъ оказало на отношения ея къ востоку и на судьбу римскаго права сильное вліяніе. Единство римской имперіи, какъ это ни странно, этимъ событіемъ не нарушилось: de jure оно продолжало существовать. Завоеваніе запада не соединялось съ уничтоженіемъ прежняго римскаго строя, какъ это можно было бы ожидать. Германскіе короли, еще не утвержденные въ своей силѣ и власти, особенно среди многочисленнаго римскаго населенія, искали опоры въ авторитетѣ восточныхъ императоровъ и потому сами становились подъ покровительство этихъ послѣднихъ (поэтому историки, говоря о германскихъ королях, называютъ ихъ не imperatores, а только domini reges). Такимъ образомъ, римское государство по видимому продолжало существовать въ прежнемъ видѣ. Съ юридической точки зрѣнія это важно потому, что при такомъ положеніи

всей главные источники права для населения Западной империи остаются прежние; действует то же самое римское право, которое было и ранее. К этому обстоятельству присоединяется еще старый германский принцип, что право имеет значение не территориальное, а племенное: каждое племя живет по своему праву (а не по праву той страны, где живет). Поэтому в королевствах, возникших на месте Западной римской империи, германское и римское население жили каждое по своему праву.

Другой вопрос, который должен был подняться в первое же время, состоит в том, какими же правовыми нормами должны руководствоваться эти два племени во взаимных отношениях. Вопрос этот в разных королевствах был решен различно: у остготов для нормировки этих отношений было принято римское право, у бургундов же они регулировались не римским, а германским правом.

Л. XXVI

§108. Германскіе законодательные сборники.

Для германскаго правительства такъ же, какъ и прежде для римскихъ императоровъ было важно установить твердыя правила, по которымъ имели бы ихъ подданные. Теперь это было даже важнее, чѣмъ прежде, такъ какъ при образованіи новыхъ государствъ, естественно сопровождавшемся смутами и волненіями, правовыя отношенія въ значительной степени запутывались и кромѣ того являлась сѣть новыхъ отношеній къ новому господствующему населенію, т.е. германцамъ.— Этимъ и объясняется цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ изданію законодательства. Для насъ, изучающихъ исторію римскаго права, это важно потому, что, по вышесказанному, мы должны позаботиться о кодификаціи и римскаго права, по которому жила цѣлая половина населенія ихъ государствъ. Такія кодификаціи римскаго права дѣйствительно и были изданы во всѣхъ германскихъ государствахъ. /Пухта Л. XXV.

весь онъ дошелъ до насъ; но слѣдуетъ замѣтить, что внутреннее достоинство ихъ не высоко). Остановимся сперва на остготскомъ королевствѣ. Здѣсь еще въ началѣ VI в. (около 526 г.) Теодорихъ Великій (основатель королевства) издаетъ эдиктъ, который имѣетъ цѣлью регулировать правовыя отношенія римскаго населенія какъ въ его собственной средѣ, такъ и германцамъ. Этотъ Edictum Theodorici нельзя представлять полной кодификаціей (что видно уже по самому названію); онъ обращаетъ вниманіе только на самые важные, наиболѣе пункты, которые требовали неотложнаго разрѣшенія. Поэтому мы найдемъ здѣсь не связную систему, а рѣшеніе отдѣльныхъ правовыхъ вопросовъ.

Источниками эдикта служили: кодификація Феодосія и собственныя распоряженія Теодориха. Въ подлинной рукописи Edictum Theodorici до насъ не дошелъ, но эта рукопись существовала до XVI вѣка и была перепечатана, въ какомъ видѣ этотъ Эдиктъ и дошелъ до настоящаго времени.

Законодательныя мѣры и распоряже-

нія, издаваемыя преемниками Теодориха, собраны Кассіодоромъ въ его „varia" (смѣсь). Болѣе важное значеніе имѣютъ законодательные сборники, изданные въ вестготскомъ королевствѣ и извѣстные подъ общимъ именемъ lex romana Visigothorum. Исторія ихъ такова. Король Earich въ началѣ VII вѣка издаетъ законодательный сборникъ для германскаго населенія государства. Преемникъ его Аларихъ II предпринимаетъ изданіе такого же сборника для другой (римской) половины населенія. Для выполненія этой цѣли составляется коммиссія изъ 10 членовъ подъ предсѣдательствомъ королевскаго мажордома Гояриха. Выработанный этой коммиссіей сборникъ былъ разсмотрѣнъ натаблями и епископами въ Тулузѣ и послѣ этого утвержденъ королемъ. Въ этотъ сборникъ кромѣ кодекса Ѳеодосія и другихъ императорскихъ сборниковъ вошли еще нѣкоторыя сочиненія римскихъ юристовъ, именно: институціи Гая въ переработанномъ видѣ и мѣста изъ сочиненій Папиніана (liber primus responsorum Papiniani). Послѣ

Л. XXVI

всего этого идетъ отдѣлъ, названный interpretatio, т.е. толкованіе, но представляющій изъ себя ничто иное какъ законодательство, выработанное коммиссіей Алариха. Правда, изложеніе этого отдѣла имѣетъ форму толкованія къ сборнику, но оно содержитъ въ себѣ много новаго и все имѣетъ силу закона.

Названія этого сборника различны: lex romana, lex romana Visigothorum, breviarium alaricianum. Наконецъ, называется этотъ сборникъ именемъ Papianus. Это объясняется тѣмъ, что въ этотъ сборникъ вошло мѣсто изъ Папиніана, но одинъ переписчикъ озаглавилъ его такъ: incipit liber primus responsorum Papiani (вмѣсто Papiniani) и ошибочно причислилъ сюда слѣдующія далѣе интерпретаціи - отсюда и произошло указанное названіе сборника. (Ошибка эта открыта только въ настоящемъ столѣтіи).

Наконецъ, что касается Бургундскаго королевства, то его правители сначала заботятся о своемъ германскомъ населеніи. Король Гундобадъ (ум. 516 г.) издаетъ сборникъ законовъ для германскаго населенія, названный его именемъ (gundobada). При преемникѣ же его издается сборникъ и для римскаго населенія,

который получаетъ названіе lex чотапа ~~Burgundionum~~.

§109. Судьба римскаго права на востокѣ (законодательство Юстиніана).

Послѣ царствованія Θеодосія II императорская законодательная дѣятельность въ формѣ отдѣльныхъ leges продолжалась, но новыхъ кодификацій издано не было. Такимъ образомъ, къ царствованію Юстиніана источники права представляются въ слѣдующемъ видѣ: во-первыхъ, дѣйствуетъ jus vetus, т. е. сочиненія классическихъ юристовъ въ томъ объемѣ и формѣ, какъ они были регулированы для употребленія императорскими законами Константина и Валентиніана III (см. §105). Далѣе слѣдуетъ codex Theodosianus и, наконецъ, novellae т. е. всѣ позднѣйшія императорскія leges еще не кодифицированныя. Общее состояніе всѣхъ этихъ источниковъ права было крайне печально. Собранія сочиненій юристовъ были распространены весьма слабо сравнительно съ потребностью въ нихъ. Въ разныхъ мѣстахъ они имѣлись въ разномъ объемѣ и, большею частью, очень маломъ. Поэтому

рьшеній. Этихъ было, по большей части, очень случайныхъ. Еще важнымъ было то неудобство, что въ сочиненіяхъ классическихъ юристовъ излагалось право ихъ времени, которое за 300-400 лѣтъ во многомъ уже далеко отстало отъ жизни; нѣкоторыя нормы его уже отжили свой вѣкъ. Можно было бы думать, что эти недостатки были предусмотрѣны и восполнены императорскимъ законодательствомъ, но предположеніе это, по сравненію съ дѣйствительностью, оказывается ошибочнымъ: во-первыхъ, императорскіе законы всегда имѣли въ виду отдѣльныя положенія права, а во-вторыхъ, сами они имѣли множество пробѣловъ. Такое неудовлетворительное состояніе дѣйствующаго права, которое вредно отражалось на правосудіи, все настойчивѣе и настойчивѣе выставляло предъ императорскимъ правительствомъ необходимость выполнить ту важную задачу, которую имѣлъ въ виду, но не успѣлъ осуществить императоръ Өеодосій, т. е. кодифицировать все дѣйствующее право въ полномъ его объемѣ. Эта задача была выполнена только черезъ 100 лѣтъ послѣ него при императорѣ Юстиніанѣ, результа-

томъ чего явился знаменитый законодательный сборникъ, извѣстный теперь подъ названіемъ corpus juris civilis.

Императоръ Юстиніанъ, которому эта кодификація обязана своимъ существованіемъ, былъ племянникомъ императора Юстина. Оба они были славяне, родомъ изъ Иллиріи. (Юстиніанъ былъ сынъ поселянина). Юстинъ, дядя Юстиніана, поступилъ въ Византіи на военную службу простымъ солдатомъ, но благодаря своимъ дарованіямъ, быстро достигъ высшихъ должностей и, наконецъ, дошелъ до императорскаго трона. Занявъ тронъ, Юстинъ назначаетъ своимъ преемникомъ племянника Юстиніана. Это былъ человѣкъ весьма даровитый и энергичный, но въ то же время, крайне самолюбивый и неблагодарный. И та юридическая реформа, которая прославила Юстиніана, вызывалась столько же его честолюбіемъ, сколько сознаніемъ ея необходимости.

Для выполненія своего грандіознаго плана Юстиніанъ нашелъ себѣ даровитаго помощника въ лицѣ Трибоніана, который сначала былъ magister officiorum, а затѣмъ возведенъ на долж-

ность quaestor sacri palatii. Его имя связано съ кодификацией не менѣе имени самого Юстиніана.

Выполненіе задуманнаго дѣла Юстиніанъ началъ вскорѣ же послѣ вступленія на престолъ (526 г.). 13 февраля 528 г. издается императорскій указъ (constitutio haec, quae necessario; названіе по начальнымъ словамъ указа), адресованный къ сенату и народу. Этимъ указомъ организуется комиссія изъ 10 членовъ: высшихъ чиновниковъ государства, юристовъ практиковъ, адвокатовъ и одного преподавателя права Ѳеофила (константинопольской школы); въ числѣ членовъ былъ, между прочимъ, и Трибоніанъ. Этой комиссіи поручается составить кодификацію всѣхъ императорскихъ конституцій, которая должна замѣнить всѣ старые сборники (codex Gregorianus, Hermogenianus и Theodosianus).

Кодексъ долженъ быть составленъ по слѣдующимъ правиламъ. Во-первыхъ, въ него не должно входить все то, что не имѣетъ юридическаго характера (вступленія и заключенія конституцій), но имя императора, издавшаго законъ, должно быть сохра-

нено и стоять въ началѣ его, а въ концѣ должно быть указано время изданія. Во-вторыхъ, Комиссіи дается право дѣлать необходимыя измѣненія въ текстѣ законовъ, сокращать или дополнять его, а также соединять въ одно постановленія разныхъ конституцій. Послѣ такой обработки всѣ эти конституціи должны быть распредѣлены въ системѣ по книгамъ и титуламъ, причемъ въ каждомъ титулѣ матеріалъ располагается въ хронологическомъ порядкѣ.

Вся эта работа, данная Комиссіи была выполнена ей въ 14 сентябрѣ и 7 Апрѣля 529 года выходитъ новый указъ императора, адресованный на имя praefectus praetorio Mena (constitutio summatei publicae de novo codice confirmando). Здѣсь Юстиніанъ высказываетъ одобреніе Комиссіи за успѣшное выполненіе порученнаго дѣла, затѣмъ повелѣваетъ составленный сборникъ опубликовать и ввести въ дѣйствіе съ 16 Апрѣля того же года, * послѣ чего всѣ прежніе кодексы уже теряютъ силу, причемъ по этому новому кодексу должны разрѣшаться не только процессы дѣла, но и тѣ, которыя начались еще до выхода его въ свѣтъ.

Этотъ первый кодексъ Юстиніана до насъ не дошелъ (мы имѣемъ лишь второе изданіе его).

§140 Изданіе Дигестъ Юстиніана.

Закончивъ, такимъ образомъ, кодификацію одной половины дѣйствующаго права Юстиніанъ немедленно приступаетъ къ другой, болѣе трудной кодификаціи второй половины права, называемой jus и заключающейся въ сочиненіяхъ классическихъ юристовъ. 15 Декабря 530 года издается конституція (de auctore), которой организуется комиссія для составленія сборника права изъ сочиненій древнихъ авторовъ, которому дается названіе Digesta sive Pandecta. Предсѣдателемъ комиссіи назначается Трибоніанъ (въ то время quaestor sacri palatii); ему предоставляется выбрать всѣхъ остальныхъ членовъ комиссіи по своему усмотрѣнію, но съ утвержденія императора. Относительно самого выполненія ему предписываются слѣдующія правила. Во-первыхъ въ предполагаемый сборникъ должно войти только

то изъ сочиненій древнихъ авторовъ, что имѣетъ значеніе для настоящаго времени. Выдержки могутъ быть сдѣланы изъ всѣхъ авторовъ, а не только изъ пяти указанныхъ въ законѣ Валентиніана III и изъ всѣхъ ихъ сочиненій безъ исключенія (кромѣ законовъ Константина - см. §105). Во-вторыхъ, этой коммиссіи, какъ и предшествующей, дается право дѣлать измѣненія въ текстѣ заимствуемыхъ мѣстъ, и предписывается при каждомъ приведенномъ отрывкѣ указывать имя автора, названіе сочиненія (и даже мѣста), откуда взятъ этотъ отрывокъ. Послѣ изданія, Дигесты получаютъ силу) закона, потому что всѣ, вошедшія сюда, юридическія правила являются уже не словами юристовъ, которымъ они принадлежатъ на самомъ дѣлѣ, а какъ бы распоряженіями самого императора, такъ какъ сборникъ этотъ издается отъ его имени.

4) Черезъ три года послѣ изданія Дигестъ, именно 16 Декабря 533 года вышелъ новый указъ императора на латинскомъ и греческомъ языкахъ (constitutio tanta, или δέδωκεν ὁ Θεός), адресованный ad senatum et omnes populos, которымъ увели-

дается изданный сборникъ (de confirmando digestorum) и повелѣвается ввести его въ дѣйствіе 30 Декабря того же года. Здѣсь же Юстиніанъ даетъ отчетъ о ходѣ работъ по изданію Дигестъ.

21 Когда было предпринято изданіе сборника Дигестъ, то прежде чѣмъ приступить къ нему необходимо было выполнить сначала нѣсколько подготовительныхъ работъ къ предполагаемому изданію. Эти работы состояли въ томъ, чтобы устранить, или, по крайней мѣрѣ, уменьшить число контроверзъ между отдѣльными авторами, которые должны войти въ издаваемый сборникъ.

Съ этой именно цѣлью императоръ Юстиніанъ издаетъ рядъ указовъ, въ которыхъ даетъ рѣшенія контроверзъ, находящихся въ сочиненіяхъ юристовъ и такимъ образомъ, устраняетъ ихъ. Всѣхъ такихъ указовъ въ періодъ отъ 528 года (годъ изданія перваго кодекса) до 531 года (начало изданія Дигестъ) было издано 50 и всѣ они вошли въ составъ особаго сборника, называемаго quinquaginta decisiones (Этотъ сборникъ вошелъ во второе изданіе кодекса и въ под-

линномъ видѣ до насъ не дошелъ).

3. Послѣ этихъ 50 decisiones, являющихся подготовительной работой къ изданію Дигестъ, Юстиніанъ приступаетъ къ самому изданію; выходитъ уже извѣстный намъ указъ 15 Декабря 530 года, адресованный къ Трибоніану. Коммиссія, которая составлена была Трибоніаномъ на основаніи этого указа, состояла изъ 16 человѣкъ подъ предсѣдательствомъ Трибоніана, высшихъ чиновниковъ и профессоровъ (двухъ константинопольскихъ и двухъ беритскихъ) и 11 юристовъ-практиковъ (адвокатовъ при константинопольскихъ судахъ).

4. 5. Указъ 533 года, изданный по окончаніи изданія Дигестъ, имѣлъ слѣдующее содержаніе. Новому сборнику усвояется названіе Digesta sive Pandecta. Первымъ именемъ въ древнее время назывались юридическія сочиненія, изложенныя въ систематическомъ порядкѣ, этимъ именемъ и Юстиніанъ называетъ свой сборникъ, составленный изъ древнихъ авторовъ. Второе названіе „Pandecta" греческаго происхожденія (отъ πάν - все и δέχω - беру); оно указываетъ, что въ

этотъ сборникъ принято все, что сдѣлано юристами въ области права, короче-указываетъ на его всеобщность.

1. 4 3) Ходъ работы по указу былъ Іаковъ. Прежде всего въ качествѣ матеріала собрана была масса (три милліона versus-строкъ) древнихъ сочиненій, какія только можно было найти въ то время. (Большая часть матеріаловъ взята изъ частной библіотеки Трибоніана). Изъ всего этого матеріала была выбрана 1/20 часть (150000 строкъ), которая и вошла въ Дигесты.

5. 6) О своемъ сборникѣ Юстиніанъ говоритъ, что въ немъ нѣтъ повтореній кромѣ тѣхъ, которыя сдѣланы намѣренно; нѣтъ также и противорѣчій. Конечно это было авторское самообольщеніе Юстиніана: противорѣчія въ Дигестахъ есть и даже совершенно неразрѣшимыя. Далѣе, Юстиніанъ признается, что по слабости человѣческихъ силъ въ его Дигестахъ могутъ оказаться пробѣлы, но во всякомъ случаѣ ихъ найдется немного и дополнять ихъ можетъ лишь одинъ императоръ.

Л. XXVII.

Съ 30 Декабря 533 года сборникъ Дигестъ по указу долженъ вступить въ силу, послѣ чего всѣ другіе источники права исключаются изъ обращенія.

Желая сохранить на будущее время простоту и полноту своей кодификаціи, Юстиніанъ, во-первыхъ, категорически запрещаетъ писать толкованія къ Дигестамъ; очевидно – по тому соображенію, чтобы предотвратить возможность контроверзъ между толкователями. Понятно, что эта мѣра очень наивна, толкованіе закона необходимо при его примѣненіи и всякое судебное рѣшеніе само по себѣ есть уже толкованіе закона.

Во-вторыхъ, чтобы предотвратить ошибки въ чтеніи текста Дигестъ, Юстиніанъ запретилъ употреблять въ немъ обычныя при перепискѣ книгъ сокращенія (sillа); лицо, которое вопреки типографскому) повѣствію, перепишетъ съ сокращеніями, подвергается наказанію, а покупатель такого экземпляра имѣетъ право требовать отъ продавца возвращенія двойной цѣны.

Дозволяетъ Юстиніанъ по от-

ношеніе къ своей кодификаціи только два вида работъ: во-первыхъ παράθεσις или indices, т. е, конспективный обзоръ его законодательства, краткую передачу его содержанія, и, во-вторыхъ, буквальный переводъ (κατὰ πόδες) латинскаго текста на греческій языкъ.

§111. Содержаніе и система Дигестъ Юстиніана.

Все содержаніе изданнаго Юстиніаномъ сборника, называемаго Дигестами или пандектами, дѣлится на 50 книгъ, а каждая книга на титулы (главы), число которыхъ въ разныхъ книгахъ неодинаково (всего 432). Три Книги: 30-я, 31-я и 32 этого дѣленія не имѣютъ, но всѣ вмѣстѣ составляютъ одинъ титулъ (de legatis et fidei commissis). Каждый титулъ имѣетъ особое названіе по своему содержанію. Въ титулахъ расположены отрывки изъ древнихъ авторовъ (leges или fragmenta) съ указаніемъ ихъ именъ и сочиненій, откуда они заимствованы. Болѣе обширные отрывки дѣлятся еще на параграфы (причемъ параграфу первому) предше-

ствует вступление (principium).

Кроме этого деления на книги, титулы leges и параграфы, Юстиниан дал еще свой сборник на partes. Это последнее деление было сделано в виду учебных целей и было составлено применительно к Digesta; в порядке коего в то время совершалось преподавание права (см. §84). Pars prima, имевшая греческое название πρῶτα, обнимала первые 4 книги Digesta; II-ая озаглавливалась de judiciis и содержала 5-11 книги; III – de rebus creditis 12-19 кн.; IV nubilicus (пупъ, средина) 20-27 кн.; V de testamentis 27-36 кн. pars sexta (безъ особаго заглавия) содержала 37-45 кн. и pars septima 46-50 книги.

По своему внутреннему содержанию Digesta, как известно, состоят из отдельных отрывков из юридических сочинений разных авторов, которые сохранили значение и для современной жизни, т.е. могли служить сборником действующего права.

У древних юристов все содержание гражданского права распадается на три группы: jus civile (старое гражданское право), jus honorarium и третья группа – практических работ, называвшихся responsa.

Литература по цивильному праву принадлежитъ главнымъ образомъ Сабину; извѣстенъ его libri tres juris civilis. Позднѣйшіе юристы, занимавшіеся цивильнымъ правомъ, писали, большею частью, комментаріи къ Сабину (libri ad Sabinum). Sabinus

По области jus honorarium извѣстны libri ad edictum (комментаріи къ Эдикту). Практическая юридическая литература сосредоточивалась въ quaestiones Папиніана. Отсюда предполагаютъ, что комиссія по составленію Дигестъ раздѣлила весь собранный матеріалъ на три группы: 1, libri ad Sabinum, 2, libri ad edictum и 3, libri ad Papinianum, причемъ обработкою каждой изъ этихъ частей занялось одно изъ трехъ отдѣленій, на которыя раздѣлялась комиссія. Можно сдѣлать догадку, кто именно изъ членовъ комиссіи обработывалъ извѣстную часть матеріала: профессора, всего вѣроятнѣе, взяли на себя историческую часть (ad Sabinum), а юристы разбѣлились на двѣ группы и разработывали эдиктальное право и libri ad Papinianum.

Послѣ весь разработанный матеріалъ еще разъ просматривался въ общемъ засѣданіи комиссіи.

§112. Институціи Юстиніана.

Съ выходомъ въ свѣтъ новаго законодательства (въ видѣ кодекса и Дигестъ Юстиніана) скоро должна была почувствоваться необходимость измѣнить, соотвѣтственно новому состоянію источниковъ дѣйствующаго права, и систему начальнаго преподаванія его. Прежніе учебники (институціи), существовавшіе для этой цѣли, естественно должны были оказаться непригодными и потому необходимо было замѣнить ихъ новыми, приспособленными къ новой законодательной системѣ. Это хорошо предвидѣлъ самъ авторъ кодификаціи, императоръ Юстиніанъ, и потому еще прежде окончательнаго ея завершенія онъ поручаетъ Трибоніану составить новый элементарный учебникъ права. Трибоніанъ беретъ себѣ въ помощники двухъ преподавателей права: константинопольскаго профессора Ѳеофила и берутскаго Дороѳея. Изъ этихъ трехъ лицъ Дороѳей обработалъ двѣ первыя книги предполагаемаго учебника, Ѳеофилъ двѣ остальныя, а Трибоніанъ редактировалъ весь учебникъ и представилъ его императору, отъ имени котораго онъ долженъ былъ выйти. 21го Нояб-

ря 533 года почти одновременно съ изданіемъ Дигестъ, выходитъ императорскій указъ (constitutio imperatoriam majestatem), которымъ утверждается новый учебникъ и коему дается обычное названіе institutiones. По словамъ указа эти институціи составлены главнымъ образомъ по институціямъ Гая, но приняты во вниманіе и другія (Ульпіана, Флорентина, Маціана). При этомъ внесены необходимыя измѣненія соотвѣтственно новому состоянію права. Юстиніанъ адресуетъ свои институціи къ юношеству, начинающему изучать право (cupidae legum juventuti) и при томъ указываетъ на педагогическое значеніе ихъ, говоря, что онѣ проще и легче для усвоенія ихъ юношествомъ.

Особенность институцій Юстиніана та, что онѣ являются не только учебникомъ, но въ тоже время и законодательнымъ сборникомъ, такъ какъ имъ присвояется сила закона. Институціи эти состоятъ изъ четырехъ книгъ, которыя дѣлятся на титулы (всего 98), а эти послѣдніе имѣютъ principium и параграфы.

Но законодательная дѣятельность императора Юстиніана не закончилась и послѣ изданія трехъ указанныхъ сборни-

ковъ, т. е. кодекса, Дигестъ и Институцій. Когда вышли въ свѣтъ Дигесты и Институціи, то оказалось, что первый кодексъ законовъ далеко не совершененъ и расходится съ Дигестами, въ виду чего и было необходимо снова пересмотрѣть и редактировать его. 16го Ноября 534 года издается императорская конституція (cordi nobis), адресованная къ сенату, въ которой предписывается составить коммиссію изъ четырехъ лицъ подъ предсѣдательствомъ Трибоніана для составленія новой редакціи кодекса, при чемъ въ него должны быть внесены 50 decisiones Юстиніана (codex repetitae prae lectionis). Этотъ кодексъ раздѣлялся на 12 книгъ, которыя содержали въ себѣ 765 титуловъ съ особыми названіями. Указы императора въ титулахъ расположены по возможности въ хронологическомъ порядкѣ, при чемъ въ началѣ ихъ стоятъ имена авторовъ, а въ концѣ годъ изданія. Введенъ въ дѣйствіе этотъ кодексъ съ 29го Декабря 534 года.

§ 113. Новеллы. Сборники новеллъ.

Послѣ Юстиніана законодательная дѣятель-

ность не останавливалась, какъ можно было бы ожидать, а, напротивъ, получила оживленіе. Это объясняется тѣмъ, что когда древнее право приведено было въ извѣстность, то стали ясны тѣ пробѣлы, которые имѣло оно противъ современной жизни, и тотъ путь, которымъ должно было идти дальнѣйшее законодательство. Начинается реформаторская дѣятельность въ области права. Юстиніанъ издаетъ множество новыхъ отдѣльныхъ конституцій — novellae (leges), въ которыхъ проводитъ важныя реформы (напр. въ области наслѣдственнаго права). Особенно большое количество новеллъ выходитъ до 545 года, послѣ чего онѣ становятся уже рѣже. Причиною этого была смерть Трибоніана — главнаго дѣятеля въ этой области.

Что касается кодификаціи новеллъ, то извѣстно, что Юстиніанъ имѣлъ въ виду эту задачу, но осуществить не успѣлъ ни онъ, ни его преемники. Однако новеллы дошли до насъ въ сборникахъ, хотя и составленныхъ по частной иниціативѣ. Изданіе такихъ частныхъ сборниковъ объясняется практическою потребностью въ нихъ. До насъ дошло нѣсколько такихъ сборниковъ, различныхъ по времени и количеству заключающихся въ нихъ новеллъ. Болѣе важны

изъ нихъ: во-первыхъ, epitome Juliani (преподавателя константинопольской школы), содержащее въ себѣ конспективное изложеніе 68 новелъ Юстиніана; во-вторыхъ, сборникъ 134 новелъ, названный средневѣковыми юристами authenticum (достовѣрный, подлинный). Это названіе объясняется такъ. Первоначально эти юристы имѣли только epitome Juliani, когда же найдены были болѣе полный сборникъ 134 новелъ и при томъ съ полнымъ текстомъ, то, по сравненію съ имѣвшимися раньше, они и назвали его authenticum. Въ-третьихъ, извѣстенъ еще болѣе полный сборникъ 168 новелъ, но не весь онъ принадлежитъ Юстиніану: есть новеллы его предшественниковъ (2) и преемниковъ.

Большинство новелъ издано на греческомъ языкѣ въ противоположность кодификаціи Юстиніана, которая написана на официальномъ латинскомъ языкѣ.

Въ сборникахъ новелъ императорскія постановленія содержатся въ полномъ подлинномъ видѣ, а не сокращеніи, какъ въ кодексѣ. Императорская конституція начинается обыкновенно предисловіемъ

praefatio, въ которомъ указывается поводъ закона. Затѣмъ идетъ сверженіе, разъясненное на главы, а иногда и на параграфы, заканчивается конституція заключеніемъ-epilogus.

Императорскіе указы приготовлялись въ двухъ канцеляріяхъ (scrinia); писались на особой бумагѣ и скрѣплялись секретаремъ.

§114. Преподаваніе права по плану Юстиніана.

Мы уже видѣли, что реформа, произведенная Юстиніаномъ въ законодательствѣ, необходимо должна была привести къ реформѣ и преподаванія права. Юстиніанъ, издавая институціи, очевидно еще заранѣе предвидѣлъ это. Но онъ не ограничился одними этими въ данной области. Окончивъ дѣло кодификаціи, онъ издаетъ новые планы преподаванія права въ школахъ. Эти планы опубликованы вновѣ вмѣстѣ съ дигестами въ особомъ указѣ на имя профессора константинопольской школы. Здѣсь Юстиніанъ утверждаетъ три оффиціальныя школы въ Константинополѣ, двѣ изъ

Беритѣ: всѣ остальныя (частныя школы) запрещаются.

Въ оффиціальныхъ школахъ вводится слѣдующій планъ преподаванія. Курсъ изученія права вводится пятилѣтній. Въ первый годъ изучаются Институціи Юстиніана и первая часть Дигестъ (πρῶτα). Проходящіе этотъ первый курсъ называются Justiniani novi (прежнее оскорбительное наименованіе dupondii и обычныя издѣвательства надъ ними Юстиніанъ запрещаетъ). На второй годъ изучается вторая и третья часть Дигестъ и какія нибудь 4 книги изъ четвертой или пятой части Дигестъ, т. е. курсъ обязательственнаго, наслѣдственнаго или уголовнаго права. Слушатели этого курса называются edictales (названіе старое, потому что во второй годъ изучался эдиктъ). Третій годъ посвящается второй или третьей части Дигестъ (которая была не прочитана во второй годъ) и 3 первыхъ книги четвертой части. Слушатели называются Papianistae; названіе опять старое; прежде въ третій годъ изучалась практическая часть, во главѣ которой стоятъ труды Папиніана, то-

перь это названіе оставлено безъ уваженія. Къ этому присоединились, тѣмъ болѣе, что третья и четвертая части Дигестъ содержатъ по большей части выдержки изъ его сочиненій. Въ четвертый годъ изучались 10 книгъ четвертой и пятой части Дигестъ. Слушатели этого курса назывались по гречески Λυτάι (освобожденные), потому что въ прежнее время они освобождались отъ обязательнаго посѣщенія лекцій и могли заниматься на домѣ, но теперь эта льгота была уничтожена. Наконецъ, въ теченіи пятаго года ученіе ея были свободны уже отъ посѣщенія лекцій (почему назывались Προλῦται) и занимались дома, изучая пятую и шестую части Дигестъ и Кодексъ. Такимъ образомъ, въ эти пять лѣтъ проходилось все законодательство Юстиніана.

Преподаваніе въ то время (какъ и теперь) велось въ формѣ лекцій, къ которымъ присоединялись практическія занятія. Разница отъ современнаго юридическаго образованія состоитъ въ томъ, что тамъ не было подготовительнаго общаго юридическаго курса (это составляло предметъ общаго образованія реторическаго и

л. секціи.

философского образования), но сразу приступали къ изученію спеціальныхъ юридическихъ наукъ (уголовнаго и гражданскаго права).

§ 115. Судьба Юстиніанова законодательства на Востокѣ и Западѣ.

Въ то время, когда Юстиніанъ издавалъ свою кодификацію, Западная Римская Имперія давно уже не существовала, поэтому, очевидно, что кодификація эта предназначалась, главнымъ образомъ, для восточныхъ народовъ греческой культуры, среди которыхъ господствующимъ языкомъ былъ греческій. Между тѣмъ, кодификація Юстиніана, какъ мы знаемъ, была издана на официальномъ латинскомъ языкѣ, который большинству населенія былъ неизвѣстенъ. (Поэтому еще до изданія ея многіе считали предпріятіе Юстиніана безуспѣшнымъ). Это обстоятельство было причиною того, что какъ только кодификація вышла въ свѣтъ, тотчасъ же была переведена частными лицами на греческій языкъ и въ этомъ уже видѣ фактически вошла въ употребленіе. Изъ такихъ переводовъ или парафразъ (какъ они назывались) наиболѣе важны: во-пер-

выхъ, парафраза институцій Θеофила, участвовавшаго въ ихъ составленіи (сохранилась до нашего времени). Она представляетъ буквальный переводъ съ замѣчаніями. Во-вторыхъ, парафраза Дигестъ Стефана; въ третьихъ, парафраза Кодекса Θалалея (Thalaleus) и, наконецъ, въ четвертыхъ, конспекты новеллъ Аθанасія и Θеодора. Такимъ образомъ, на греческій языкъ переведено было все законодательство Юстиніана, и этотъ переводъ, благодаря указаннымъ условіямъ, сразу вытѣснилъ изъ употребленія подлинникъ.

Восточная римская Имперія продолжала существовать послѣ Юстиніана еще 900 лѣтъ (до 1453 г) и законодательная дѣятельность ея императоровъ не прекращалась во весь этотъ періодъ. Не говоря уже объ отдѣльныхъ законахъ, было издано даже нѣсколько законодательныхъ сборниковъ. Такъ императоръ Левъ Исаврянинъ издаетъ въ 740 году сборникъ въ 12ти титулахъ подъ названіемъ эклоги (ἐκλόγοι τῶν νόμων).

Въ 878 году императоръ Василій Македонянинъ издаетъ Πρόχειρος νόμος (ручная

книга законовъ), состоящій изъ 18ти титуловъ. Въ концѣ его царствованія выходитъ второе изданіе Прохирона подъ названіемъ ἐπαγωγὴ τῶν νόμων. Василій Македонянинъ имѣлъ еще болѣе обширную идею-издать общую кодификацію всѣхъ накопившихся законовъ, но выполнена она была сыномъ его императоромъ Львомъ Философомъ. Онъ издаетъ замѣчательный сборникъ законовъ въ 60ти книгахъ съ примѣчаніями (σχολία). Названія сборника различны, болѣе употребительно названіе τὰ βασιλικά. По своему содержанію этотъ сборникъ представляетъ переработку Юстиніанова законодательства, которая объясняется тѣмъ, что это послѣднее было издано на непонятномъ языкѣ. Онъ сохранился до насъ въ отрывкахъ и является важнымъ памятникомъ греко-римскаго законодательства.

Оцѣнка указанныхъ сборниковъ, изданныхъ преемниками Юстиніана, можетъ идти двоякимъ путемъ. Для романистовъ они важны какъ продолженіе римскаго законодательства и какъ дополненіе источниковъ его. Для русскаго юриста историка они имѣютъ еще большое значеніе,

лось какъ византійское право путемъ духовныхъ судовъ, гдѣ оно являлось дѣйствующимъ, оказало сильное вліяніе на русское.

Всѣ эти позднѣйшіе сборники, изданные на греческомъ языкѣ, все болѣе и болѣе вытѣсняли кодификацію Юстиніана, такъ что въ концѣ концовъ она почти совсѣмъ ступаетъ на Востокѣ.

Совершенно иную судьбу имѣло законодательство Юстиніана на Западѣ. По своему изданію кодификація Юстиніана не простиралась на западную половину имперіи, такъ какъ въ это время Юстиніанъ велъ упорную борьбу съ остготами. Только по окончаніи этой борьбы, результатомъ которой было изгнаніе остготовъ (въ 554 г.) и присоединеніе Италіи къ восточной имперіи, Юстиніанъ вводитъ здѣсь свою кодификацію. (Это было сдѣлано особымъ указомъ 554 г., опредѣлявшимъ устройство Италіи). Оказалось, что здѣсь то именно она и нашла себѣ самую благопріятную почву и сразу пустила глубокіе корни. Затрудненіе же, которое могло встрѣтиться при пользованіи новеллами, писанными, какъ извѣстно, на греческомъ языкѣ, было устранено существованіемъ латинскаго Epitome Juliani.

Но Италія недолго находилась подъ Византійскимъ владычествомъ; въ 568 году оно было уничтожено Лонгобардами.

Однако и это завоеваніе ея германцами, какъ и прежде, по извѣстнымъ уже намъ причинамъ (см. 107 §.), не оказываетъ вліянія на дѣйствующее право: оно остается прежнимъ, т. е. Юстиніановскимъ.

Благодаря этому, мы чрезъ Западъ именно получаемъ это законодательство въ его чистомъ видѣ. Путь, которымъ оно дошло до насъ слѣдующій.

Прежде всего, сослужили службу въ этомъ отношеніи юридическія школы, существовавшія въ Римѣ и Равеннѣ, которыя разрабатывали римское право; но точныхъ свѣдѣній о дѣятельности ихъ и результатахъ ея сохранилось очень мало.

Гораздо больше свѣдѣній мы имѣемъ, начиная съ XI вѣка, когда изученіе римскаго права достигаетъ цвѣтущаго развитія въ Болонскомъ Университетѣ. Здѣсь появляется рядъ талантливыхъ романистовъ. Одинъ изъ нихъ (наиболѣе выдающійся) Irnerius полагаетъ начало новой системѣ изученія римскаго права, именно: онъ со своими послѣдователями пишетъ комментаріи къ законодатель-

ству Юстиніана (γλῶσσα), почему ихъ школа получила названіе школы глоссаторовъ. Послѣднимъ представителемъ ея былъ Accursius. Онъ издалъ сводную глоссу кодификаціи Юстиніана, въ которой суммировалъ всю работу предшественниковъ. (Эта глосса и теперь употребляется въ глоссированныхъ изданіяхъ).

Въ XV вѣкѣ такой же обработкой Юстиніановой кодификаціи занимался замѣчательный юристъ Годофредъ. Въ 1433 году онъ предпринимаетъ новое изданіе этой кодификаціи и при томъ впервые даетъ ей названіе corpus juris civilis. Это названіе принадлежитъ собственно не самому Годофреду, а заимствовано имъ изъ каноническаго права, гдѣ существовало названіе corpus juris canonici — въ противоположность этому Годофредъ назвалъ свое изданіе corpus juris civilis.

Съ дѣятельности глоссаторовъ и начинается на Западѣ замѣчательный историческій процессъ рецепціи (права) римскаго права; оно снова оживаетъ, начинаетъ дѣйствовать въ жизни (именно въ формѣ Юстиніановой кодификаціи) и распространяется по всей Европѣ. Поэтому все право ея и въ

настоящее время носитъ романистическій отпечатокъ, чѣмъ и объясняется важное значеніе римскаго права для современнаго юридическаго образованія (§2).

§116. Важнѣйшія изданія кодификаціи Юстиніана.

2 В 11

Всѣ изданія кодификаціи Юстиніана по ихъ системѣ можно раздѣлить на три категоріи.

До XVII вѣка существовали глоссированныя изданія, т. е. съ примѣчаніями на поляхъ кругомъ текста.

Послѣ этихъ начинается другой типъ изданій — комментированныхъ, т. е., съ краткими примѣчаніями (Замѣчат. изданіе Годофреда).

Позже начинаются уже изданія одного текста безъ глоссы и примѣчаній и, при томъ, или всѣхъ четырехъ частей вмѣстѣ или каждой отдѣльно. Вмѣсто примѣчаній въ такихъ изданіяхъ помѣщается критическій аппаратъ, т. е. указаніе разночтеній текста. Этотъ послѣдній типъ распадается на множество отдѣльныхъ изданій. Лучшими въ настоя-

щее время нужно признать изданія Кр. Кригелей и Моммсена. Въ этомъ изданіи Моммсена Институціи обработаны Кригеромъ; Дигесты — Моммсеномъ; Кодексъ — опять Кригеромъ и Новеллы — Шеллемъ.

XI

Сычевка
(Смоленск губерн)
почтов. отдел
Ярычино
Песочня А Д
Луговому

30
31
1
2
3
4
5
6

2
12
37
2
53

5
25
3
33

№ 10659.